

В ПОИСКАХ ЗВЕЗДЫ ЗАВЕТНОЙ

В ПОИСКАХ
ЗВЕЗДЫ
ЗАВЕТНОЙ

БИБЛИОТЕКА КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. С. ГОЦ
Л. П. ДЕЛЮСИН
Д. Ф. МАМЛЕЕВ
Т. П. РЕДЬКО
В. Л. РИФТИН
Е. А. СЕРЕБРЯКОВ
В. Ф. СОРОКИН
М. Л. ТИТАРЕНКО
Н. Т. ФЕЛОРЕНКО
Л. Е. ЧЕРКАССКИЙ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1988

В ПОИСКАХ
ЗВЕЗДЫ
ЗАВЕТНОЙ

*Китайская поэзия
первой половины XX века*

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

ББК 84.5Кит

В11

**Составление, вступительная статья,
заметки об авторах и примечания
Л. В. ЧЕРКАССКОГО**

**Оформление художника
Ю. Ф. КОПЫЛОВА**

В $\frac{4703000000-166}{028(01)-88}$ 187-88
ISBN 5-280-00370-0

© Состав, вступительная статья, переводы, отмеченные*, примечания, художественное оформление. Издательство «Художественная литература», 1988 г.

© Скан и обработка: glarus63

ВСТАВАЙ, ПОЭТ!

Китай—страна замечательных поэтических традиций. Серьезное и уважительное отношение к поэзии воспитано в китайском народе издревле. Ее влияние на умы и сердца людей всегда было прочным и постоянным. Поэзия смело вторгалась в жизнь, не боясь «запретных» тем, в ней меньше ощущалась конфуцианская ортодоксальность и, следовательно, с наибольшей полнотой самовыражалась личность, индивидуальность.

В первой четверти XX века, когда китайская литература решительно порывала с канонизированным мышлением, оказывавшим на нее в течение столетий глубокое воздействие, гуманистические традиции прошлого сохранялись и приумножались в творчестве прежде всего поэтов «4 мая», а также 20—40-х годов. Лучшие произведения наиболее известных поэтов этого времени и составили книгу, названную «В поисках звезды заветной». Заголовок, как нам кажется, вместил в себя идею порыва, устремленности вперед, мысль о мучительной отдаленности социальной мечты от действительности и веру в будущую гармонию между людьми.

Читатели найдут в книге строки, исполненные печали и скорби, гнева и протеста, стихи, лирическими героями которых становились люди новой формации, одухотворенные высокими идеалами свободы и духовного раскрепощения. В ней звучат голоса реалистов, романтиков, символистов, революционных пролетарских поэтов во всем их жанровом многообразии, трактовавших — каждый по-своему — проблему взаимоотношений человека и общества, становления новых моральных и нравственных принципов, тему войны и революции.

У истоков китайской литературы новейшего времени стояла поэзия «4 мая», тесно связанная с одноименным историческим «движением»; свой рассказ мы и начнем с этой неравнодушной, бескомпромиссной, оптимистической по глубинной своей сути поэзии, ибо стихотворения Чжу Цзыцина, Го Можо, Ван Цзинчжи

и многих других по заслугам составляют немалую часть всей книги.

Движение «4 мая» 1919 года возникло под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Решение Версальского мирного договора после завершения мировой войны о передаче Японии бывших прав и владений Германии в провинции Шаньдун вызвало взрыв возмущения и послужило непосредственным поводом к возникновению массового движения, инициатором которого выступила учащаяся молодежь Пекина. Национальное движение в первую очередь было направлено против японского империализма, но только «в первую очередь», так как лозунг «Не подписывать мирного договора!» объективно призывал к подрыву всей системы колониального гнета. В политическом отношении это было антиимпериалистическое движение, носившее в области культуры ярко выраженный антифеодальный характер. Оно пробудило сознание широких слоев китайского общества, вызвало к жизни процессы, подготовившие революцию 1925—1927 годов, и стало вехой в истории рабочего класса Китая.

Вместе со всеми прогрессивными силами нации в борьбу за национальное и социальное возрождение включились и деятели «новой литературы». Первыми ее произведениями были стихи на разговорном языке байхуа. Новая поэзия была «первой» не только хронологически: как писал в свое время известный критик Ба Жэнь, она была «передовым отрядом литературной революции». Восприняв политические и идеологические устремления века, она продемонстрировала свои первые художественные достижения — хотя исторически была поставлена в более сложные, чем проза, условия.

Китайская проза на байхуа имела свои великие традиции — прежде всего классические романы, писавшиеся на байхуа. Новая поэзия таких традиций не имела: языком ее предшественников был старый литературный язык вэньянь, непонятный широкому читателю. Вот почему новой поэзии, прервавшей привычную традиционность, необходимо было совершить художественный подвиг, выходящий за рамки чисто просветительских, утилитарных функций, свойственных китайской литературе того времени. Чтобы быть принятой современниками, новая поэзия должна была утолить их духовный голод, ответить на вопросы, на которые уже нельзя было не отвечать. Новая поэзия должна была не только объяснить происходящее, но и приоткрыть завесу будущего и создать новые поэтические формы, соответствующие новому содержанию и разговорному языку, который отныне становится языком поэзии. Благодаря новизне и непривычности новой формы ей предстояла также борьба и за читателя.

Еще в конце XIX — начале XX века известными реформато-

рами и деятелями культуры — Хуан Цзуньсянем, Тань Сытуном. Ся Цзэпью и другими — провозглашается так называемая «революция в стихе». В отборе лексики они стремятся к ясности и простоте, чему учила их пародная песня, существенно расширяют тематику стихов, используют диалектизмы, неологизмы, иностранные слова. Стремясь вырваться из плена традиционных размеров, они все же оставляли в пеприкосновенности форму классического пятисложного и семисложного стиха. Хоть свои эксперименты они и называли «революцией в стихе», «новым литературным стилем», это было лишь попытками вывести литературу из тупика. Эту задачу, как и многие другие, уже в 20-е годы решали их преемники и последователи. И тем не менее плоды таких попыток послужили основанием для возведения моста между новым и новейшим временем: Хуан Цзуньсянь и его единомышленники, стихи которых вошли в данный том, передали поэтам «4 мая» накопленное ими идейное и художественное богатство.

Поэзия «4 мая» утверждала идеи демократии и гуманизма. Впервые с близкого расстояния она взглянула на затравленного, униженного человека, живущего по закону предков и слову Конфуция, по указу государственного чиновника и милостью помещика, власть которого казалась ему нерушимой, неизлечимой.

Поэзия «4 мая» заговорила о главном: вечен ли старый мир, всегда ли женщина будет нема и безгласна, а рикша тащиться как лошадь по пекинским переулкам мимо харчевен с завлекательными поэтическими названиями?

Под кистью поэтов рождались непривычные образы нового мира — Мотыга, Молот, Красный новый год, Сад будущего. Поэзия выступала против конфуцианского домостроя, отражала разлад между «отцами и детьми», бунт молодежи против непрекращаемого авторитета «старшего в семье» — отца, брата. Все эти проблемы стали главной темой в творчестве Лю Баньнуна, Лю Дабая, Ван Цзинчжи, Сюй Юйпо. О том же писали Се Бинсинь и Кан Байцин, произведения которых при всей их искренности и человечности оставались камерными: желание отгородиться от жизненных невзгод оказалось в них сильнее стремления открыто вмешаться в жизнь ради ее улучшения.

Рядом с поэтами, тяготившими к реалистическому отображению действительности, нащупывали свои пути и романтики; Го Можо. Вань Идо, Чжу Цзыцин, Сюй Чжимо прославляли «грядущее Солнце, рассеивающее мрак жизни», воспевали «великие идеалы», утверждали отважного героя, «сверхчеловека», гордящегося своей «иллюзорной свободой». Читатели найдут в книге немало стихотворений именно с такой окраской.

И в эти же годы появляются первые строки пролетарской поэзии, сочетающей реалистическое отображение действительности с романтикой борьбы. В 1923 году Цюй Цюбо публикует знаменитые стихи «Красный прибой», а в 1925 году выходит в свет сборник Цзян Гуанцы «Новые мечты», привнесший, по словам критика Цянь Сишуня, «вести о мировой революции». Поразительные по своей правдивости стихи создают профессиональные революционеры. Эти стихи знали немногие: порой их единственным читателем был тюремный надзиратель. Много лет спустя сборник таких чудом уцелевших стихов был опубликован в КНР.

Храня и развивая традиции героико-романтической поэзии «4 мая», пролетарская поэзия зрела и мужала в условиях сложной и длительной борьбы с эстетскими платформами и теориями декадентов.

Новый век ворвался в поэзию со своей образной системой, с новыми интонациями, звуками, красками, лексикой. Старая форма взрывалась и разрушалась. Утверждался раскованный свободный стих с широким использованием ассонансов и аллитераций, с учетом естественности мелодий и интонаций. В ответ на появление верлибра возникает «новый метрический стих» Вэнь Идо, сочетавший традиции отечественной классики и художественные повадки западноевропейской поэзии.

Поэзия обогащается новыми жанрами. Популярны «короткие стихи» («сяо-ши») Лю Дабая, Се Бинсинь, Цзун Байхуа, появившиеся под влиянием японских хайку и танка, а также сборника Р. Тагора «Залетные птицы». В книге приведены образцы лучших «сяо-ши» того времени. Создаются сонеты по образцу западноевропейских — Фэн Чжи, Чжу Сян, Вэнь Идо; используются мотивы, ритмы и образы народных песен (Лю Бэньун, Пу Фэн, Ван Япип, Кэ Чжунпин).

Несколько забегаая вперед, скажем, что в середине 30-х годов в поэзии утверждается жанр эпической поэмы: тенденция перехода от лирики к эпосу была закономерна и естественна. Общественные движения, освободительная война, в которую были втянуты миллионы, острые классовые столкновения в деревне и в городе — все это требовало образов и картин сложных и многоплановых. «Великая эпическая поэма большой судьбы создается всей нацией», — утверждал поэт и теоретик поэзии Му Мутянь.

Новая поэзия, оставаясь глубоко национальной, ликвидирует свойственную ей ранее ограниченность и, обогащенная достижениями англо-американской, русской и японской поэзии, выходит на простор мирового литературного процесса. Многочисленные переводы с иностранных языков не только обогащают китайскую поэзию, но и участвуют вместе с ней в борьбе против феодально-

го мракобесия и невежества. Новая поэзия становится серьезной общественной силой.

Ее творцы должны были преодолеть естественное тяготение к старым образцам; но, преодолевая устаревшее, не забывать и о живых традициях. В творчестве лучших поэтов «4 мая» мы находим гармоничное сочетание прогрессивных традиций с тем новым, что принес китайской культуре XX век.

Новая поэзия была чутка к социальным переменам, тем более к событиям общекитайского масштаба. Элементы символизма, появившиеся в китайской поэзии в те же 20-е годы, отразили изменения в духовной жизни той части интеллигенции, которая, после расстрела демонстрации рабочих и студентов Шанхая 30 мая 1925 года, знаменовавшей собой начало национальной революции 1925—1927 годов, была потрясена открывшейся перед ней картиной безысходности. Романтическая устремленность к неосознанным и абстрактным идеалам привела эту поэзию к отрыву от действительности. Возникновение символистов не было случайным, как не случайно они были сметены поэзией романтико-героической и реалистической.

У читателей неизбежно возникнет вопрос: да возможно ли вызревание в недрах одной и той же литературы примерно в одно и то же время таких художественных направлений, как романтизм, реализм и символизм? А если это действительно произошло, то каковы причины столь необычного явления с точки зрения историко-литературных закономерностей, кажущихся нам аксиоматичными? Вопрос правомерный. Распространение в Китае (и в других странах Востока) в течение небольшого отрезка времени романтизма, реализма и символизма объясняется ускоренным развитием китайской литературы XX века вследствие растущих ее связей с развитыми литературами Запада. «Мировая литература, — писал в 1940 году академик В. М. Алексеев, — хлынула в Китай сокрушительным потоком из всех европейских и американских стран, из всех времен, обществ, направлений... Все, что изживалось Европой разновременно в разных странах, но последовательно, наводнило Китай единовременно...» Позднее вопрос ускоренного развития литератур стран Востока рассматривал и академик Н. И. Конрад, который, в частности, отмечал, что, благодаря ускоренному развитию, литература в странах Востока, «едва — и вполне закономерно! — ступив на путь романтизма... не успев этот путь как следует освоить, уже спешила дальше — к реализму». Не вдаваясь в подробности, скажем, что 20—30-е годы были весьма благоприятны для развития в Китае романтизма и символизма и что определяющим в новой китайской литературе в конце концов стало реалистическое направление.

Вот почему на страницах книги «В поисках звезды заветной»

встречаются реалисты, романтики и символисты, границы между которыми порой бывали по тем же причинам зыбки и неустойчивы: вчерашний романтик становился реалистом, а символист — романтиком.

Для китайских символистов близким оказалось свойственное Верлену, Рембо и другим французским поэтам трагическое ощущение разрыва между мечтой и действительностью. В поэзии Ли Цзиньфа, Фэп Найчао, Дай Ваншу (его стихи представлены в томе), с ее культом скорби и печалью о прошлых днях, искали успокоение слабые духом. Поэты-символисты, и прежде всего Дай Ваншу, были голосом тех молодых интеллигентов, которым импонировали присущие символистам мотивы отчаянья, тоски, одиночества, страха за мятущегося в этом непонятном мире человека, наконец, стремление «выразить невыразимое». Их влияние было довольно сильным. Однако время, как писали тогда китайские критики, требовало литературы, пробуждающей самосознание народа, воспитывающей в нем гражданина и борца. Именно такой была революционная пролетарская поэзия, которая продолжала развиваться и набирать силы даже в условиях жестокого террора после подавления антиимпериалистической революции 1925—1927 годов.

Прогрессивные гуманистические и демократические тенденции пролетарской поэзии были подхвачены «Китайским поэтическим обществом», созданным революционной Лигой левых писателей Китая в 1932 году. Созданию этого Общества предшествовала дискуссия о революционной литературе, инициатором которой в 1928 году выступили прогрессивные литературные объединения «Творчество» и «Солнце». Острием своим направленная против теории и практики эстетской группы «Новолуние», дискуссия помогла многим ее участникам понять важность соединения теории литературы и искусства с революционной практикой, первостепенную значимость художественного мастерства и жизненного опыта для создания полнокровных произведений.

События в Китае развивались стремительно. Усиление японской агрессии, вторжение японских войск в Маньчжурию (1931 г.), интервенция в Шанхае (1932 г.) грозили перерасти в общенациональную катастрофу. Необходима была консолидация сил народа. Борьба на идеологическом фронте не прекращалась. В сентябре 1932 года в Шанхае группой поэтов во главе с Ян Сао, Му Мутянем, Жэнь Цзюнем и Пу Фэном было создано «Китайское поэтическое общество» с журналом «Новая поэзия». В редакционной статье первого номера читаем: «Поэзия должна отражать реальную жизнь общества, двигать его вперед. Главные задачи: создание теории стиха, ознакомление читателей с новой зарубежной поэзией. Самая же настоятельная — создание массовой поэзии».

Члены Общества решительно порвали с поэзией «беспричинных стонов»; ветер, снег, цветы и луну они считали праздной забавой — вовсе не потому, что были аскетами или лишены чувства прекрасного. Они приняли эстафету своего собрата из общества «Солнце», Цзян Гуанцы, заявившего: «Сегодня наша обязанность заключается не только в том, чтобы петь о цветах, луне, любви, красоте, но — это главное! — показать, что жизнь лишена цветов, лишена луны, лишена любви, красоты. Мы должны выступить против этой грязной жизни, должны найти дорогу, ведущую к цветам, к луне, к любви, красоте!»

Поэты из «Китайского поэтического общества» выдвинули лозунг: «Приближим поэзию к народной песне». Они были против зауми и таинственности стихотворных строк, присущих декадентам и символистам. Реальность, говорили они, следует изучать и познавать, а не выдергивать из массы явлений отдельные факты социальной действительности и абсолютизировать их. Необходимо углубленное изучение жизни, ибо, в противном случае, поэзии грозит легковесность, скольжение по поверхности явлений. Наиболее убедительно и эмоционально о роли поэзии говорил в статье «Как писать оборонные стихи» Пу Фэн. Он славил Байрона, считая его жизнь ярким примером того, как «поэты сражаются за правду и независимость». Он призывал собратьев по перу превратить стихи в оружие, вспоминал слова Маяковского: «Наше оружие — наши песни». Когда в 1935 году, в условиях подъема национального самосознания и патриотизма народа, подвергнутого японской агрессии, в Китае был выдвинут лозунг «Литература национальной обороны», он был поддержан Пу Фэном и его товарищами.

Поэты Общества достовернее изображали деревню, нежели город, который, как правило, наделяли враждебной силой. Социальные сдвиги, классовые столкновения далеко не всегда находили в их творчестве верную оценку. В годы войны тяготение к изображению деревни становится в китайской поэзии еще сильнее. Героями лирических стихов и поэм Цзан Кэцзя, Цзоу Дифа-пя, Ша Оу и других, со многими из которых читатели познакомятся на страницах сборника, выступают крестьяне, и солдаты, и реже — рабочие, горожане. Неизменным лирическим героем множества произведений остается интеллигент, с которым, однако, в условиях войны происходят решительные перемены: он становится солдатом — даже тот, кто долгие годы пребывал в выдуманном мире «ветра и луны», «уединения и безмолвия».

«Поэзия национальной обороны» и стихи, созданные в разгар войны Сопrotивления, не ограничивались антияпонской тематикой: поэзия выступала против всех и всяческих форм насилия и

тирании, против внутренней реакции, против мирового империализма.

С началом антияпонской войны (1937—1945) организационной формой объединения писателей-патриотов становится «Всеитайская ассоциация деятелей литературы и искусства по отпору врагу». Созданная в марте 1938 года в городе Ухани, Ассоциация сыграла важную роль в деле мобилизации масс на борьбу. Вплоть до конца войны она была едипственной организацией в стране, объединявшей работников литературы и искусства.

В первые годы войны поэзия, как и очерковая литература, достигла небывалого размаха. За 1937—1941 годы выходит в свет до ста сборников, не считая многочисленных публикаций в газетах и журналах. Появляются новые журналы, среди которых самым популярным становится «Июль», выступивший с требованием глубже изучать жизнь и продолжать традиции Лу Сипя. Общенациональный характер войны расширил сферу влияния литературы и степень творческого участия в ней масс. Кроме поэтических произведений профессиональных поэтов, печаталось (особенно позднее, в Освобожденных районах, контролируемых коммунистами) огромное количество стихов и песен непрофессиональных авторов: крестьян, солдат, рабочих.

В эти годы литераторы особенно остро почувствовали свою кровную связь с народом. Война в корне изменила условия их жизни. Бомбы и снаряды заставили даже самых пассивных покинуть рабочие кабинеты. Многие сели за руль военных грузовиков, писали в госпиталях письма для раненых, учили грамоте солдат и беженцев. В Северном Китае писатели вели работу в оккупированных районах в тылу японской армии, создавали культурные центры в отдаленных провинциях. Многие литераторы участвовали в вооруженной защите Шанхая, Нанкина, Ханькоу.

Поэты стали участниками войны — даже те, кто непосредственно не побывал на поле боя, и их стихи были полны искреннего желания сказать правду о войне и народе, сражающемся против агрессора. Поэт военных лет стоял на позиции борца, и образ самого поэта сливался с образом вдохновившего его народа. В предисловиях к сборникам, в стихотворениях и теоретических статьях они подчеркивали мобилизующую роль художественного слова, весомость которого увеличилась многократно. Эта осознанность значения слова рождала ораторские интонации, агитационный пафос, риторические фигуры, с годами сменившиеся более спокойной, неспешной речью. Читатель несомненно заметит эти метаморфозы, происходившие с поэтической строкой. Мы же считаем нужным подчеркнуть, что, на наш взгляд, в сборнике нашла отражение реальная картина того времени во всей ее яркости и противоречивости.

Свою миссию поэты усматривали не только в мобилизации масс, в призывах к национальному сплочению, — хотя именно эту задачу они, естественно, считали важнейшей, — они думали о будущем, о Китае после победы, о человеке, освобожденном от пут религии, невежества, косности, социального неравенства.

Поэзия Сопротивления звучала требовательно и грозно. «Родина и единство нации» были главной темой в творчестве подавляющего большинства литераторов тех лет. В стихах о войне, рисуя картины народных бедствий и облик оккупантов, поэты подчеркивали моральное превосходство китайского народа над агрессором. Появляются стихи о доме, семье, матери, чей образ перерастает в образ Родины. Однако любовной лирики, которая, к примеру, в советской поэзии в годы Великой Отечественной войны достигла высокой нравственной силы, китайская поэзия военных лет почти не знала.

В поэзии обострилось чувство родины, по-новому стало восприниматься пространство и время. Поэтическое время, «открытое всем ветрам», выверялось ходом событий во все расширяющихся пространствах, масштабы которых соответствовали масштабам событий. С началом азиатской войны деятелями культуры Китая овладело всеобъемлющее чувство кровной связи с землей отцов. Поэты как бы очерчивали географические контуры страны, повторяя и повторяя названия городов, деревень, гор, рек, чтобы соотечественники ни на минуту не забывали, во имя чего сражаются и умирают на поле боя. Названия мест, где шла война, реки Хуанхэ и Янцзы, олицетворявшие многовековую историю страны, входили в стихотворные тексты как пространства жизни и смерти, как вдохновляющие символы пации.

Образы, рожденные военным временем, выверялись его ходом. В сущности, само время стало героем поэзии в ряду вторичных его образов — огня, крови, знамени, сердца, земли. Эти зримые и легко представляемые образы проясняли отвлеченные идеи о судьбах пации, вызывая в читателе или слушателе ощущение своей причастности к Истории. Образ земли масштабнее других поэтических образов. Поэты редко наделяли землю эпитетами иными, чем «трагическая», «голодная», «мертвая». И конечно же, земля ассоциировалась с крестьянином, а крестьянин — с землей.

В арсенал художественных средств сатириков входят гротескные, порой фантастические образы Лжи, Глаз-гвоздей, Крыс, спасающихся бегством, насосавшихся крови Клопов. Типизация достигалась ими с помощью гротеска, сарказма, иронии.

В 40-е годы китайские поэты писали о своей принадлежности «всему человечеству». Содержанием жизни была борьба, носившая интернациональный характер. И если тема любви как таковой была притушена, то тема «солидарности народов» приобрела пер-

востепенное значение. Поэты слагали стихи о войне в Абиссинии и об испанских интернациональных бригадах, о французском Сопротивлении и о Гарсиа Лорке, но чаще и больше всего — о битве с фашизмом, о роли Страны Советов в разгроме гитлеризма во второй мировой войне, о помощи советского народа Китаю в военные годы. Так, Го Можо в стихотворении «Слава советской Красной Армии» писал:

Книга новой истории, новой судьбы
четверть века назад счет годам повела.
Ты сжигаешь себя в самом пекле борьбы,
но, как феникс, ты вечно жива и светла...

Еще большую актуальность и остроту, чем в 30-е годы, приобретают проблемы языка, формы поэзии, ее общедоступности. Под лозунгом «создания поэзии массового характера» проходило «движение за декламацию». Мизерные тиражи сборников, низкая грамотность населения обусловили важность пропаганды через устное поэтическое слово. Но предстояла немалая работа по созданию истинно народной поэзии, отвечающей задачам «искусства для слуха» — «Китайское поэтическое общество» лишь сделало первые шаги в этом направлении. «Движение за декламацию» получает развитие в Яньани, Чунцине, других городах. Стихи декламируются на массовых митингах, вечерах, передаются по радио, специальные бригады поэтов выезжают на фронт, где читают свои стихи солдатам.

Основным «оружием» стихов для декламации становится «язык отвлеченных понятий», «абстрактных истин»; разумеется, образность таким стихам не была противопоказана — но образность «действенная», не затемнявшая идею, смысл произведения. Понятия и образы отливались в формы старых народных песен, гражданского лирического стихотворения, «стихов для улицы». Были попытки использовать «лесенку» Маяковского, тем более что в декламационных стихах преобладал верлибр. Злободневность этих стихов, их политическая ориентированность, доходчивость формы и языка обеспечивали эффективность этого массового вида искусства.

Вероятно, для более четкого определения путей развития китайской поэзии военного времени следует сказать о двух ее потоках — о поэзии в Освобожденных районах и поэзии, создаваемой в районах гоминьдановского господства. Разумеется, условия работы, социальный и политический климат, да и вся жизнь были совершенно различны в этих районах; но общие цели отражения агрессии японского империализма в годы войны Сопротивления обеспечивали единство обоих отрядов китайских поэтов. На следующем этапе борьбы — за победу революции против чанкай-

шистских реакционеров — это единство станет еще крепче. Работавшие в гомиьдановских районах Го Можо и Цаап Кэцзя, Цаоу Дифань и Юань Шуйпо и поэты Освобожденных районов — Ай Цин, Тянь Цзянь, Кэ Чжунпин делали общее дело, их творчество — красноречивое тому свидетельство: два потока поэзии органично слились с победой революции в 1949 году в единый поток, именуемый китайской поэзией новейшего времени.

В описываемые годы в Яньани, центре Освобожденных районов, быстро распространяется «движение за цзетоуши» («стихи для улицы») — боевой жанр поэзии военных лет, появившийся под влиянием «Окон РОСТА» Маяковского. Крупными мастерами цзетоуши были Тянь Цзянь и Кэ Чжунпин. Цзетоуши папоминали энергичные лозунги и призывы: язык их был прост, доходчив, образен и эмоционален, политическая целеустремленность — четка и недвусмысленна. Часто они сопровождались рисунками. Отпечатанные или написанные от руки, цзетоуши расклеивались на заборах и домах, передавались из рук в руки: примеры таких «стихов для улицы» приведены в книге.

В армии появились «стихи для оружия» («цянши») — бойцы наклеивали их на приклады, стволы пулеметов и орудий. «Мы, поэты Китая, помним революционный призыв Маяковского: «Улицы — наши кисти. Площади — наши палитры». В дни военных походов мы писали свои короткие стихи-лозунги повсюду: на скалах, на стенах домов, на коре деревьев», — вспоминал впоследствии Тянь Цзянь.

В произведениях поэтов тех лет входят образы горнистов и часовых, девушек-санитарок, выносящих с поля боя раненых бойцов, партизан, героев сражений и детей, с риском для жизни помогавших взрослым бить врага. Поэты пишут о победах и горечи поражений, о крови и муках многолетней войны и о будущем мире на земле Китая.

Наступательные, боевые, жизнеутверждающие произведения, сатирические стихи создавались и в гомиьдановских районах, где прогрессивные литераторы творили под угрозой насилия и произвола властей.

Известный поэт и общественный деятель Сяо Сань в 1940 году в стихотворении «Вставай, поэт!» с высокой убежденностью заявил:

Поэт, оторвись от заманчивых снов,
Выйди из царства воображенья,
Жаркая кровь миллионов сынов
Льется на поле сраженья...
Поэт, сегодня ты пой для них,
Каждую им отдавай строку —
Ты должен перо приравнять к штыку!

Для многих и многих поэтов военной поры призыв Сяо Сяня стал программой жизни и творчества.

И как ни разнятся поиски и устремления китайских поэтов первой половины XX века, лириков и эпиков, творцов философских, пейзажных, любовных стихотворений или авторов, тяготевших к гражданской тематике, — связывает их одно: любовь к Китаю и высокий гуманизм. Строки их стихов вбирали в себя боль, радость, мужество и героизм тех лет. Поэты не щадили себя, и в этом их самоотверженном служении народу — залог искренности, правдивости и человечности их книг. Обращаясь к читателю, мы выражаем надежду, что среди стихотворений и поэм, напечатанных в книге «В поисках звезды заветной», он найдет строки, которые ему захочется запомнить и прочесть другим.

Л. Черкасский

ХУАН ЦЗУНЬСЯНЬ

(1848-1905)

Хуан Цзуньсянь — политический деятель, дипломат, участник «движения за реформы», инициатор так называемой «революции в стихе». Один из первых китайских поэтов, решительно вышедших в своем творчестве за рамки национальной тематики.

Пребывание в Японии, Америке, Англии дало Хуан Цзуньсяню возможность не только расширить знания о мире, усилить обличительный характер своих произведений, но и помогло более трезво оценить современную литературу.

Любовь к фольклору, серьезное его изучение убедили поэта в том, что Китаю необходима новая поэзия — на языке, на котором говорит народ, а не на старом эзьяне.

ПЕРВОЕ УТРО 1900 ГОДА

Приветствуя утро, пропел голосистый петух.
От солнца с луною окрестности света полны:
Диск солнца златится, и лунный еще не потух.
Но недра дрожат, проползает нерадостный слух,
И где-то опять зазвенели секиры войны.

Китай — в окруженье. Печален рассвет января:
Он с ношей несчастья приходит, он родственен мгле.
Пою новогоднюю песню, желанием тайным горя,
Что, может, под старость увижу я мир на земле.

А звуки блаженства слетают с небесных высот.
Сияют созвездья под куполом храма небес.
Должно быть, блаженство лишь только на небе живет,
К земле горемычной у счастья иссяк интерес.

Уже девятнадцать столетий — в огне и дыму,
А взор еще видит немало кровавых полей.
Не знаю, какие затеи влекут Сиванму
И до какой же поры бедами тешиться ей?!

ДИКИЙ ГУСЬ

И тебя потревожили
 звуки струн на веселье чужом,
Вот в полете тебе
 и моя повстречалась лачуга.

Может, здесь, за морским,
разделившим друзей рубежом,
Передашь мне письмо
от далекого, старого друга.
Всюду сети скрывает
обманная мгlistая тишь.
Ни гнезда, ни пристанища
нет и не будет до срока.
Промелькнешь, вновь вернешься,
без отдыха снова летишь.
И не спросит никто:
почему ты летишь одиноко?

ПРЕДАЮСЬ РАЗМЫШЛЕНИЯМ

Конфуцианцы в сегодняшнем мире
Стихи распевают да шамкают прозой.
Деяния древних — для них умиление,
О нынешнем судят со злобой, с угрозой.
О «справедливом» припомнят правление,
В ладонь подбородок уткнув сокрушенно,
Династий, домов возвышенья, паденья
За тысячелетье до времени бна!..
А то про недавние вдруг непорядки
Упорно толкуют, подолгу судачат.
Хулить настоящее — все они падки,
О древности всё убиваются, плачут.
Они боевых колесниц повторенья —
Художников древности изображенья —
Творят и творят, не жалея бумаги.
Систему старинную землеустройства
(Плоды их раздумий, забот, беспокойства)
Опять возрождают в рисунках, бедняги.

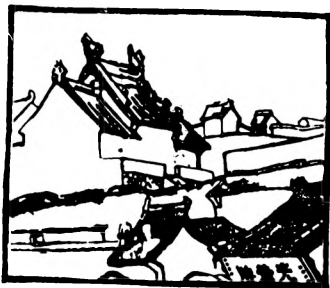
Обидны для древних суждения эти?
Не знаю. Быть может... Но вот что бесспорно:
Всё ныне в другом представляется свете,
Иные из истин становятся вздорны.
А конфуцианцы, по убежденью
Закрывшись от жизни массивною дверью,
Способны ль на нужные миру свершенья,

Имеют ли право на наше доверье?
Историю мы для того изучаем,
Чтоб нынешний день оценить не бездумно.
Понятна вселенная, мир познаваем,
Но их постижение должно быть разумно.
События минувшие — все перед нами,
И мы в настоящем не столь одиноки.
Мыслители древние некогда сами
Эпохи своей врачевали пороки.
Когда не воюем, свод мирных законов
Торговым сословьем в стране создается.
Война развернет боевые знамена —
И власть в государстве возьмут полководцы.

ЦЮ ЦЗИНЬ

(1875-1907)

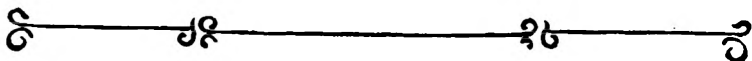

Цю Цзинь — журналистка, активный деятель феминистского движения, сумевшая в условиях феодального Китая явить поразительный пример иного для женщины бытия: получить образование, включиться в общественную деятельность, стать просветителем.

Автор патриотической и гражданской лирики, обличительных стихотворений, пейзажных и любовных строф — Цю Цзинь была поэтессой от революции и революционеркой от поэзии.

Отдала жизнь в борьбе против маньчжурского абсолютизма.

* * *

Себе в смятенье места не найду я:
Опасность гибели грозит Отчизне!
Я за ее пределами сегодня
Сподвижника ищу и друга в жизни.

Сосуд бесценный, но на нем изъяны.
Еще не поздно, устранить их надо.
Для Родины себя не пожалею,
Я за нее погибнуть буду рада!

Вздыхаю тяжело:
На пути преграды.
Печалюсь:
Неудачи и невзгоды.
Передо мною горы да заставы
В дни дальнего и смелого похода.

Не пустословьте, будто среди женщин
И вовсе не встречаются герои...
Ночей не сплю — гляжу на «меч дракона»,
Взывает он и к подвигу и к бою!

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

С утуна листья падают на землю.
За окнами их шорох различаю.
И верещит сверчок — ему я внемлю.
И сумерки. И на душе печально.

Не спится. Осень, что ли, будоражит!
Удары в гонг считаю каждой стражи.

Блуждают всюду тени от бамбука,
Свет месяца пронизывает шторы.
Стократ сильнее терзают грусть и скука
Того, кому не спится в эту пору.

К рассвету чаще ветер пабегаёт,
И холод сквозь одежды проникает.

* * *

Я негодую. Иль Небо
Все изменить не может?
Мне, как цзыгуй, остается
Кровь проливать, рыдая.
Скорбь и досада без меры
Сердце мое тревожат,
Сжав кулаки, по ступеням
То восхожу, то сбегаяю.

Выразить не сумею
Все, что в душе наболело,
И совсем напрасно
В гневе стучу по перилам...
Ливень не затихает,
Словно осатанелый,
Шум его дольше слушать
Мне не по силам!

* * *

В пору юности я обитала
Здесь, в пределах стольного града.
Праздник осени, как бывало,
Вновь встречаю, ему я рада.

У плетня хризантемы всюду
Распускаются пышным цветом.
Это осени светлое чудо,
Дар прощальный осени это.

Царство Чу стало жертвой обмана,
Пелись песни его громогласно...
Возвращаюсь я мыслью к Чжэцзяну,
Где прошли восемь лет напрасно!

Там красоткой меня почитали,
Мне же это всегда претило.
В ряд мужей пусть себя не ставлю,
Но во мне есть и доблесть и сила.

Я дала себе обещанье:
Жить на свете — действовать значит.
Только разве поймут мещане,
Что я жить не могу иначе!

До конца своих дней герои
Подвергаются испытаньям.
Где же тот, кто пошел бы за мною!..
Слезы лью, не сдержу рыданья.

* * *

Провожая сестер-единомышленниц,
возвращающихся на Родину.

Думы одолевают —
Так нелегко расстаться.
Грусти моей нет предела,
Слезы льются из глаз.
Что в Поднебесной творится?
Распри, неразбериха,
А государства другие
Все презирают нас.

В мире очень тревожно,
Накалена обстановка,
Не повторились бы беды,
Что случались не раз.

Это согражданам нашим,
Темным, непосвященным,
Все показать должны мы
Без всяких прикрас.

Горько переживаю,
А на душе одиноко...
Вам, кто отчалит с ветром,
Завидую сейчас.
Полмесяца всего лишь
С вами была я рядом,
Знаю: разлука долгой
Будет на этот раз.

Вы разлетитесь отныне,
Ласточки-хлопотуны,
Кто на восток, кто на запад...
Мой вам в дорогу наказ:
Пусть возвращенье ваше
Родине будет спасеньем,
Ждать не пристало, чтоб кто-то
Ее от гибели спас.

Верю я и надеюсь:
Скоро ростки окрепнут,
Прочно вы утвердитесь,
Будут права и у вас.
Сил своих не жалея,
Искорените скверну,
К жизни того вернете,
Кто при жизни угас.

В самой гуще народа
Правду искусно вещая,
Слух оглохшим дадите,
Ослепшим — прозренья глаз.
Вашему зову внемя,
Сестры вселенной восстанут...
Пусть громче набат призывный
Звучит в предрассветный час!

В пустынной комнате, от дел отрешена,
Слагала Се «Песнь грусти и печали».
Дождь стих. Лишь ветер под стрехой стонал,
С карниза капли, падая, стучали.

Непросто
Друга верного сыскать.
А годы, —
Как мгновенья, эти годы,
И седина
Сверкает на висках —
Виною
Неудачи и невзгоды.

Боюсь излить
Души и сердца крик:
Все мнится мне
Закат и близкий вечер,
Что жизнь моя
Зашла уже в тупик,
Удел мой —
Одиночество навечно.

Так холоден и так печален свет,
Родиться жепщиной — судьбы печальней нет!

Я говорю себе:
«Пора, пора домой!..»
Только куда
Могла бы я вернуться?
Гляжу все вдаль,
Где край родимый мой,
Как прежде, спит,
Не думает проснуться.

Пришельцы
Унижают так его,
Он изнутри прогнил,
Весь на изломе,
И нет героя,
Нет ни одного,
Навел бы кто
Порядок в нашем доме!

О Небо,
Иль незрячи мы теперь,
Что дивных рек и гор
Не различим доселе,
И неужели
Дольше нам терпеть,
Чтоб варвары
Отчизною владели,

Ее, как тыкву, меж собой деля,
По это ж паша, древняя земля!

ЧИТАЮ ПРОЧУВСТВОВАННУЮ ОДУ
НАБАТНОМУ КОЛОКОЛУ

Вот он, набатный колокол.
Он для чего отлит?
Льва пробудить священного,
Который все спит и спит.
Верю, душа отважная
Скоро вернется ко льву.
Жду ее, без промедления
Вновь воротиться зову.
Приветствую вас, сограждане,
Желаю вам многих благ,
Хочу, чтоб набатный колокол
Звоном густым набряк,
Чтоб каждому стал защитой
Настойчивый этот звон
И чтоб возвещал торжественно
Свободу близкую он.
Чтоб с ним и стяг независимости
В чистое небо взмыл,
Чтоб рабскую психологию
Набат в нас искорепил
И чтобы дух героический
Нами навек овладел.
О люди, я славлю величие
Ваше и ваших дел.
Мы глоткой десятитысячной

Восславим колокол тот,
Что звоном своим торжественным
Спасение нам несет.

ГОРЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

(Песня)

Горше горькой горечавки горе
соотечественников моих,
Не дает им шевельнуться, давит
тысячепудовым гнетом их.
Душ усопших стоны слух терзают,
духи скорбно воют в тишине,
Всю меня охватывает жалость,
словно шип, пронзает сердце мне.
Местные тираны — злые тигры!..
Будут ли спокойней времена?
Тысячи налоговых инспекций,
сборщиков-чинуш полна страна!
Будто змеи, волки и шакалы,
каждый ядовит, корыстен, лют:
Как поживу пожирней заметят,
так слюной тягучей изойдут.

Поднимать войска пришла пора нам,
громко бить и в гонг и в барабан,
Чтобы небо чистое увидеть,
ядовитый разорвать туман.
Грозно, с обнаженными клинками,
на врагов мы двинемся вперед.
Тот священномудрый, кто умеет
жертвовать собою за народ!

Горше горькой горечавки горе
соотечественников моих...
На руку предателям всевласть
равнодушных, деспотичных, злых.
Деспоты теснят один другого,
а народ рыдает без конца...
Вызвали беду в девятисотом
два иль три сановных подлеца.

Отчего же все мои собратья
вынуждены пот кровавый лить
И четыре сотни миллионов
тяжкой контрибуции платить!

Поднимать войска пришла пора нам,
громко бить и в гонг и в барабан,
Чтобы небо чистое увидеть,
ядовитый разорвать туман.
Грозно, с обнаженными клинками,
на врагов мы движемся вперед.
Тот священномудрый, кто умеет
жертвовать собою за народ!

Горше горькой горечавки горе
соотечественников моих...
Словно лошадей в упряжке, хлещут,
как приبلудных псов, пинают их.
Деспоты живут себе как боги,
даже беды наши злыдням впрок:

На вино, на опиум налоги,
с лавки, с дома каждого налог.
Без налога не продашь, не купишь
пустяка — ни тувель, ни чулок;
Деревце взросло или травинка —
все одно: плати за них налог!

Поднимать войска пришла пора нам,
громко бить и в гонг и в барабан,
Чтобы небо чистое увидеть,
ядовитый разорвать туман.

Горше горькой горечавки горе
соотечественников моих...
Все растут жестокие поборы,
и чиновник-сборщик ох как лих!
Солнце меркнет, небеса тускнеют
от несправедливости такой;
От безмерных преступлений землю
многоводной не отмыть рекой.
Пусть же наши граждане воспрянут,
пусть разгонят тягостный дурман!
Поднимать войска пришла пора нам,
ядовитый разорвать туман.

ПЕСНЬ О ДРАГОЦЕННОМ КИНЖАЛЕ

В закатных солнечных лучах
строений ханьских старина...
В оцепененье, в мертвом сне —
 пять тысяч лет моя страна.
Последний из глубоких снов
 уж длится несколько веков,
А жители страны, увы,
 не сознают в себе рабов.
Был предок наш Сюань Юань
 отмечен волею небес:
Явился на горах Куньлушь
 и создал множество чудес.
Для Хуанхэ и для Чанцзян
 трудами русла проложил
И на равнине между рек
 мечом народ наш утвердил...
Про некогда цветущий край
 я песнь печальную пою,
Потоки неутешных слез
 о гибнущей отчизне лью.
Весь север очутился вдруг
 у армии восьми держав,
На воды рек, на выси гор
 мы словно не имеем прав.
Заморских дьяволов приход
 китайцев будит как набат;
Рабы восстали ото сна
 и поднялись за рядом ряд.
Оружьем огненным своим
 нас оделили пришлецы.
Вооруженные рабы,
 и мы отныне — храбрецы!
Да, огнедышащий металл
 господствовать над миром стал;
Несправедливость, произвол
 явили грозный свой оскал.
Поистине, клинок блестит,
 как яшма или как нефрит.
Смерть презирающий — велик!
 Смерть насылающий — смердит!
Мы поклялись смертям назло
 дорогу в жизни отыскать.

Мир не настанет сам собой,
мир можно лишь завоевать!
Цзин Кэ, проникший в царство Цинь,
пускай врагу не отомстил,
Жестокий деспот все равно
недолго по земле ходил.
В краю, где правил Юй, живут
рабовладельцы и рабы!
Должна я родине помочь
позорной избежать судьбы.
Когда сердца людские спят,
чем сонным помогу сердцам?
И вот решила: кисть возьму,
«Песнь о кинжале» я создам.
Разбудит песня тех, кто спит,
решимость в каждом укрепит;
Пусть память перечень храпит
всего добра и всех обид.
Хочу, чтоб каждый уважал
героя, взявшего кинжал.
Не надо думать, что клинок —
железа хладного кусок.
Оружие героя!.. В нем —
спасенья родины залог.
Огромным горном станут пусть
теперь и небо и земля,
Пусть Солнце и Луна дадут
лавину жаркого угля.
Пусть плавится железо всех
шести земных материков,
Чтоб выковали из него
тému тем кинжалов и клинков.
Так мы очистим весь Китай,
Сюань Юаня воспоем
И, тяготевший над страной
столетьями, позор сметем.

СУ МАНЬШУ

(1884-1918)

Су Маньшу — поэт, писатель, переводчик, один из последних представителей старой манеры письма, гуманистическая направленность которой оказалась близкой по духу литературе «4 мая».

Его перу принадлежат переводы произведений Гете, Байрона, Шелли, Бернса, а также «Отверженных» Гюго и «Шакунталы» Калидасы. Известны и его переводы китайской классической поэзии на английский язык.

Повесть Су Маньшу «Одинокий лебедь» и его новеллы публиковались на русском языке (ИХЛ, 1971).

УТРЕННИЕ ЦВЕТЫ

Над водой покров зеленый —
 ива нити распластала;
При восточном ветре челн мой
 по реке скользит устало.
Сердце радостно встречает
 дней весенних наступленье.
Для цветов бессчетных стало
 утро это днем рожденья.

1908

ПРОЕЗЖАЮ КАМАТА

Под шапками тенистых ив
 конь ускоряет вольный бег.
Вслед убегающей волне
 струится серебро песка.
Харчевня с вывеской... Видать,
 до рынка здесь недалеко.
В багровых листьях на горе
 собирают женщины сушняк.

1907

ПОКУПКА ДОЛЖНОСТИ

I

Случись, что чиновник четвертого ранга
окажется вдруг во втором,
И четверо слуг в паланкине зеленом
его принесут ко дворцу.
Он, в сумраке желтого зала склонившись,
себя называет «рабом»,
Но «превосходительный» титул все ставят
в докладах такому лицу.
Наместник пожалует — он не привстанет,
и стерпит наместник позор;
Судья из провинции встретит у двери,
столичный блюдя этикет:
А ну как сегодня же выскочка этот
к рукам приберет и надзор!..
И власть, и почет обойдутся всего лишь
в пятьсот иностранных монет.

II

Вот этого — неразуменье людское
чиновной особой зовет.
Но кто он, лишь зубы умеющий скалить?
Больных презирающий врач.
А выйдет ему повышение — попробуй
раскрыть пред удачливым рот!
Сумеет он с выгодой дело управить.
Не врач он, а попросту рвач.
Здесь ведомство роли, увы, не играет.
Вот важность — при чем состоять!
Приказа чинов ли, торговой палаты,
тюрьмы ли правителем стать.
Ему все равно — наградить или высечь,
то важно, что сам себе царь...
На бочку десятков награбленных тысяч —
за солнце сойдет и фонарь.

III

Тот — высшим велеьем, руки мановеньем
в провинции должность обрел.
Исполнен гордыни: и шарик-то синий,
и шляпа с красивым пером.
Немало и денег... Ну, впрямь академик!
А вот за присутственный стол
Садится не часто: мол, занят — и баста!
Стараться? Что выгоды в том!..
Он низших началит, чтоб те величали
его, вознося до небес;
Приди на экзамен — своими руками
он может в кангу затолкать.
И случай не редкий: кто б ни были предки
и как ни ничтожен их вес,
Но с кучею денег способен мошенник
вельможным, сиятельным стать.

IV

Захочешь подряд на отстройку плотины —
что ж, купишь по сходной цене;
А должность «помощник начальника области»
ныне совсем дешева.
Купи! Сослуживцы при встрече с тобою
почтительны станут вдвойне.
На стенке-экране, что пред воротами,
рисуй себе грозного льва.
Родные тебя посещают охотно,
дом — милостей щедрых родник;
Коллеги к твоим дочерям подъезжают —
карьеру свою подкрепить.
Заводишь ты множество знаков отличья,
и смысл и размер их велик:
Должны на груди твоей белую цаплю
от взоров людских заслонить.

V

Когда б ни открылось вакантное место,
он тут же его заберет
И в должности новой — уж будьте покойны —
навек осчастливит народ.

Он, заимодавцам долги возвращая,
с подвластных три шкуры сдерет
И новую радость — наложницу — купит,
и рот он старухе заткнет.
Бывает, что место не слишком доходно.
Другое найдет — не беда!
Следит: подчиненный его о здоровье
расспрашивать должен всегда.
С другой стороны, о начальстве заботясь,
он каждый решительно год,
Ему долголетия исправно желает
и яства со слугами шлет.

VI

Накидка унизана жемчугом, шарик
на шляпе блестит, как хрусталь.
Он «сдавшего первым экзамены» корчит,
чиновная чванная мразь.
Учебный инспектор — вот вся его должность,
да что богачу за печаль!
Нет-нет и допустят к делам поважнее —
не должность доходна, а связь...
В провинцию цензором могут назначить —
не важно, что вышел из слуг.
Освоится быстро. Но если случится,
что должность закроется вдруг,
Вот тут возопит он: «Да где ж справедливость!» —
И будет расстроен весьма.
А если к тому же в кармане убудет,
так может лишиться ума.

VII

Чиновнику низшего ранга в столице
дорога наверх нелегка,
Но шарик — хотя б золотой иль жемчужный —
придет на подмогу и тут:
То ласково принят чиновник у князя, —
как милость и честь велика! —
То, будто бы он академик-редактор,
почтенным его назовут.
И важность осанки усвоит чиновник,
ну, право, точь-в-точь брадобрей!

Каких только громких, изысканных прозвищ
себе ни придумает он!
А если и впрямь в академию вступит,
став мужем из «Леса кистей»,
Почтительным трепетом всех домочадцев
он будет всегда окружен.

VIII

...Небо скорбит: к постижению знаний
нет устремленных теперь —
Слишком уж много придумали люди
способов должность занять.

1912

ЛЮ БАНЬНУН

(1891-1934)

Лю Баньнун — активный деятель движения «4 мая», пионер новой китайской поэзии. Боролся за реалистическую литературу, за живой разговорный язык, понятный широкому читателю. Внес ощутимый вклад в разработку новых жанров и форм, рифмы, ритма, нерифмованного стиха, стихотворения в прозе.

«Боец в лагере литературной революции» (Лу Синь), человек высоких душевных качеств, Лю Баньнун одним из первых сделал героями своих произведений «маленьких людей» — детей, крестьян, работниц, рикш, нищих.

Значительное место в его поэзии занимают стихи, созданные в Лондоне и Париже и написанные с позиций активного гуманизма.

МЕЖДУ НИМИ ЛИШЬ СЛОЙ БУМАГИ

Пляшет огонь в печи,
В комнате благодать;
Велит господин отворить окно,
За фруктами посылает слугу.
«На дворе, — говорит, — прошли холода.
А печь накалили — дышать не могу».
На улице нищий лежит на земле,
Холодной, как льдина;
Он стиснул зубы,
Он проклиняет северный ветер злой.
А всего-то
Между нищим и господином
Бумаги оконной
Тоненький слой!

Октябрь 1917

ПРОДАВЕЦ РЕДИСА

Жил продавец редиса в разрушенном темном храме.
Однажды где-то решили разрушенный храм продать.
Быстро явилась полиция и — к продавцу редиса:
«Здесь нельзя оставаться! Убирайся скорей!»
«Да... Да...» — бедняк соглашался,
А про себя он думал:
«Убраться? Куда же? Может быть, знают они?»
Назавтра полиция снова пришла к продавцу редиса.

Он таращил глаза, разводил руками, топтался на месте,
но не говорил: «Не уйду!»

Рассвирепела полиция, гонит его из храма,
Громит нехитрую утварь, очаг на куски крошит,
А рваную его циновку, и рваное одеяло,
И коромысло злобно швыряет в дорожную пыль.
Несколько круглых редисок скатилось в канаву рядом,
И стали черными-черными красные их бока.
Ребятишки бросили игры и поспешили к храму,
Тоже таращат глазенки, разводят руками, переминаются
с ноги на ногу и молчат.

С победой ушла полиция.
«Страшно», — сказал семилетний
Испуганный мальчуган.
«Мы это должны запомнить,
Но мы не будем такими,
Как продавец редиса», —
Девятилетний сказал.
Не понял его семилетний,
Таращит глазенки, молчит.

1918

КОВРИК

Похолодало; скопил денег, коврик купил шерстяной.
Расстелил в коляске, — глаз нельзя оторвать от ярких
алых цветов.

Господа садятся, видят хороший коврик, дают два-три
медяка.

Тащится рикша, струится пот, дует северный ветер.
Холодно.

Ему бы накинуть коврик на плечи — боится, одежда
на нем грязна: сам-то согреешься, да замараешь коврик!

1918

КУЗНЕЦ

Дин-дан! Дин-дан!
Удар по железу, звонкий удар.
Мир будоражат чудо-лучи,
Ярко горят они
В темной ночи!

Дин-дан! Дин-дан!
В дверях кузнеца увидал:
Молотом бьет по наковальне,
И вспышки света
Кажутся окровавленными.
Широка и могуча грудь кузнеца,
Пот струится с его лица.

Я уже прошел, и уже не там.
Дин-дан! Дин-дан!
Слышу удары глуше, глуше —
Друг,
Ты их тоже обязан слушать...

Обернись и увидишь:
За роем рой
Искры летят над черной землей.

1919, Пекин

ПАДАЮЩИЕ ЛИСТЬЯ

Осенний ветер сдул последний лист.
И на земле, вдали от веток,
Решили листья
Напоследок,
Как в дни весны,
Прошелестеть,
А завтра — завтра умереть.
Лишь миг до вечного забвенья.
И пусты!
Воспряньте на мгновенье!
Звучите, листья!
Это не беда,

Что вы
Потом
Уйдете навсегда.

1919

КОРИЧНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Я ночью проснулся от шума и рева:
Гроза бушевала, пророча беду;
В саду беззащитном остались деревья,
Деревья в цветах в беззащитном саду.

Уже распустились цветы золотые
Наградою мне за былые труды.
Но мог ли спасти от стихии цветы я,
Деревья спасти от великой беды?

Я рано поднялся в тоске и печали.
Деревья в потоках холодной воды
Вслед ветру, скорбя, головами качали:
Ужасны ночного разбоя следы.

Вода была черной,
Вода была шумной,
Она прибывала, всех с места согнав.
Иплыли цветы золотые бездумно
К веселым воронкам у сточных канав.

ГОЛОД

Он голоден; в безмолвном унынии сидит он у дверей; в голове у него только одна мысль: «Нечего поесть, нечего поесть»; он держит во рту палец, грызет его.

Он смотрит на пустырь прямо перед собой, там собрались дети: одни поют, другие играют в жмурки.
«А почему бы и мне не поиграть? — думает он. — Но нет,

я чувствую, что у меня нет сил, мне лучше сидеть на пороге и смотреть».

Он видит на земле тень; она медленно растет; он бросает взгляд на солнце — лучи его теперь уже короче. Мама говорила: «Это солнце уходит спать».

Он смотрит на трубы над домами, изо всех идет дым; в небе он видит стаю ворон. «Кра-кра!» — каркают они и улетают далеко, далеко. Там, на разрушенной башне, они садятся. «Вы все уже покушали?» — спрашивает он.

При свете месяца он видит на вершине разрушенной башни обломанные корни кустарника и много высохшей травы. Вспоминает — дома ему говорили: «В этой разрушенной башне живет змея, у нее голова величиной с ведро!» «Ух! Страшно!» — думает он.

Он входит во двор, видит маму. На самой середине двора, за фанзой, она стирает белье — чужое белье. Ногой качает люльку; в люльке — маленький брат, который все время плачет. Мать поднимает заплаканные глаза и говорит: «Это ты пришел, жених?» Не обронив ни единого звука, он убегает.

Его отца нет дома; и он не осмеливается сидеть в пустой комнате; он чувствует, что из черного угла на него неподвижно смотрят круглые глаза. «Чьи это глаза? Они так похожи на глаза отца!»

Он убегает молча. И по-прежнему нечего сорвать, нечего поесть. Остается держать во рту палец и грызть его. По-прежнему нечего сорвать, нечего поесть — остается только сидеть на пороге. О, как он голоден! Ему даже трудно дышится. Так голодно, что дрожь охватывает все тело, каждый маленький мускул, каждую кость! Но он не плачет, нет — слезы спрятаны в его больших круглых глазах. У него уже есть опыт! Он уже плакал много, много раз, ожидая, когда придет отец и принесет немного рису!

Он думает: «Какой хороший у меня отец! Каждый день он покупает рис и дает есть».

Он вспоминает: у его отца круглые глаза!

Он вспоминает, что каждый раз съедает полчашки риса и хочет попросить еще. Тогда глаза отца округляются еще больше и он говорит: «Дети не знают меры, всегда хотят съесть все сразу! Завтра съешь остальное!» Мать поднимает заплаканные глаза и говорит: «Ты лучше бы выпил вина на глоток меньше, чтоб он съел на ложку больше!» Отец молчит, и глаза его становятся совсем круглыми.

Он не понимает отцовских глаз — почему они всегда такие круглые. Он не понимает и материнских глаз — почему они всегда опущены вниз. Но он больше не может сидеть за столом, он уходит уныло и безмолвно.

Он очень часто вспоминает свою тетюшку. О! Как давно он не видел ее! Мама говорит — уже три года! Три года тому назад, когда приходила тетюшка, она принесла две соленых рыбины и кусок солонины. Тетюшка погостила недолго и вскоре ушла, но он каждый день вспоминает ее. Ему вспоминается, как одна рыбина висела на окне до самого Нового года.

Он часто спрашивает маму: «А тетюшка? Почему не приходит моя хорошая тетюшка?» — «Она живет очень далеко, — отвечает мать, — за пятьдесят ли, надо идти целый день».

Да, с этими воспоминаниями живет он изо дня в день: он думает о своей матери, думает об отце, думает о своем маленьком братишке, который еще качается в люльке, думает о тетюшке. Он думает и о той змее, что живет в разрушенной башне. Он говорит: «Голова у нее с ведро, какие же, должно быть, большие у нее глаза?»

Он грызет палец и думает. Думает до тех пор, пока не начинает темнеть. Его сердце полно воспоминаний — каждый день одних и тех же, и его глаза каждый день видят одно и то же.

И снова слышит он карканье ворон: «Кра-кра!» Он снова видит, как напротив, на пустыре, появляется с корзиной на коромысле продавец доуфу — бобового сыра. Ребятишки кончают игру, они окружают продавца, хватают маленькие чашечки.

Он спрашивает маму: «Почему мы не едим доуфу?» Мать отвечает: «Они едят доуфу, а вечером не ужинают». Ему жалко ребятшек. Разве наешься маленькой чашечкой сыра! Но он очень удивлен — почему они не голодны? И все-таки как аппетитно шипит масло на маленькой печурке этого продавца, и оттуда доносятся запахи, которые призывают его утолить голод!

Темнеет. Он видит пятерых плотников; в старой потрепанной одежде, с топорами и пилами за спиной, они идут, покуривая. самого старшего он знает: его зовут Старый дядя. На нем самая рваная одежда, а в руке полбутылки вина.

Он смотрит и смотрит на старую разрушенную башню, но ее уже не видно; а на пустыре не видать продавца доуфу, он ушел. Тогда, как обычно, он смотрит в конец улицы. Оттуда появляются четыре солдата, одетые в одинаковые куртки; двое с дубинками, двое с фонарями. Сзади на лошади — офицер в очках.

Мальчишки на пустыре, заметив издали солдат, пускаются наутек с криком: «Ночь пришла!»

Недалеко, в самом начале улицы, лежит черная собака, она вскакивает, бросается к ногам офицерской лошади, лает.

Он тоже говорит: «Ночь пришла, ночь пришла! Отец еще не вернулся, а мне надо идти домой!» Едва он хочет закрыть за собой дверь, как вдруг замечает какую-то женщину; в руках у нее несколько рыбин — она проходит мимо. Он закрывает за собой дверь и почти в полной темноте, на ощупь, двигается вперед. «Чья же это тетушка?» — задумывается он.

1920

ТЫ НАУЧИШЬ МЕНЯ, КАК НЕ ДУМАТЬ
О НЕЙ...

(Песня)

Надо мною куда-то плывут облака,
Ветер листья деревьев колеблет слегка.
Легкий ветер, мне волосы тихо развеи, —
Ты научишь меня, как не думать о ней?

Лунный свет на воде, серебрится волна,
Море любит луну, любит море луна.
О прекрасная почь, ты полна серебра, —
Как не думать о ней, научи, будь добра!

Чуть качаясь, плывут по реке лепестки,
Шевелятся лениво у рыб плавники.
В небе ласточки спорят, о чем-то звеня,
Как не думать о ней, научите меня.

Ствол засохший скрипит на холодном ветру,
И пылает пожаром закат ввечеру.
Догорает заря уходящего дня, —
Как не думать о ней, ты научишь меня?

1920, 4 сентября
Лондон

СЛОВО ЧЕЛОВЕКА С ДЕРЕВЯННОЙ НОГОЙ

После первой мировой войны на улицах городов появилось множество людей на протезах. Однажды вечером мы, обитатели маленькой гостиницы, собрались в зале потанцевать. Несколько человек не танцевали — те, кто не умел, и один господин с деревянной ногой.

Ярко лампы горят, озаряя их лица,
И веселый рояль их зовет веселиться.
Звонкий смех, и улыбки, и шарканье ног.

Он, пожалуй, не помнит такого веселья,
Этот крошечный зал небольшого отеля.

Я курю, вспоминаю бывшее невольно,
Я курю, и как будто не так уже больно.
По паркету я бью деревянной ногой —
Это значит: в стенах небольшого отеля
И меня, как и всех, посетило веселье.

27 марта 1920, Лондон

ОСЕННЯЯ НОЧЬ В ПАРИЖЕ

Дворик кажется колодцем —
Свет и утром не пробьется
В этот мрачный тихий дом.
Сумрак стелется по степам,
Да играет вялый ветер
На земле сухим листом.

1921

* * *

Вот и дождался горького дня —
Голод и холод скрутили меня.
Экая невидаль в мире, в котором
Люди от голода мрут под забором!

17 сентября 1921, Париж

* * *

О слезы,
Конечно,
Вы тоже не вечны.
Но я ничего, кроме вас, не имею
И быть расточительным смею!

19 сентября 1921, Париж

БЕРЛИН

Отгремела война на планете.
На улицах босоногие дети.
Дымоходы без дыма.

1923

ЛЮ ДАБАЙ

(1880-1932)

Лю Дабай — поэт, чье творчество стало промежуточным этапом между старой и новой литературой, соединяющим прошлое с веяниями современной эпохи.

В своих реалистических «деревенских стихах» и в цикле «Красный цвет», созданном под воздействием Великого Октября, Лю Дабай показал уродливые черты китайской деревни. Последующие произведения поэта носили этико-философский характер.

ДЕНЬГИ

На спине не таскали кладь,
Ног своих не стирали в кровь,
Не трудили в работе рук
И не знали, как солон пот;
В кожу их не въедалась пыль,
Копоть им не марала щек,
Заступ с молотом не для них,
Не для пальцев таких игла.

Но не мерзнут в зимние дни —
им тепло от богатых обнов,
Но привольно живут они
за стенами своих дворцов,
Рис да мясо едят они
и не видят голодных снов.
О, позор, о, великий стыд:
Не трудясь, и одет, и сыт!
«За деньги купил —
Не согрешил.
Деньги — мясо и горсть зерна,
Деньги — в мире всему цена».

Говоришь, за деньги — не грех?
Нет, не деньги пришли в твой дом —
Сгусток пота и крови тех,
Кто вас кормит своим трудом!

1921

ЧУДО

Звучит колокольчик,
Ближе, ближе...
Я оглянулся и вижу:
Сидит в коляске один,
В рваной куртке, босой господин,
Тащит коляску другой,
Тоже в куртке и тоже босой.
Тот, кто сидит, — смеется,
Тот, кто везет, — смеется.
Не это ли чудом зовется?
Нет!
Сидит в коляске один,
В рваной куртке, босой господин,
Тащит коляску другой,
В длинном платье
И в обуви дорогой.
Может быть, это —
Чудо света?
Нет!
Никто не сядет в коляску вовек,
Которую тащит живой человек.
Никто не потащит коляску вовек,
В которой будет сидеть человек.
Вот оно, чудо!

ПАХОТА

Тянет плуг усталый вол,
Тянет, тянет — плуг тяжел,
Трудно тянет старый вол.
Плуг тяжел, да плеть длинна,
Ключья шерсти рвет она.
Солон пот. Был плуг тяжел,
И крестьянин еле шел.
Он налог сполна внесет,
Он накормит всех господ,
Сам от голода помрет.

19 июня 1921, Ханчжоу

СНЕГ

Яркий снег слепит глаза людей,
Белый снег, он серебра белей,
Он своей поспорит белизной
С мягкой ватой, с рисовой мукой.

Снег не снег — белеет серебро,
Беднякам такое бы добро!
Серебро, на горе беднякам,
Приберут богатые к рукам.

Не сугробы — вата на земле.
Беднякам ходить теперь в тепле.
Только люди в шубах меховых
Прячут вату в дальних кладовых.

Не сугробы — белая мука.
Вот бы хорошо для бедняка!
Только почему-то богачи
От амбаров спрятали ключи.

Нет, богатство не для бедняка, —
Богачу в мешок, в амбар, на склад...
Почему и вата, и мука,
Точно снег, повсюду не лежат?

8 декабря 1922, Сяошань

ГЛЯДЯ НА ЛУНУ

(Из цикла)

Люди смотрят на луну,
Горы смотрят на луну,
Воды смотрят на луну —
Долго смотрят на луну.

Смотрят пристально, часами,
Люди — зоркими глазами,
Горы — пиками,

Вода —
Всей поверхностью пруда.
Люди смотрят в небо сами,
Горы смотрят их глазами,
Воды учат луну,
Как смотреть на луну.

Люди смотрят на луну,
Горы смотрят на луну,
Воды смотрят на луну
И луна — на луну,
Долго смотрит на луну.

Смотришь светлыми глазами —
И светла луна,
Смотришь мрачными глазами —
И она мрачна,
Смотришь пьяными глазами —
И луна пьяна,
Смотришь кроткими глазами —
И тиха она,

Смотришь детскими глазами —
До чего юна!
Ты влюблен — луна как будто
Тоже влюблена.
А поэту поэтессой
Кажется луна!

Бесконечно измененье
Человечьих глаз.
А луна менялась разве
Хоть единый раз?
Просто лунная поверхность —
Зеркало души,
В нем прочтешь любую повесть,
Что ни напиши!

1922

* * *

Кузнечик от холода
Плачет в расщелине камня,
Дикие гуси
Стонут в пустынном небе...
О западный ветер,
Скажи мне,
Скажи на милость:
Зачем же ты их
Пригоняешь к моей подушке?

1920

* * *

О, это Прошлое!
Оно
Стоит перед глазами.
Зачем же Прошлым называть
Все то, что в нас и с нами?

* * *

За окном опавших листьев тьма, —
Ветер, ветер, а тебе все мало;
Не швыряй ты их куда попало!
Ну зачем ты сводишь их с ума?

* * *

Жизнь в тюремной неволе,
Цепи, впалая грудь,
И движенье к свободе —
Наш единственный путь.

* * *

Ты ведь, радуга, кругла.
Не скрывай свою вторую
Половину,
Будь добра!

ЧЖУ ЦЫЦИН

(1898-1948)

Чжу Цзыцин — поэт-романтик, автор книг «бессюжетной прозы» («саньвэнь»), многих теоретических работ по китайской классической и современной поэзии.

В своем творчестве, подчас не лишенном трагической окраски (поэма «Уничтожение»), отразил настроения революционной интеллигенции, в первую очередь молодежи, проникнутой верой в победу разума и добра. В сближении китайской интеллигенции с революцией ему принадлежит немалая заслуга.

СВЕТ

Зловещая полночь, и ветер, и дождь...
Пустынною степью упрямо идешь.
Идешь бесконечно, в пути изнемог.
Во тьме непроглядной — скрещенье дорог.
«Какую мне выбрать?
Не видно ни зги.
Эй, кто-нибудь, помоги!
Владыка небесный, ты мрак освети,
Иначе собьюсь с пути!»
Небесный владыка в смятении рек:
«Тебе я бессилен помочь, человек!
Бесплодно и тщетно взывать к небесам:
Свет
 сотвори
 ты сам!»

1919

УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ У БЭЙХЭ

Прекрасный день под войлоком лежал.
Река молчала.
Мир молчал.
Мрак все живое поглотил.
И лишь фонарь натруженно светил.
Дрожали на стене в ночи
Его неверные лучи.

Они неярки и слабы,
Но в них залог иной судьбы.
Фонарь во тьму вперед свой глаз —
Единственный
Смотрящий
Среди нас!

О фонари, вы нам близки,
Друзья надежды и враги тоски.
Без устали светите нам.
Желаю счастья фонарям!

1920

СОВРЕМЕННОСТЬ В МИНИАТЮРЕ

«С лотосом сладкая каша,
Три медяка чашка!»
«Ковырялка для ушей
Из бамбука,
Ковырялка для ушей
За медяк! Ну-ка!»

«Пельмени, пельмени!»

«Чаогао, чаогао не хотите?
До отхода парохода поедите».

«Явите состраданье, большой господин,
Два дня ничего не ел мой маленький сын.
И я слаба от недоедания.
Явите, господин, состраданье!»

«Груши, груши!
Пять штук на цзяо.
Сколько вам?
Если не сладкие,
Без денег отдам».

«Где же вы станете жить в Янчжоу?
Скажу вам по опыту, право слово,
У нас комнатуха — хороши шутки! —
Два цзяо и восемь фэней за сутки».

«Купите газету!
На пароходе чтение —
Лучшее времяпровождение».

«Арахис. Водка из гаоляна.
Подать стаканы?»

«Медные замки
Удобны, крепки.
Повесьте на дверь,
Идите к знакомым —
Все в безопасности в вашем доме.
Пожалуйста!»

Все спорят, спешат, не стоят на месте.
Весенние сцены
Городского предместья.
В глазах торговцев призыв: «Купи!» —
У покупателей: «Уступи!»

«Уже отплываем.
Товар пропадет». —
«Восемь груш на цзяо, идет?»

В толчее,
Захлестывающей волной,
Вижу дорожку в чи шириной.
Воздух кажется грязно-мутным.
Странные фигуры
Пробегают поминутно.
Вверх по трапу, по трапу вниз.
Вверх! Вниз! Вверх! Вниз!
Пылью покрыты желтые лица,
Пот струится.
Горят огнем
Голодные взгляды,
А рядом —
Смеющийся рот,
А рядом —
Кто-то орет.
Носильщики тащат тяжелые грузы,
Спины согбенны, кулаки заскорузлы.
Точно голодный зверь, алчущий мяса,

Людская голодная масса
Желает свое отобрать.
Сжимаются кулаки.
Это их
Сияющие цзяо и тусклые медяки.
Голодным кажется:
Сытая эта орава
На палубе, в трюме, везде —
Не более как медяки и цзяо,
Загримированные под людей!
Но когда голодные
Свое предъявили право,
Взвились на дыбы
Человекоподобные цзяо!
Тогда-то и вспыхнул бой.
Пароходик — арена.
«Бейте!» — голодные кричали.
Я видел, как бились они,
И почувствовал дрожь.
Они на помощь звали,
Они сражались отчаянно,
И каждый из них
Был на солдата похож.
Это тоже большая война!
И в этой войне
Я не буду стоять в стороне.
И опять на память приходит
Случай на пароходе:
В этой миниатюре
Отразилась неплохо
Наша задыхающаяся эпоха!

УНИЧТОЖЕНИЕ

(Из поэмы)

...Я брожу по свету вместе с ветром,
Я брожу по свету вместе с ветром,
Я брожу, худой и запыленный.
Был я где-то, вновь сюда вернулся,
Но к родной земле не прикоснулся.

Далеко ветрами уносимый,
Потерял я счет холодным зимам.
Лень давно мое сковала тело.
Пред глазами гроздятся тени —
Дикие и мрачные виденья.
Думы о судьбе неотвратимы:
Далеко от родины любимой,
Родина, ты мне необходима!
Вернись! Вернись!

Обделен приятелями не был —
Много было, словно тучек в небе.
Мы хвалу друг другу честно пели,
Мы друг друга утешали, как умели,
И, счастливые, смеялись и шумели.
Пили мы вино до опьянения,
Уходили в горы к стройным елям,
Были мы сродни цветущей ветке
И, как пламя жаркое, горели;
Сказанное нашими устами,
Познанное нашими сердцами
Мы, казалось, век хранить готовы!
Но, собратья стоило в дорогу,
А потом сюда вернуться снова, —
И тебя узнать уже не могут!
Наши встречи — жалкое мгновенье,
Позабыты голоса и лица;
Имена, похожие на тени, —
Вот и все, что на сердце хранится.
Маленькою точкой одинокой
Ты в степи, бескрайней и широкой,
А вокруг тебя пустое небо,
А вокруг тебя пустое небо...
Я ищу заветную дорогу...
Может быть, сестра моя и брат мой
Ждут меня с надеждою обратно.
Вернись! Вернись!

Хитроумные таинственные речи,
Как снежинки,
Падали на плечи,
А сегодня я, обескуражен,
Встал перед диковинным миражем.
Вместе с ветром в небо улетаю,

Разноцветными окутан облаками,
Уменьшается и тает
Серый мир под башмаками;
Так далек он, что о нем и думать трудно,
Но со свистом ветер налетает,
Разорвать меня грозя
Ежеминутно.
О, свались я,
И меня бы непременно
Раздавили бы,
И, корчась, —
Сильно сжали! —
Возвестил бы я о том,
Что вышел воздух
Из меня,
Как будто я воздушный шарик!
И, как острый и сверкающий трезубец,
На земле верша палаческое дело,
Ветер тело разорвет мое в безумье,
И не станет человеческого тела.
Стану дымом невесомым
И, стая,
Вдруг сокроюсь, истребленный силой злою.
Трепеща от ожиданья,
«Вспомипаю
Расстояние меж небом и землею».
Вернусь! Вернусь!

Был живот голодный,
Были руки,
Судорогой схваченные цепко,
Волосы растрепанные были
На траву осеннюю похожи.
И глаза ввалившиеся тоже,
Ватные, слабеющие ноги,
Слабое и маленькое сердце —
Все на дно влекло меня упорно,
К женщинам, к бутылке, к табаку.

Разве в праве я в ногах у века
Сгнить, утратив облик человека?
Нет и нет!
Пока не стал калекой
И пока все силы не растратил —
Вернусь! Вернусь!

Я вернулся, пережив мученья,
И увидел Родину и счастье.
Вдруг исчезли сумрачные тени
И лучи небесные погасли.
Я отбросил старой жизни путы,
Я есть я, себя обретший путник.
И теперь смотреть не стану в небо,
Не уйду в мечте к реке бессмертья,
Шаг за шагом
По родной земле бы
Мне идти,
Идти до самой смерти!
И пускай следы мои сотрутсЯ,
И пускай они едва заметны,
И пускай пройду совсем немного,
Медленно и робко я пойду.
Я пойду, простой и незаметный,
Четкие шаги я вижу ясно,
И меня охватывает радость,
Оттого что к прошлому возврата
Больше нет и никогда не будет.
Не теряй же ни одной минуты:
Иди! Иди! Иди!

ВЭНЬ ИДО

(1899-1946)

Вэнь Идо — поэт-романтик, общественный деятель, ученый-теоретик, интеллигент старого классического воспитания.

Его сборники «Красная свеча» (1923) и «Мертвая вода» (1928) оставили заметный след в китайской поэзии новейшего времени и оказали на нее влияние как содержанием, так и формой. Теоретические положения Вэнь Идо о так называемом «новом метрическом стихе» внесли много нового в область поэтики. Наиболее яркая часть его поэтического наследия — патриотические циклы: «Думы о хризантеме», «Открытие» и др.

Вэнь Идо погиб сорока семи лет, не дожив три года до победы китайской революции.

В нашей стране выходили два сборника поэта: «Избранное», ГИХЛ, 1960; «Думы о хризантеме», «Наука», 1973.

КРАСНАЯ СВЕЧА

Лишь догоревшая свеча
Лить слезы перестанет.

Ли Шанъинь

Свеча!
О, красная свеча!
Она ярка и горяча!
Скажи, поэт:
А сердце, что в груди твоей,
Сравнится ли пыланьем с ней
И таково ль на цвет?

Свеча!
Кто форму воску дал,
Кто стан твой стройный отливал,
Огонь души возжег?
Сгорая, ты даешь нам свет!..
Противоречье здесь, секрет?
Конфликт, ошибка, рок?

Свеча!
Противоречья нет
И нет ошибки тут:
Ты призвана давать нам свет,
Затем тебя и жгут.

Свеча!
Гори, гори всю ночь!
Вселенной ты должна помочь,
И пусть в лучах твоих
Растает страшный сон людей,
Ты кровь им пламенем согрей,
Разбей темницы их.

Свеча!
О красная свеча!
Сиянье твоего луча
Едва пропижет тьму —
Тебя охватывает дрожь,
Ты восковые слезы льешь...
Но почему?

Свеча!
Ты призвана сиять.
Зачем же слезы проливать?
Горенье — радость, свет!
А!.. Знаю! Ветер так жесток,
Он гасит слабый огонек
И сводит свет на нет.
Гореть и жить — одно и то ж:
Ты от волненья слезы льешь!

Свеча!
Гори и слезы лей,
Топи свой воск, свети сильнее,
Теплом живительных лучей
Ты утешай людей и грей.

Свеча!
Весь век короткий свой,
Слезу роняя за слезой,
Ты чуешь смерти страх.
Тебе отмерен жесткий срок:
Обуглится твой фитилек
И обратится в прах.

Свеча!
Пусть слезы, смерть — пускай!
Плод жизни — щедрый урожай.
Дотла сгорев, людей согрев,
Взрыхлишь ты почву под посев.

Свеча!
«Не с жатвою спеши,
А под посев поля паши!»

ПЕСНЯ ПРАЧКИ

Стирка белья — самое распространенное занятие китайцев, проживающих в Америке. Поэтому там часто задают вопрос китайским студентам: «Твой отец прачка?»

Раз, два, три!
Чище белье стирай!
Раз, два, три!
Гладь и катай, гладь и катай!

С утра до ночи, с утра до ночи
стою у стиральной доски.
Несите в стирку, несите в стирку
белье, платки и носки!
От крови и грязи, от жира и пота
отмою и в срок отдам.
Несите в стирку грязные вещи,
скорее несите к нам!

Затхлый, противный запах из чапа...
Но можешь ли ты не стирать?
Вымоешь, выгладишь, накрахмалишь —
все грязным стаплет опять.
Терпи, китаец, и знай свое дело:
стирать, стирать и стирать!

Ты говоришь мне: стирать — это низко,
мол, ниже нельзя упасть.
Но не одних же потомков Танов
решила судьба проклясть!
Мне говорили — отец Иисуса
плотником был.
Христианин, ты знаешь об этом
или вабыл?

С мылом, с водою — не станешь героем.
Стирку чужого белья
Трудно сравнить с постройкою в доке
военного корабля.
Вечно возиться с грязью и потом
мне ни к чему.
Но надо, чтоб кто-то сделал работу:
хочешь — найму!

Под Новый год по родине милой,
бывает, слезу прольешь.
В полночь опять за работу встанешь
и лампу впотьмах зажжешь...
Так не возьмешься? Не хочешь? То-то!
Делай же дело свое.
Грязна работа — твоя ли забота!
Знай требуй с китайца белье.

Раз, два, три!
Чище белье стирай!
Раз, два, три!
Гладь и катай, гладь и катай!

С утра до ночи, с утра до ночи
стою у стиральной доски.
Несите в стирку, несите в стирку
белье, платки и носки!
От крови и грязи, от жира и пота
отмою и в срок отдам.
Несите в стирку грязные вещи,
скорее несите к нам!

ПЕРВЫЕ СТРОФЫ О ВЕСНЕ

В грязи и в лужах башмаки промокли,
Но ливень освежил и вымыл душу;
Земля, насквозь пропитанная влагой,
Сырым дыханьем ударяет в ноздри...

В пруду сегодня золотые рыбки
Наверх всплывают — холод им не страшен.

Восточный ветер долго что-то шепчет...
Настойчивый! Не скуп на уговоры:
Он убеждает ласково тростник
Раскрыть едва проспавшиеся почки.
Они набухли под дождем весенним,
Но вышел пруд из топких берегов,
И стебли оказались под водою.

А тонкие, сухие ветки вяза
Приход весны не замечают вовсе;

Они к беседке старой прилепились.
В голубизне чешуйчатого неба
Иероглифами их можно счесть,
Шедевром каллиграфии тончайшей.
Так по почтовой голубой бумаге
Прошла бы кисть монаха Хуайсу.

Величиною с добрый боб, не меньше,
Бутоны на кустарнике гвоздичном
Исполнены великой силы жизни:
В небесный свод уставясь удивленно,
Предчувствуют свой завтрашний расцвет.
Вот так же в муках творчества поэт
Пытается в пространстве уловить
Звучанье неоконченной строки.

Весна! Стремясь в твои проникнуть тайны
И испытав твои святые чары,
Я забываю о самом себе.
О, если бы на то достало силы,
Чтобы в твоё великое творенье
Мне фразу неумелую вплести!

ПОСЛЕДНИЕ СТРОФЫ О ВЕСНЕ

Чуть посильнее дунул ветерок —
И бабочка, ища себе опоры,
Попробовала в нескольких местах
На трепетную ветку опуститься.
Куда там! Удержаться на ветру
Ей, легкой, оказалось не по силам.
Оставив бесполезные попытки,
Исчезла, невесомая, из глаз.
Не ею ли себя во сне увидел
Философ древний?..

Кто оков не знает,
Тот просветленья мысли достигает!

Пух тополя! Ты необуздан правом.
Пусть дождь прибьет тебя к весенним травам.

Вы, лотоса широкие листы,
Неутомимо смотрите на небо,
Возносите молитвы и хвалы.
Да будет так и ныне и вовеки,
Тогда быстрее распустятся цветы,
Быстрее плоды нальются и созреют.
Средь зелени лишь краешком одним,
Но ярко выступает красный мостик.
Орнаментами ханьскими украшен,
Вот-вот он красным криком закричит.

А у детишек целый день — забавы!
Их синие и белые рубашки
Облепят зелень каменных перил;
И удочки секут со свистом воздух,
И смех так звонко сыплется порою,
Как будто остов пагоды стеклянной
Вдруг рухнул и рассыпался в куски.
И так — весь день, с утра до поздней ночи!

Вот звуки ципя льются из окна,
Затянутого изумрудным шелком.
Прислушаешься — и на ум приходит
Картина «Сон красавицы весной».
В то громком, то слабеющем звучанье —
И тщательно приглаженная жалость,
И нежность, и стыдливая усталость —
Благоговенье и очарованье.

Вам, дети, музыканты, я прочел
Последнюю строфу из толстой книги,
Что целиком посвящена весне.
Отныне этой книгой вы владейте!

ЗАГАДКА ВРЕМЕНИ

Как ход часов неумолим и скор!
О страшный измерительный прибор,
Ты времени процеживаешь море!..
Расцвет, паденье?
Счастье или горе?

«Тик-так, тик-так...» —
Я слышу звуки эти,
Но каково же ныне их значение:
О прошлом говорят они расцвете
Или о будущем паденье?

ОСЕННИЕ КРАСКИ

Сальное дерево розовым стало,
Вся хризантема в цвету.
Слышу я: дикие гуси вспорхнули,
Звонко кричат на лету!..
Как чудодейственный меч из Бинчжоу,
Я отточил мой стих.
Им по земле провожу, срезая
Осени красоту!

*Лу Ю, «Осенние думы»
(Перевод И. Голубева)*

Быстрых вод виноградпо-бордовый поток
Золотистой рябью сверкает;
Совершенство резное, кленовый листок
Кувыркается, плавно витает...
Не один — краснокрылый кружит хоровод
Над струями чешуйчатых вод!

Темно-бурые листья к зеленому мху
Льнут мясистой лапой медвежьей,
Суетливые белочки где-то вверху
Корм к зиме припасают свежий.
С ветром западным спорили долгую ночь
Покрасневшие листья каштана,
И от веток родных отрываются прочь,
Обретенной свободой пьяны;
Поутру, торопливо с каштаном простясь,
Улегают, смеясь и кружась.

Красноглазые голуби с пестрым крылом,
Серебристые, с пухом красивым,
Белоспежные,
С черным воропым пером,
С изумрудным на спинках отливом —

На карниз опустились
и, там прикорнув,
Дремлют, сунув под крылышко клюв.

По вселенной живительный воздух разлит.
Ребятишек пестрая стая
Многоцветьем рубашек в глазах мельтешит;
Средь коричных деревьев мелькая,
Проступают цветистые пятна и краски...
То не рыбки ль, снующие в ряске?

Это мачты судов на реке Хуанпу?
Нет,
в свинцовом дыму небосклона
Вижу я тополей облетевших толпу.
Лишь один, и поныне зеленый,
Подбоченясь по-княжески,
гордо стоит,
Отраженный водой голубою,
Все глядит и глядит он в озерный нефрит,
Откровенно любуясь собою.
Чем не князь! Желтизна препоясала стан,
Подчеркнув и осанку, и сан.

Луч вари улыбнулся и —
озолотил
Мир, дремавший, как нищий в подвале.
Все двенадцать изгибов хрустальных перил
От улыбки луча заиграли.
В ветках акаций — желтое золото,
В гуще каштанов — красное золото,
А на березах — белое золото...
Желтые, красные, белые блики
Соединились в восторженном клике,
Захохотали.

Только это уже не деревья!..
Скорей —

Облака янтаря и агата.
Облака — предсказатели добрых вестей,
Разодетые ярко, богато.
Овевает их ветер,
а солнечный свет
Осыпает дождями монет.

Не деревья, а башни растут из земли
И Запретного города стены;
Над террасой терраса маячит вдали
Из майолики драгоценной;
На карнизах поют

колокольчиков-птиц

Серебристо звенящие хоры.

Не деревья —

здесь, праздничен и светлолиц,

Золотой Императорский город.

И бледнеет пред ним,

Как пред солнцем свеча,

И Линъянского гуна парча.

Буйство красок осенних... Природа творит
Огнетворною кистью великой:

Ни стеклянную розу

Notre-Dame de Paris,

Ни ангелов Fra Angelico,

Ни турецких ковров многоцветную нить

С этой сказкою не сравнить.

Буйство красок осенних... Природа творит

Все неистовей — ярче и шире,

И желаньем несбыточным сердце горит —
Жить в ее романтическом мире.

Я хочу,

чтоб таких же расцветок халат

Мне Ткачиха на небе соткала,

Чтобы радуга красок

ласкала мой взгляд

И об осени напоминала.

На халате носить?

Нет, и душу поить

Мне вином этих красок — отрада;

Апельсинам дано

То вино сохранить

И лиловым кистям винограда.

Где еще оно может храниться?

Лишь в стихах Ли Шанъяня и Китса,

Лишь в курильнице «Семь ароматов»,

Лишь в «Богеме» Джакомо Пуччини.

Как осенние эти деревья,

Жизнью красок я жил бы отныне!..

ПАЛИТРА ЖИЗНИ

Я полагал, что жизнь —
Бумажный лист бесцветный,
Но на листе цвета
Все больше мне заметны:

Зеленый пособил
Развитью моему,
Дал красный сердцу пыл,
Направленность уму;
Цвет синий — целомудрие внушал,
Цвет розовый — надеждой окрылял,
А верности учила желтизна —
О, как она в палитре сей важна!
Познал и серый цвет я — цвет печали, —
Его разводов не было вначале...
О смерти возвестит мне черный цвет —
Его пока что на бумаге нет.
И что ж, бесцветный лист?
Нет, красок пестрота!
Так полюбил я жизнь,
Любя ее цвета.

ДУМЫ О ХРИЗАНТЕМЕ

Пишу накануне дня «двойной девятки» — Праздника осени.

Хризантемы в зеленой фарфоровой вазе,
Хризантемы в хрустальном графеном сосуде,
И в плетеной корзиночке феи небесной,
И с кувшином вина на эмалевом блюде;
Хризантемы средь тонких бокалов и крабов...
Хризантемами часто любимы все мы:
Вот бутоны, вот те, что едва приоткрылись,
А подальше — там, в полном цвету хризантемы!

Здесь «куриные лапки» кровавого цвета
Смотрят в небо, блестя золотистой каймою;
Пышный «праздничный шар» над землю склонился
Розоватой причудливою бахромою.
Рядом — сонно-лепивые желтые астры, —
Как пчелиные соты у них сердцевины;
Лепестки их, что тесно прижались друг к другу,
Прикрывают цветок занавескою длинной.

Хризантема — цветок и прекрасный и гордый —
Тао Цяня великой души воплощенье!
Ты на Празднике осени с нами ликуешь,
Это день твоего, хризантема, рожденья.
Не напомнишь ты нам сладострастную розу,
Незаметной фиалке с тобой не сравниться.

Прославляли тебя поколения поэтов,
Ты — великой истории пашей частица.
О цветок благородный! Ты — сердце поэта!
Я пою о тебе — и душа оживает,
А когда я в раздумье о родине пашей —
Хризантемой надежды мои расцветают.
Вей же, вей над Китаем, о ветер осенний!
Я желаю воспеть — нет прекраснее темы! —
Хризантему — красу моей милой отчизны
И отчизну — прекрасную, как хризантемы!

Я прошу тебя, ветер, лети над Китаем,
Пронеси над отчизною думы поэта;
Пусть слова мои станут твоим дуновеньем,
Разбросай их цветами по целому свету.
Вей же, вей над Китаем, о ветер осенний!
Воспеваю я в строках горячих поэмы
Хризантему — красу моей славной отчизны
И отчизну — прекрасную, как хризантемы!

ИЗ ЦИКЛА
«КРАСНЫЕ БОБЫ»

Красные бобы
В долинах юга
За весну
Еще ветвистей стали.
Наломай побольше их
Для друга —
И утешь меня
В моей печали.

*Ван Вэй, «Красные бобы»
(Перевод А. Гитовича)*

I

Тоска в разлуке!.. Как она созвучна
Сыпучим
Красным
Высохшим бобам,
Что падают на дно кувшина жизни
Уныло, монотонно:
«Бам!.. Вам!.. Бам!..»
Тоскливые, размеренные звуки —
Вой одиночества
И дребезжанье скуки.

VI

Тоска в разлуке — как немой комар;
Над ухом не звенит,
Но и не трусит:
Подкравшись потихоньку,
Вдруг укусит!
Сначала — оупляющая боль,
Потом чесаться час-другой изволь.

VII

О сердце мое!
Беззащитный, израненный город.
Полночный покой
Тоской неожиданной вспорот.
Напала она —
И город мой сдался мгновенно.
Я ждал, что тоска,

Ворвавшись в него дерзновенно,
Даст волю страстям,
Побушует и скроется снова,
Но в сердце опа
Навсегда поселиться готова.
Не выйти из плена...
И цели тоски несомненны:
Возводит захватчица
В сердце дворцовые степы.

IX

Родная!
Наш союз пытаюсь объяснить.
Допустим, я — основы тканой нить,
Ты — тоже нить, ты создаешь уток,
Так брачную парчу
Соткал на счастье рок.
Но что за удивительная ткань!
Любимая, как на нее ни глянь —
С лица, с изнанки, слева или справа —
Прочтешь на ней одно и то же, право...
И прямо на нее смотри, и вкось,
И против света прогляди писквозь —
Читается, увы, все то же: «врозь».
Всю ткань буравь надеющимся взглядом,
Нет слов таких, как «вместе» или «рядом».

XII

В день нашей встречи, может быть,
Тебя, любимая, целуя,
Горячей, терпкою слезой
Щеку твою вдруг обожгу я.
Слеза такая, милый друг,
Естественна, как дождь в ненастье.
В ней заскорузлость, накипь в цей
Копившейся годами страсти.

XIV

Я посылаю тебе стихи.
Иероглифы тебе непонятны?
Ты пальцами можешь потрогать их,
Погладить безвестные, смутные пятна.

Так щупает врач учащенный пульс,
Вникая во все ощущения больного...
Я верю: понятными станут тебе
И смысл, и биение каждого слова,
Едва убедишься, насколько похожи
Стук сердца в груди твоей
С ритмом их дрожи.

XXVI

Кто мы — ты поняла?
Две восковые красные свечи.
Призвали нас на пиршество в ночи,
Поставили в застолье по углам.
Мы светим возлияющим гостям,
Часы досуга им увеселяем
И — таем,
Жизнь короткую сжигаем.
Когда устанут гости пить и петь,
И нам пора настанет догореть.

XXXIV

Дух моря я,
Разгневан я, бушую.
Тебя поймал я, лодку небольшую,
И между двух приливов злобной страсти
Смотрю со смехом на твое несчастье.
Мне, духу, твой конец всего потребней:
Хватают лодку волн зубастых гребни,
Вонзаются,
Грызут ее,
Ломают
И вместе с мачтой тоненькой глотают.

XXXV

Пронзительно кричит ночная птица;
Холодный ветер громко в дверь стучится,
О стены бьется, в окнах рвет бумагу,
Срывает с крыши с воем черепицу.
Вот-вот ворвется в дом он сгоряча...
Испуганная красная свеча
Все плачет без опоры и защиты.
Нагар все меньше пропускает света,

И застывают слезы в сталактиты.
Любимая, откликнись! Где ты?
Войди сюда походкою летучей,
Сними нагар, выросший черной тучей,
Прикрой ладонью фитилек раздетый.
Любимая, откликнись! Где ты?..

XXXVI

Я расскажу, пожалуй, и об этом.
Под музыку трещоток и свирелей,
Под звук то низких, то высоких трелей
Я головной платок с пее совлек
И яркую свечу во тьме зажег;
Шепнул над ухом, шпильки вынимая:
«Желаешь ли ты знать меня, родная?»
О вы, кто станет слушать мой рассказ,
Заранее могу представить вас:
Я под улыбкой ваших лиц бесстрашною
Увижу зависть — тайную, прекрасную.

XXXVIII

Когда ты днем пробудишься от сна,
Я вижу, что щека твоя красна.
На ней печать бамбуковой циновки.
Не цепь ли то богини сна, плутовки,
Сковавшая так крепко душу?
Щеку целую
И оковы рушу.

XXXIX

Когда б я стал писать ее портрет,
К искусственности не прибег бы, нет!
Неверный штрих, пусть даже самый малый,
На нет бы совершенство свел, пожалуй.
Художническим виденьем владея,
Здесь применить его я не посмею:
Набор кривых и произвольных лилий
Не передаст красы моей богини.
Таким создам ее изображение,
Каким оно приходит в сновиденья —
Нагой, хрустально-чистый ликом ангел!
И, чтобы избежать недоуменья,

Где каждый звук исполнен не иначе
Как о тебе
Слезой моей горячей.
Лишь с этой песней,
Павши на колени,
Я вымолю себе
Твое прощенье.

СУМРАК

Сумрак — это старый черный вол,
К вечеру спускающийся с гор.
Нет, не надо рано закрывать
В городе ворота на запор,
Лучше подождите у ворот:
Пусть он в город медленно войдет.

Сумрак... Он — священный старый вол.
Но какое это божество?!
Каждый вечер светлая луна
В город провожает спать его,
Чтобы солнце снова по утрам
Отводило к западным горам.

ТИХАЯ НОЧЬ

Свет лампы мягко освещает стены,
Солиды стулья, стол и гобелены.
Я к дружеской их близости привык.
Здесь аромат идет от старых книг,
И белизна и контур чаши стройной,
Как добродетель женская, покойны.
Приник младенец к матери на грудь,
А рядом ухитрился прикорнуть
Мой старший...

Шепчет сердцу сон их сладкий,
Что мирно все вокруг, что все в порядке.
В таинственной, уютной тишине

Песнь умиления дрожит во мне,
Но — тут же превращается в проклятье!
Ночь, не отдамся я в твои объятия.
Спокойствие в четырехстепном мире
Не для меня; мой мир намного шире.
Когда и через стены мне слышны
Отчаянье, истошный вопль войны,
Когда лишь по углам покой теснится,
Ночь, как же сердцу моему не биться!

О, если б только собственные чувства
Предметом были моего искусства,
Лишь ради них я раскрывал бы рот —
Пусть прах могильный этот рот забьет!
Пусть в черепе кроты найдут жилище,
Пусть станет плоть червям могильным пищей,
Когда стенных часов уютный бой
Вдруг для меня, довольного собой,
Своим вином, своим стихописанием,
Мои соседей заглушит стенанья,
А книжица изысканных стихов
Мне тебе заслонит сирот и вдов,
Окопников, что умирают стойко,
Безумных, что грызут зубами койку!..

Нет, как бы ты меня ни подкупало,
О счастье,

этих стен мне слишком мало.

Чу, выстрелы... Загубленные души...
И вопль предсмертный снова лезет в уши.
Мирком от мира не отгородиться.
Ночь, как же сердцу моему не биться!

ОТКРЫТИЕ

Я услышал твой зов;
Я приехал домой
И... «открытие» сделал, рыдая:
Мой Китай — уж не мой,
Он чужой, он чужой,
Я в Китае не вижу Китая!

Я с далекой чужбины
Помчался назад,
Ярким факелом путь освещая,
И теперь не пойму —
Рад ли я, иль не рад,
Если рад, эта радость — пустая.

Не Китай, а кошмарный,
Чудовищный сон
Я увидел — и к небу взываю,
Обращаюсь к ветрам:
— Отвечайте, где он?
Где Китай, где отчизна родная?!

В грудь багряной земли
Я стучал кулаком!..
Ничего не ответило небо,
Промолчала земля,
Ветры взвыли — о чем?..
Слишком долго в Китае я не был.

Я в отчаянье
Сердца бесформенный ком
Из горящей груди вырываю.
Что я вижу? Китай!
Он же в сердце моем!
Мой Китай! Тот, что с детства я знаю.

ПЛОЩАДЬ ТЯНЬАНЬМИНЬ

(Рассказ рикши)

Черт! Натерпелся сегодня я страху!
Все еще ноги дрожат.
Еду по площади. Вдруг — нагоняют,
Топают, что-то кричат.
Вижу, что крышка мне будет, — и ходу!
Ноги насилу унес.
Вспомнишь, как мертвые флагами машут, —
Жутко и больно до слез.
Дух перевестъ, господин, мне дозвольте...

Вот ведь пришли времена!
Флаги какие-то, митинги, речи,
Трупамы площадь полна.
Нет чтобы стать помирней да послушной:
Выступишь — тут же убьют!
Нет, митингуют, упрямые души.
Что ты поделаешь тут!

Кто эти люди и родом откуда?
Им двадцати еще нет.
Чем же они занимаются только
С этих-то ветреных лет!
Вот и вчера, говорят, после стычки
Были убитые... Страх!
Не для копья же ведь и не для пули
Дан им кочан на плечах.
Все это — выходки глупых студентов.
Им ли, скажите, не жить?
Худо ли, бедно ль, а все же хватает
Выпить и брюхо набить.

Дядя погиб у меня в Янлюцине:
Голод беднягу прижал,
Некуда деться — вот он, голодный,
С горя солдатом и стал.
Голод — не шутка... А эти — Янь-вану
Жизнь отдают задарма...
Масло горит, а дороги не видно,
Черт! Непроглядная тьма!

Лысый напарник мой струсил сегодня
И умолял седоков
Темною ночью не ездить на площадь,
Чтоб не видать мертвяков.
Да, трудновато приходится рикше...
Трупы к утру подберут —
Вечером новые будут валяться.
Что ты поделаешь тут!

СЮЙ ЮЙНО

(1893-1958)

Сюй Юйно — поэт-реалист, автор единственного сборника «Сад будущего» (1931), проникнутого настроением безысходности и печали, единоборства с «прошлым и настоящим». Возмущаясь несправедливостью жизни, рабской психологией и косностью смирившихся с нею людей, поэт уходил в воображаемый Сад будущего, в «новый мир», к «новому солнцу».

СПРАШИВАЮ САПОЖНИКА

«Эй, сапожник, двери отвори,
Ты над чем колдуешь до зари?»
«Мир в колючках да шипах,
Больно топать в башмаках.
Я хочу железные стачать,
Чтоб шипы в пути не замечать».

«Эй, сапожник, — я его спросил, —
Почему ты нынче загрустил?»
«На земле не счесть болот,
А по ней идет народ.
Я о них грущу, о бедняках:
Им нельзя в дырявых башмаках!»

«Эй, сапожник, в чем твоя вина?
Почему ты плачешь у окна?»
«Мир на рану рваную похож,
По живому не пойдешь.
Я хочу без громких слов
Башмаки стачать из облаков».

«Эй, сапожник, выслушай меня:
Почему ты стал светлее дня?»
И сапожник закричал:
«Я стачал, стачал, стачал!
Подходи, брат Ли, за башмаками,
Я их сделал этими руками,
Надевай скорей, брат Чжан, и ты
Башмаки моей мечты!»

ПИСЬМО МАТЕРИ

Когда с грустью и горечью думаю о ней, сердце пишет письмо невольно.

Я знаю: она неграмотна.

И когда строка за строкой, я окидываю взглядом не очень четкие ряды иероглифов, слезы из глаз моих, как огненные горошины, катятся по щекам на серую почтовую бумагу.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Нам чужды жалкие признанья:
«Всего ценней воспоминанья».

Грядущее

у нас в груди;

Как грязь с холста,

С души мы смоем

В потоке быстром все дурное

И мир свободный создадим!

НОВАЯ ПЕСНЯ

Эй, певунья, странная, странная птаха!

Не надо грустить: солнце поднимется в небо.

Эй, певунья, другую выбери песню,

Иначе от боли у нас разорвутся сердца.

Новое пой —

солнце,

которое скоро поднимется в небо,

В песне

воспой

красоту

солнца

как дар
людям
во мраке,
В песне воспой
радость
идущих ему навстречу!

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

Притаилась ночь, не дыша,
Только слышится:
Ша!
Ша!
Ша!¹
Это эпоха жрет жизнь.
1922

* * *

Вошел я в жизни черную пещеру
И горечь горькую познал,
Но, в солнце не теряя веру,
Спешил вперед: попутный ветер гнал.

История шипы вонзала в спину.
Я горечь не люблю, —
кто любит горький плод?
И все-таки ее я не отрину,
Провижу худшей горечи приход!

¹ Убей! (кит.)

* * *

Не будь в душе воспоминаний,
Свободный, я бы пел судьбу.
О Человечество, себя ты приковало
К столбу
Воспоминаний!

ВАН ЦЗИНЧЖИ

(рог. в 1902 г.)

Ван Цзинчжи — поэт-лирик, автор двух поэтических сборников.

Поэзия Ван Цзинчжи — взволнованный и откровенный рассказ о поисках душевного тепла теми, кто одинок среди людей, кто не находит «ни света, ни цветка, ни любви». В его стихах ощутима неприязнь к «злому миру» — средоточию образов и теней прошлого, к предписаниям конфуцианства, пытающимся сохранить «дом», «род» в их традиционной неприкосновенности.

ЮНЫЙ МОНАХ

Жил в темном храме юноша-монах,
Торжественно-надменные святые
Монаху заменили отчий дом,
Родную мать и радости простые.

Он был красив, но телом вял и слаб,
Был тусклым взгляд, медлительны движенья,
И все-таки угасли не совсем
В его душе живые впечатленья.

В тот храм однажды девушка вошла,
Он бормотал молитвы, в книгу глядя.
И вдруг умолк и на нее взглянул,
И чувство жаркое в его сверкнуло взгляде.

1921

Я ХОЧУ

Сплавить все сердца в одно хочу я —
Сказочное, чудное литье!
Как луна, оно бы засияло,
Общее, — ни ваше, ни мое.

Я хочу согреть сердца людские,
Дать им много света и тепла,
А потом — потом вернуть владельцам,
Но уже свободными от зла.

1922

ПРЕВРАЩЕНЬЯ

Если б ты была луною,
В одиночестве бродила —
Я бы стал созвездьем ярким,
Чтоб тебе не скучно было.

Будь ты птицей быстрокрылой
И тебя бы жизнь терзала —
Я бы стал высоким небом,
Чтоб свободно ты летала.

Будь ты рыбой в непроточном,
Загрязненном водоеме —
Я бы стал потоком чистым,
Говорлив и неуёмен.

Если б ты затосковала,
Это было б неопасно:
Я бы стал улыбкой легкой
На лице твоём прекрасном.

Закуют бедняжку в цепи,
Тяжек брак по принужденью, —
И тогда уж не помогут
Никакие превращенья.

1922

РУКА

Природой

во владенье человеку
Могучая рука дана от века,
Она сильнее тигра, тверже стали,
Подвластны ей заоблачные дали.

Похожи пальцы, что не знают дрожи,
На когти льва, а может быть, на крючья,
На хоботы слонов они похожи
Или на клювы соколов могучих.

Рука всегда в движении бессонном,
Ее умелым пальцам нет покоя,
Она достанет звезды с небосклона
И ловко схватит солнце золотое.

Она поймает облако цветное,
Коснется властно молнии мгновенной,
Сорвет, играя, радугу, как ленту,
И снимет с волн сверкающую пену...

Как некий символ встала пред глазами
«Рука» Родена.

1925

ЖИЗНЬ

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;
Не мечтай о шелке да парче
На циновке рваной до утра.

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;
Вместо роз — соломы жалкий клочок
Поднесет, когда придет пора.

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;
Все равно достанется пятак
Вместо цельных слитков серебра.

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;
Золотые россыпи тебе
Не видать до смертного одра.

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;

Не гонись за сладкою росой:
На ладони горькая кора.

Жизнь невыносимо тяжела,
Странная и горестная быль.
Ждешь прекрасный яшмовый сосуд,
А получишь угольную пыль.

1925

СЕ БИНСИНЬ

(рог. в 1900 г.)

Се Бинсинь — автор рассказов, эссе, произведений для детей. Одна из важных тем ее творчества — поэтизация детства, материнской любви, силы искусства. Ее человеческая поэзия поддерживала слабых духом; как верно заметил китайский критик, Се Бинсинь никогда не была врачом — только сиделкой.

Под влиянием «Залетных птиц» Тагора, японских хайку и танка Се Бинсинь одна из первых в Китае начала писать «короткие стихи» («сяо-ши»), схватывавшие «мгновенные ощущения — туманные, иллюзорные, призрачные».

ЗВЕЗДЫ

(Фрагменты)

Безграничную тайну
Где искать человеку?
Где-то между улыбкой
И еще не сказанным словом.

*

Все мы,
Дети природы,
Лежим в колыбели вселенной.

*

Для будущих воспоминаний,
О юноша, рисуй свое сегодня
Внимательно и осторожно.

*

Литератор бесчувственней всех:
Слезы людские —
Его урожай.

*

Правда — вся! —
В молчанье детском,
А не в спорах эрудитов.

*

Побольше гордости, о слабая трава,
Ведь это ты земле вручила
Наряд зеленый.

*

Сновидения поэта
Вытканы глубокой ночью
Нитями дождя.

*

Не завидуйте ребенку:
Мир так быстро познается,
Вот уже печаль к нему крадется.

*

Необычайной тишины
Мгновенье
Нам познать дано,
Когда перо уже в руке
И ждет бумага.

*

Ребенок —
Поэт великий:
В его незаконченной фразе
Законченные стихи.

*

На воду ложатся тени,
На сердце ложатся фразы
И следов не оставляют.

*

В полночный час
Владеют миром грезы,
Я бодрствую одна.
Быть может,
Я героиня этих грез?

*

Те, что жили до нас,
Обманули меня,
А я не желаю обманывать славных потомков.

*

Сердце!
Ты сказало мне вчера:
Мир для счастья и добра.
Сегодня ты думаешь по-другому.
Мир для тебя — крушение надежд.
А завтра ты станешь во всем сомневаться...
Научи меня верить твоим словам!

*

О, смерть!
Отдохновеньем от забот
Она ко мне последняя войдет,
И будет молчалив ее приход.

*

Поэт —
Это сказочный мир ликованья,
Это скорбь безнадежности нашего дня.

*

Шипы па розах,
Вы тем, кто рвет цветы,
И боль и гнев песете,
А розам — только радость и покой.

*

О ветер!
Не задувай свечу в моей руке —
Пусть освещает длинный, темный путь
Друзьям, вослед идущим...

*

На мириады звезд взгляни,
одетых темной синевою.
О чем беседуют они
между собой в тиши ночной?..
Быть может, и они, как мы,
друг другу о любви поют
и теплый свет средь вечной тьмы
друг другу
радостно дают.

*

Первой зелени побег
шепчут вашей молодежи:
«Совершенствуйтесь, растите, —
этим вы на нас похожи».
Белые цветы на ветке
шепчут
в жизнь идущим людям:
«В дар себя вы приносите,
Заодно мы с вами будем».
Спелый плод
в листве осенней
шепчет юноше-герою:
«Ради счастья поколений
гордо жертвуйте собою!»

*

Как рдеют розы
в солнечном огне!
Как щедро льют они

свое благоуханье!
Все восхищаются
их нежной красотой.
А ведь когда-то
были их ростки
орошены и потом, и слезами,
и красный дождь
неисчислимых жертв
их корни напоил
в подземном душном мраке.

*

О необъятный океан вселенной!
Какая не горит в ночи звезда?
Какой цветок не льет благоуханья?
Когда в моих мечтах и размышленьях
не отдавались волн твоих раскаты,
родной, великий, вечный океан?..

ВЕШНИЕ ВОДЫ

(Фрагменты)

Природа зовет:
«В море мое окуни острие пера,
Слишком суха грудь человечества».

*

Сердце!
Волненье твое напрасным не будет,
Если оно —
Во имя вселенной,
Во имя живущих.

*

Одинокий парус на краю заката,
Сам того не зная,
Стал штрихом последним
На природы свитке.

*

Одинокая в небе звезда.
Но во тьме безграничной
Она словно символ
Одиночества мира.

В этом смутном туманном мире
Я забыла первое слово
И последнее не узнаю.

*

Мир покидая,
Я бы хотела
Ему прошептать:
«Я тебя поняла».

*

Создатель,
Выполни
Одно мое желанье:
Хочу в объятья
Матери моей,
Иной судьбы не надо мне,
В объятиях — спасение от горя,
А мать пусть сядет в лодку при луне,
А лодка пусть уходит в море.

*

Цветок опыта
Рождает плод мудрости,
Но плод мудрости
Зачат семенами горечи.

*

Прощайте,
О вешние воды,
Спасибо вам за журчанье,
За то, что вдаль уносили
Речи мои и молчанье.
Вы к людям уйдете далеко,
Взмахну я рукой в знак привета
И сяду у ваших истоков
В немом ожиданье ответа.

*

Чтоб жизнью сгубить миллионы,
Грохочет всю ночь канонада;
Убийцам подвластны законы,
Убийцам дается награда.
А я... мотылька выпускаю,
Который за стеклами бьется,
И все на земле уважаю,
Что дышит, поет и смеется.

Вы, юноши, пишите обо всем.
Любовно создавайте книгу жизни;
Она зовет, и ждать она не может;
Листает время хрупкие страницы...
Прошу, скорей возьмитесь за перо!

*

Мудрец!
Как беспределен этот мир!
Скитаясь,
В нем легко и заблудиться...
Светильник веры в самого себя —
Лишь он не даст с пути во мраке сбиться.

*

Тогда к землепашцу приходит радость,
Когда, опершись на мотыгу, он видит,
Что тут и там пробиваются всходы.

БОЛЬНОЙ ПОЭТ

I

Поэт занедужил...
Ну что ж, удивляться не нужно:
И хмурое небо в окне его тоже недужно.

В печальном раздумье
И небо весь день, и поэт.
Пора бы уж строчкам родиться —
они не явились на свет,
Пора бы снежинкам кружиться —
их все еще нет.

Все шумы, все звуки
в единый сливаются шум:
Треск веток сухих
за унылым окошком угрюм.
Потрескивает
и гудит раскаленная печь.
Но, может быть, все здесь
должно измениться, утечь?..

Поэт занедужил...

Ну что ж, удивляться не нужно:

Ведь хмурое небо в окне его тоже недужно.

II

Поэт занедужил.

Для творчества есть настроенье,

Но кисть недвижима,

не пишется стихотворенье.

Луч солнца коснулся стульев,

И тень от цветов ложится

На светлые половицы.

Вот книга упала на пол,

И ветер листает страницы.

Все окна раскрыты настежь,

И хлопают занавески —

Порыв надувает их резкий.

Тоскливо... В стихи годится

Лишь мысль, что книги здесь старые,

Цветы же на окнах — свежие.

Единственный образ веский!

Лик в зеркале виден,

Блезненный и исхудалый.

Кисть так тяжела

для руки ослабевшей, усталой!

Есть в горечи сотворенья

И легкость и обновленье,

И грустный поэт ощущает

Внезапное умиление.

Поэт занедужил.

Для творчества есть настроенье,

Но кисть недвижима,

не пишется стихотворенье.

БУДЬ Я ПИСАТЕЛЕМ

Будь я писателем, я б не желала,
Чтобы все то, что написано мной,
Память читательская сохраняла,
Чтобы людская молва обсуждала
Мой опус очередной.
Чужды мне были б и хор одобренья,
И ледяная волна осужденья...
Пусть проносилось бы всякое мнение,
Суд беспристрастный о каждом твореньи
Быстро, как воды весной.
Если ж причуды судьбы испытанный,
Боль ощутивший
И радость познавший
Вспомнит, что кто-то иной
Выразил то же стихами иль прозой, —
Я бы лила благодарные слезы
Радости неземной!

Будь я писателем, я бы смирилась
С тем, чтобы все, что написано мной,
В нашем «культурном кругу» позабылось
Или встречалось насмешкой одной...
Но для меня значение имеет
Мнение тех, кто читать не умеет.
В сущности, только и ценно на свете
Ваше вниманье, крестьянки да... дети.
Головы ваши склонятся угрюмо.
Да посетит вас тяжелая дума,
Всех потрясет глубиной.
Ваше сочувствие — в сердце заноза.
Как удержу благодарные слезы
Радости неземной!

Будь я писателем, я б не хотела,
Чтоб сочиненья мои то и дело
Так ли, иначе ли всеу звучали,
Чтобы с пристрастием их изучали,
Те бы клеймили, а те — защищали...
Лучше порою ночной
Тихо читать их,
Лик лунный тревожа.
В утро ненастное,
В день непогожий
Ветру, дождю морозящему тоже

Или тебе, проливной!
Тени ушедшего... Метаморфозы...
Снова пролью благодарные слезы
Радости неземной!..

1922

БУМАЖНЫЙ КОРАБЛИК

Маме

Любому обрывку бумаги,
 что попадался мне в руки,
Упрямо я находила
 всегда одно примененье:
Один за другим вертела
 кораблики да лодчонки
И, высунувшись из каюты,
 пускала их в пенное море.

Порыв — и кораблик легкий
 к иллюминатору липнет,
Другой в мгновенье потоплен
 волной, бегущей от носа...
А я опять мастерила,
 спускала кораблики в воду:
Один доплывет, быть может,
 туда, где в мечтах живу я.

Во сне ты увидишь, мама,
 кораблик — не удивляйся,
Что он совсем беспричинно
 приплыл в твои сновиденья.
Знай: слезы сдержав, твоя дочка
 его по волнам пустила,
Любовью своей и печалью
 все трюмы набив до предела...

1923

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Под косым лучом золотится
 на деревьях темная зелень,
А большая просторная площадь
 разлилась необъятным морем.

По воде, где плавает туча,
 босоногие шлепают дети.
Им так весело, так забавно,
 небожителям малолетним!

Братик маленький вдруг решил —
 тоже в лужу ступил ножонкой,
Шаловливо брыкнул — и тут же
 высоко полетели брызги.
Увлеченный, кричит он громко:
 «Осторожно, сестренка, скользко!»
Только крикнул — и в это время,
 поскользнувшись, падает в воду.

А его краснолицый дядя
 сам штаны перепачкал в глине
И с довольным лицом восклицает:
 «Проказник, ах ты проказник!..»

Так смешно торчат у сестренки
 две коротенькие косички.
Приподняв юбочку, ступает
 за измазанными штанами.
Аккуратна и осторожна,
 а в душе — лукавый бесенок:
Вот бы шлепнуться, как братишка:
 то-то было бы всем веселье!

КАН БАЙЦИН

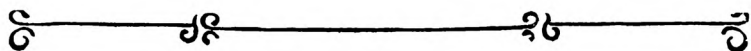
(1896-1945)

Кан Байцин — пионер новой китайской поэзии, теоретик стиха и его практик, показавший широкие возможности разговорного языка как языка поэзии.

В своем известном сборнике «Трава впереди...» (1922, 1924), привлечшем внимание читателей свежестью, новизной и гуманизмом, автор скорее попытался разобраться в первопричинах людских страданий и бед, нежели указать пути их преодоления.

ТРАВА ВПЕРЕДИ...

Сзади плеть,
Впереди трава.

Задыхающийся вол
Тянет плуг, а плуг тяжел,
Косит глазом старый вол,
Уморился старый вол.

«Ху-ху...»
«Не вздыхай! Пошел! Пошел!
Распаши еще клочок,
Дам травы тебе пучок».

«Ху-ху...»
«Поторапливайся, вол,
Не вздыхай, иди быстрее,
Плетью я тебя огрею».

Вол!
Человек!
Бессильны слова.
Сзади плеть,
Впереди трава.

1 февраля 1919

ПЕСНЯ РАБОТНИЦЫ

У меня на заплате заплата,
Мне на помощь приходит зарплата.
Нет ни риса в семье, ни батата,
Мне еду добывает зарплата.
Негде жить — ни отца и ни брата,
Мне на помощь приходит зарплата.
Ослабею я мало-помалу,
Они выдадут в день по два мао.
Как добры ко мне, как добры!

У меня будут малые дети,
Воспитает их мой благодетель.
А когда я всерьез заболею,
Привесут мне лекарство, жалея.
Ежедневно — хвала их заботе! —
Только десять часов на работе.
Я беременна, мне безвозмездно
Три юаня вручают любезно.
Как добры ко мне, как добры!

ПРОЩАЙ, КИТАЙ МОЕЙ ЮНОСТИ!

Хуанпуцзян! Как быстро мчишься ты!
Не можешь ли помедленнее течь?
Я оглянуться на Китай хочу,
Где быстро юность протекла моя.
Хуанпуцзян!
Такой осталась ты,
Такой же точно, как тогда, в июле!
Но я в тот год на родину спешил,
А ныне — уезжаю из Китая.
Я плыл сюда с Японских островов.
На них я бросил взгляд и вдруг увидел,
Как вдаль уходят синь и бирюза.
Мне трудно было расставаться с ними.
И вспомнил я тогда слова Су Ши:
«И реки и причудливые горы
Сливаются в задумчивую грусть».
И лишь тогда, когда на горизонте
Родные показались берега, —

Узнал я землю юности своей —
Зеленые и розовые краски.
И бешено забила в жилах кровь,
И вспомнил я тогда слова Чэнь Бо:
«На южный берег, где растет трава,
Слетаются неведомые птицы».
Хуанпуцзян!
Ты та же, что была,
Такая же, как и тогда, в июне.
Сегодня оглянуться я хочу
На тот Китай, где молодость провел.
Он все такой же — алый и зеленый,
И только между скорбными бровями
Глубокая прорыта борозда.
«Осенний ветер гулко завывает,
С деревьев рвет листву и гонит
Волну по чистой глади Дунтинху».
Хуанпуцзян!
Не ты ли кровь несешь
Героев, что, подобно Цюй Юаню,
Себя под гладью вод похоронили?
О, юности моей Китай! Сегодня
С тобою я прощаюсь ненадолго:
Лет пять иль шесть с тобой в разлуке будем.
Узнаем ли друг друга мы при встрече,
Когда к тебе вернусь я после странствий?
На это не могу себе ответить, —
Сто разных чувств сжимают грудь мою.
Безмолвно на корме стою высокой.
Прощайте, слезы юности моей.
Прощай страна, где юность я провел!
Как я хочу тебя в грядущем видеть
Такой же юной, как в мечтах моих!
Прощаюсь с братьями и сестрами своими,
С тобою — мама, бабушка — с тобой!
Пусть слезы оросят седины ваши,
Те слезы, что я в юности пролил.
Лет через пять иль шесть, когда вернусь я,
Пусть ваши волосы сверкают блеском юным.

СОМНЕНИЯ

Ласточка,
Вернулась?
Это не ты прилетала в прошлом году?

Лепесток в пучине.
Человек в зеркале.
Она в моем сердце.
В ее ли сердце я?

Лютневый источник.
Капля за каплей.
Слушаю, слушаю:
Что за мелодия?

Желтые цветы овощей!
Бабочки веселый полет!
Где найти мне нужные слова?

Знакомы ли
Сомнения такие
Крестьянам в синих куртках
На полях?

МИРНОЙ ВЕСНОЙ

К северу от Япцзыцзяна
Стали зелены поляны,
Стала зелена земля,
Показались зелена,
Ивы тоже зеленеют,
Травы тоже зеленеют,
Воды тоже зеленеют,
И утиные хвосты —
Как зеленые кусты,
И камыш крестьянских крыш

Зеленеет,
И голодные глаза
Зеленеют,
И горят, горят костры,
Пламенеют.
Выжигается весной
Весь участок посевной.

СЮЙ ЧЖИМО

(1896-1931)

Сюй Чжимо — поэт-романтик, прозаик, эссеист, драматург. Его ранние произведения носили социальный, гуманистический характер. С середины 20-х годов и до последних дней жизни (он погиб в авиационной катастрофе) Сюй Чжимо все больше отходил от социальной проблематики, его творчество лишалось романтического порыва, на первое место выдвигалась «спасительная» идея любви. В душевном смятении поэт пытался «высохшим пером» поведать читателю о «чистом идеале», не найденном в жизни.

В ПОИСКАХ ЗВЕЗДЫ ЗАВЕТНОЙ

Мой конь и слеп, и хром,
Я в ночь гоню его,
Я в ночь гоню его,
Мой конь и слеп, и хром.
Ворвался в нескончаемую ночь,
Ищу мою звезду,
За ней во мрак иду,
Но мрак ночной нас снова гонит прочь.
Устал мой конь, устал он подо мной,
Но где моя звезда?
Не видно и следа.
И я устал в седле, и я совсем больной.
Но вдруг пронзают темноту хрустальные лучи.
Свалился конь, и труп коня
На землю, вниз увлек меня.
Но вдруг пронзают темноту хрустальные лучи.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СЕРАЯ ЖИЗНЬ

Я хочу расковать свой голос, грубоватый и буйный
голос, и новую, пугающую души варварскую песню
запеть;

Я сбросить хочу свое платье, такое respectable
бельное платье, обнажая грудь и живот;

Хочу среди лощеных сограждан со спутанными
быть волосами, будто я бродяга монах;

Хочу в ручье омыть свои ноги и тропой, крутой

и опасной, босиком и с чистой душою зашагать бесстрашно вперед;

Я хочу настроить мой голос, грубый и заносчивый голос, и хвастливую, гремящую несню, увлекающую души, запеть;

Я вытяну огромные руки — на земле, на небе и в море, — голода ища утоление, который не в силах терпеть;

Я схвачу северо-западный ветер и спрошу его о красках осенних и о падающих листьях в саду;

Я схвачу юго-восточный ветер и спрошу о юных почках в глянце, зреющих у всех на виду;

Я у берега морского застыну, прислушиваясь к ровному дыханью крепкого великого сна;

Мне подвластны краски заката; на груди, в волосах и под ногами дымка гор далеких тaitся, и серебряно меня освещает яркая осенняя луна...

Ухожу в восторге безумья семимильными шагами все дальше и пою свирепую песню, незатейливую, грубую песню, для которой не придумал конца;

Приходите, приглашаю вас к морю слушать песню бури и ветра, сотрясающую крепкие стены небесного святого дворца;

Приходите, приглашаю вас в горы слушать музыку старых деревьев: топоры уже запели в тиши;

Приходите, приглашаю вас в домик, в тайный домик приглашаю на стоны искалеченной, забытой души;

Приходите в заоблачные выси, приглашаю вас послушать стенанья огромных и причудливых птиц;

Приглашаю вас в народ, приходите слушать дряхлую, разбитую песню, горемычную, скорбную, больную, безобразную и рабскую песню, ту, что тихо поют самоубийцы, ту, что смешана с дождями и ветром, хоровую заунывную песню — «Человеческая серая жизнь»!

ТРУСЛИВЫЙ МИР

Трусливый мир,
В нем места нет любви!
В нем места нет любви,

Простоволосая,
Босая,
Иди за мной, твердя слова любви.
Оставим этот мир,
За гробом путь любви.

В моей руке твоя рука,
Любовь моя, дорога далека;
Пускай в ступни вонзаются пины,
Терзает град, веля сойти с тропы.
Иди за мной, дорога далека.
В моей руке твоя рука.
Свобода! Вырвемся из затхлого мирка!

Моя любовь,
Иди за мной!
Ты видишь мир людей за нашей спиной?
Не океан ли плещет светлою волной?
Безбрежный океан,
Пресветлый океан,
Свобода без границ, любовь и мы с тобой!

Взгляни на край небес,
Туда,
Где чуть мерцает синяя звезда.
Нет, это остров, а на нем цветы,
Трава и птицы редкой красоты.
Скорее в челн, дорога далека,
Дворец небесный скрыли облака, —
К свободе и любви,
С земною суетой простившись навсегда.

ПРОЧЫ

Прочь, люди, прочь!
Одип стою над горной крутизной;
Прочь, люди, прочь!
Лицом к лицу с небес голубизной.
Прочь, юность, прочь!
В глуши степей пристанище мое;

Прочь, юность, прочь!

Печаль во тьму уносит воронье.

Прочь, грезы, прочь!

Я расколол нефритовый сосуд;

Прочь, грезы, прочь!

Валы и ветер радость мне несут.

Ха-ха! Все прочь!

Я вижу пик, взнесенный над землей;

Все прочь, все прочь!

Какая безграничность предо мной!

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Весенний ветер не вернулся в сад,
Понуро ветки темные висят,
На небе нет ни солнца, ни луны,
Ни звезд — они мертвы, они черны,
Лишь силы зла глядят из всех засад.

Все рушится, добра на свете нет,
Цена святому — несколько монет...
В тот день и час небесный грянул суд!
И души обнаженные ползут
За ханжество и ложь давать ответ.

Моя любовь, в то время ты и я,
Как лотосы на стебле бытия,
Цвели открыто, счастья не тая, —
Не зная за собой другой вины.
Такие узы Небом скреплены.

ЯД

Сегодня я песен не пою, у моих губ змеится хищная улыбка; сегодня я молчу и не смеюсь, в мою грудь вонзился холодно блещущий острый меч;

Поверь, ядовиты мои мысли, потому что таков этот мир; темна моя душа, потому что солнце уже не сияет; мой голос подобен крику ночной совы на могильном кургане, потому что в мире людей убита гармония; в речах моих слышен голос невинно казненного, пришедшего к палачу, потому что добро уступило дорогу злу;

Но верь мне: правда в моих словах, пусть ядовиты опи, правда не станет двусмысленной, даже если в моих словах вдруг проглянут язычки двуглавой змеи, острие хвоста скорпиона, челюсти сколопендры, потому что сердце мое переполнено тем, что сильнее яда, — проклятья не столь ядовиты, пламя не ярче, смерть не столь глубока! Сердце мое не в силах терпеть, оно полно жалости и любви, вот почему мои речи отравляют, проклинают, сжигают, ведут в небытие;

Поверь, в гробнице на коралловом острове спит мерило добра и зла; и самые чистые ароматы яств для жертвоприношений не в силах пронзить этот мрачный пласт: мерило мертво;

Наша вера похожа на сгнившего бумажного змея на ветке дерева, в руках лишь разорванная нитка: сгнила вера;

Поверь мне, огромные тени сомнений, точно черная туча, сокрыли связи в этом мире: дети не рыдают больше над трупом умершей матери, братья не ведут за руку своих сестер, друзья стали врагами, собака, стерегущая дом, поворачивает голову, чтобы укусить за погу своего хозяина; да, сомнения сокрыли все; на обочине дороги сидят плачущие, на улице и под твоим окном тебя высматривают веселые девицы: прекрасный лотос сгнил; в грязном потоке, где проходит людской путь, несутся по волнам пять обезображенных трупов: гуманность, справедливость, обрядность, мудрость, вера — плывут они в море, где бесконечно время; это море беспокойно, свирепо перекатываются волны, а на белом гребне каждой из них начертано четко: алчность и зверство;

Повсюду разврат, справедливость — в объятьях жадности, подозрительность теснит сочувствие, трусость бесцеремонна с отвагой, чувственность дурачит любовь, человечность — под гнетом зверства, свет — под пятой мрака;

Слышишь этот непристойный шум, этот звериный вой?..

Тигры и волки на растревоженных улицах, насильники — в постелях ваших жен, злодейство — в глубине ваших душ...

СТРАНСТВИЕ

Ты взмыла, туча, в небеса, свободна и одна,
Летела быстро и легко без отдыха и сна,
По вольной прихоти своей и час, и день, и год,
Блаженство высшее твое — свободный твой полет.
И в гордом странствии, в пути с небесной высоты,
Бегущий с гор простой ручей могла ль заметить ты?
Его прозрачность затенив, над ним летела ты,
А он, ликуя, обнял тень нетленной красоты.
В тоске он обнял тень твою, стремясь тебя найти,
Но красоте покоя нет, она всегда в пути.
Ты улетела, уплыла к заснеженным горам,
Не ручейку дарила тень — озерам и морям.
А он напрасно ждал тебя и ждал бы до сих пор,
Но пересох от мук ручей, рожденный среди гор.

Я НЕ ЗНАЮ, КУДА ВЕТЕР ДУЕТ

Я не знаю,
Куда ветер дует, —
Я в мечтах витаю,
Ласкова она, и я ликую.

Я не знаю,
Куда ветер дует, —
Я в мечтах витаю,
В легких волнах грез кружу я.

Я не знаю,
Куда ветер дует, —
Я в мечтах витаю,
Красоты сияние найду я.

Я не знаю,
Куда ветер дует, —
Я в мечтах витаю,
Холодна она, и я тоскую.

Я не знаю,
Куда ветер дует, —
Я в мечтах витаю,
Муки грез — от них в бреду я!

Я не знаю,
Куда ветер дует, —
Я в мечтах витаю, —
Мрак — сиянье грез, туда иду я.

ЧЖУ СЯН

(1904-1933)

Чжу Сян — стихотворец, литературовед, переводчик Шекспира, Китса, Шелли.

Чжу Сян мечтал о счастье и не находил его в реальной жизни. После радостного подъема, вызванного движением «4 мая» и отразившегося в его сборнике «Лето» (1925), оптимизм покидает поэта, его душу захлестывают настроения обреченности и предчувствия скорой смерти: 4 декабря 1933 года он бросился в реку Хуанпу в Шанхае.

Уже после гибели Чжу Сяна вышли в свет два сборника его стихов, подготовленные к печати друзьями.

ДИТЯ

Я большое дитя, и пока не набрался ума,
На песке, как ребенок, я высокие строю дома.
Но тревожная мысль постоянно терзает меня:
Почему я дитя, почему не набрался ума?

Видно, строить не мне лучезарное Завтра людей,
Знай пишу и пишу, на тома вагромождая тома.
Я большое дитя, я похож на обычных детей,
На песке, как ребенок, я высокие строю дома.

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Осмыслить, право, нелегко
Поступки человека.

Мы знаем древних мудрецов,
Постигших мудрость века,

За тех, кто жив и кто в беде,
На бой и смерть идущих...

Но кто пожертвует собой
Во имя дней грядущих?

СЛОВА

Для женщины, далекой, как мечта,
Я много слов в своей душе храню.
Я жду всю жизнь, я верю их огню
И потому не раскрываю рта.

МОЕ СЕРДЦЕ

Не устало ли ты от такого труда?
Нет покоя тебе ни мгновенья,
Только ты и вода, только ты и вода
Никогда не искали забвенья.

Не устало ли ты от такого труда?
Ты прошло испытаний немало;
Языку и губам, что в движенье всегда,
Не жалея себя, помогало.

Не устало ли ты от такого труда?
Ты, как мать, с неизменной любовью
Одаряло меня, горячее огня,
Животворною алою кровью.

Ты устало от горя, от жизни во мгле,
Ты свои шестьдесят отслужило,
Наконец ты навеки уснуло в земле,
Но в потомках ты все-таки живо!

ИН СЮЖЭНЬ

(1900 - 1933)

Ин Сюжэнь — литератор, профессиональный революционер, член Лиги левых писателей Китая.

Сочетая полную опасностей работу революционера-подпольщика с поэтической деятельностью, Ин Сюжэнь одним из первых в Китае явил образ человека новой формации, у которого слово не расходилось с делом. Тяга к любовной и пейзажной лирике неотделима в его творчестве от проблем времени.

Поэт несколько лет учился в Москве, которой посвятил цикл стихотворений. Яркая жизнь Ин Сюжэня, коммуниста и поэта, трагически оборвалась 4 мая 1933 года в гоминьдановском застенке.

ПРОСЬБА МАЛЬЧИКА

«Если это сделать трудно —
Чтобы молния и гром
Поскорее-побыстрее
Уходили бы добром, —
Я тогда бы попросил,
Чтоб хоть дождь не моросил.

Если это сделать трудно, —
Слышу детский голосок, —
Пусть хотя бы ветер в небе
Вдруг утихнет на часок.

Если это сделать трудно
(Я не знаю, вам видней), —
Пусть он дует, этот ветер,
Только тише и нежней.

Если дуть решил он круто,
Поднимая ураган, —
Пусть он дует, но не к югу
От родной реки Цяньтан.

Впрочем, можно даже к югу,
Только к нам не заходи.
Впрочем, можно даже к дому,
Только маму не буди.
Не буди, сердитый ветер,
Уходи!»

Как же можно не уважить
Эту маленькую просьбу?
А? Небо?

СОН

Трава у берега реки желта и зелена,
Камыш танцует на ветру, и катится волна.
И тянет вдаль меня вода упрямо за собой.
И манит щедрая тропа: «Усни в траве густой».

Смотри!
Весь купол голубой
Склонился над тобой.
Летят неслышно облака,
И стала плоть моя легка,
И я лечу...

МОРЕ У ВЛАДИВОСТОКА

Зеленая яшма до самого дна,
Жемчужная пыль, белоснежная пена;
Вчера ни одна не плескалась волна,
А нынче куда подевалась степенность?

Далекие горы. Багровый закат.
Я в сердце волны устремляюсь на лодке;
Вздыматься я рад, опускаться я рад
По прихоти моря послушно и кротко.

Ноябрь 1927 г., Владивосток

В МОСКВЕ

Ветер крепок,
Снег глубок,
Сильный ветер валит с ног.

Мы идем — в руке рука,
И дорога нам легка.

Ветер щеки жжет
И лоб,
За сугробом встал сугроб.
Мы идем — к плечу плечо, —
Нам легко и горячо!

Март, 1928 г., Москва

ПАНЬ МОХУА

(1902-1934)

Пань Мохуа — активный деятель КПК, профессиональный революционер.

Пань Мохуа оставил после себя небольшое, но яркое поэтическое наследие: и в любовной, и в гражданской лирике, и в частной жизни он всегда оставался максималистом. Арестованный гоминьдановскими властями в декабре 1933 года, Пань Мохуа выказал величие духа и умер как герой.

ТРАВКА

Травка, ты, пожалуйста, прости:
Помешал каблук тебе расти.
Лишь на миг пришла к тебе беда...
Я ж людьми растоптан навсегда!

2 ноября 1921 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Я внезапно в глупой маске
Перед матерью предстану:
Я под маской скрою слезы,
Рассмеется мать невольно.

15 января 1922 г.

ПОКИДАЮ ДОМ

Износились рукава рубахи,
Мать сидит и шьет, за сына в страхе.
Страшно было ей и больно было,
И в рукав она печаль зашила.

«Встрепанные волосы у брата, —
Говорит сестра, — неаккуратно!»
И печаль свою она тайком
Мне вручила вместе с гребешком.
Вышли мы вдвоем со старшим братом,
Солнце, покраснев, ушло к закату,
Протянул мне руку старший брат,
Он помочь в дороге был мне рад.
И печаль в его ладони билась
И в мою ладонь переместилась.

Но теперь — теперь иное дело!
Сотни ли душа преодолела.
Облака, зеленая трава!
И печаль ушла из рукава,
И печаль ушла из гребешка,
И ладонь спокойна и крепка.
Мать, сестра и брат сплели вначале
Сеть великой боли и печали;
Для меня они ее сплели,
Но опутать ею не смогли!

10 марта 1922 г., Ханчжоу

ЦЮЙ ЦЮБО

(1899 - 1935)

Цюй Цюбо — критик-марксист, поэт и переводчик, один из основателей Коммунистической партии Китая.

Стихотворения и прозаические зарисовки Цюй Цюбо периода «4 мая» стали образцами новой революционной китайской литературы. Цюй Цюбо был одним из тех писателей, кто нес китайскому народу правду о первом в мире социалистическом государстве рабочих и крестьян. Живя в Москве в качестве корреспондента пекинской газеты, Цюй Цюбо писал свои «Сокровенные мысли о Красной столице» (1921—1923), славил Октябрьскую революцию, призывал к дружбе между народами России и Китая.

Его перу принадлежат талантливые переводы произведений Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Горького, Тютчева, Лермонтова.

18 июня 1935 года Цюй Цюбо был расстрелян гоминьдановскими реакционерами.

МОЕЙ МАТЕРИ

Кто обеднел —
Тот не родня, чужой!

Не тронешь черствых
Горькою слезой.

Чужое горе
Кажется далеким...

Склонился сын
Над гробом одиноким.

СТИХИ О БЕЛОЙ ХРИЗАНТЕМЕ

Нефритовые вазы
Для цветов

Готовят
До прихода холодов.

Но краски осени
Еще бледны пока,

И не коснулся иней
Лепестка.

ГОЛОС СЕРДЦА

Стон... стон...
«Проваливай! Вон!»
Полицейская сабля зла и груба,
И снова слышится стон раба:
«Господин... подайте... голодному...
Ой!»
«Стой!
Генерал-губернатор!
Не видишь?»
Пинки.
И огненный след пятерни отпечатан
На грязной коже щеки
Новогодней узорной парчой.
По мостовой,
Срезая углы, тучи вздымая пыли,
Генерал-губернатор
Мчится в автомобиле.
Белесый клубится дым,
Зловоние душит людей.
Вдоль улиц гляди и дальше гляди,
Дальше — за грань площадей...
Черные тени видны...
Сумрачный лик
Ухмыляющейся луны.

КРАСНЫЙ ПРИБОЙ

Бурлит и рокочет красный прибой,
Хлынуло солнце из-за облаков,
Оно, пробудив, увлекло за собой
Тех, кто спал пятьдесят веков.

Четыреста миллионов ртов,
Как клятву и как салют,
Повторяют несколько слов:
«Славься, священный труд!»

Вперед, в наступленье! Только вперед!
Империализма гибель грядет!

Колониям — жизнь, а не зверства штыков,
Сорвем с их тел железо оков.
Смелее! Не будет белых рабов,
Черных рабов, желтых рабов!

Добрым вестям отныне и впредь
Над нашей планетой вечно лететь.

Землю, томящуюся в ночи,
Коммунизм переделает заново.
Смотрите!

Хлынули лучи
В десять тысяч чжанов.

1923

МОРЕ

Человеческий век,
Ты вместилище гордой мечты, —

Ты бескрайнее море,
Ты вселенной простор голубой.

Приближается ночь,
И рокочет и ропшет волна,

И в невиданном гневе
Бьет о берег высокий прибой.

Голос неба везде.
Но о чем наставленья его?

На песчаной косе
Вновь трепещет волшебная лодка.

Утихает прибой,
Исчезает безумье волны —

В беспредельность пучины
Она погружается кротко.

А вдали горизонт
Зажигает звезду за звездой, —

Им с высоких небес
Тайна моря, быть может, видна.

Бродят волны кругом,
То поднимутся к свету звезды,

То уйдут в глубину,
У которой ни края, ни дна.

10 марта

ОСЕНЬ

В лесу меж деревьев
Западный ветер бродит,

Поднимает опавшие листья,
И они как прибой звучат.

Луна, одиноко-печальна,
Слушает эту странность,

Душа ее в тихих звуках,
Душа ее в бледных лучах.

Почти невесомые тучи
Ее закрывают собою,

Напрасны, напрасны старанья
Маленьких этих туч.

Сокрытые где-то силы
Сопротивленья и воли

Высвобождают вскоре
В тысячи чжанов
луч!

Он пробивается снова,
Снова сияет ярко,

В нем сокровенная тайна —
Мира ночного огни.

Пусть эти черные тучи
Плывут по осеннему небу —

Я хохочу над тщетою
Жалкой, смешной возни!

12 марта

ЛУНА

Софье Толстой

Опускается в синее море
Луна.

Бесконечна, бездонна
Его глубина,

Простираются тени
На тысячи ли.

Так и жизнь —
Беспредельности жаждет она.

10 апреля

БЕЗГРАНИЧНОСТЬ

Мрак есть тоже жизнь земная!
Свет и тень попеременно.
Стынут росы, замерзая,
Первый луч, больной и слабый, оживает постепенно.

Росы тают и густеют, жизнь темна и сокровенна, —
Как познать ручья законы, уходящего мгновенно,
Или тайну атмосферы, что не знает постоянства,
Можно ли проникнуть мыслью в сущность времени-
пространства?

«Человек» и «Я» безбрежны, бесконечны от рожденья.
От улыбки, грусти, гнева не бывает пресыщенья.
Кто познал все муки Неба?
Долго ль ждать освобожденья?

Прозорливый, кто ответит, долго ль мучиться народу?
Сам сначала стань свободным, чтоб другим нести свободу!
Еду в Край Обетованный, осознав задачу лично,
Будет Край Обетованный простираться безгранично!

ЦЗЯН ГУАНЦЫ

(1901-1931)

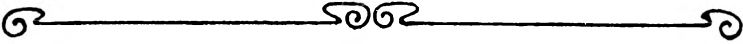
Цзян Гуанцы — поэт и прозаик, теоретик литературы и переводчик, издатель и критик.

Один из первых революционных литераторов Китая, Цзян Гуанцы воспел боевые будни рабочего класса, показал рост самосознания китайской интеллигенции в переломную для страны эпоху. В теоретических работах он говорил о судьбах культуры после победы социализма, о путях ее развития, что было закономерным следствием его идейных и эстетических взглядов.

В первой книге «Новые мечты», написанной в Москве, большинство стихотворений пронизано мыслями о Ленине, Октябре, о значении русской революции для судеб человечества.

Основные темы последующих сборников поэта — гнев и скорбь патриота, чью землю топчут иноземные захватчики, терзают китайские милитаристы, размышления о месте поэта в строю бойцов.

СТИХИ О МОСКВЕ

Московский снег белизны небывалой,
Знамена московские ярко-алы,
Они как рассветные чистые зори.
Снежные хлопья
В хрустальный дворец превратили столицу.
Рассветные зори!
Мне почему-то не спится,
Брожу по дворцу бесконечно,
Не считая часов.
Мне хочется петь —
И мне подпеваает
Тысяча голосов.
Воспоминанья встают предо мной
О жизни иной.
Что в них таится?
Ненависть? Плач?
Улыбка, тронувшая уста,
Или тоска по родным местам,
Которых забыть нельзя?
Нет, друзья!
Мною оставлено прошлое,
Его не вернуть —
Оно брошено
Навеки в пещерную мглу
И там пропало во мгле,
Для того чтобы мне, тебе и ему
Жить на земле!
Нескончаема жизни река,
Течет она годы, течет века,
И на гребне клокочущей пенной волны

Мечты человечества
О радостных днях весны.
Но вдруг бы река перестала нестись вперед,
Вдруг бы она прекратила
Стремительный свой полет, —
Стали бы тленом,
Скрылись бы в черной пыли
Надежды людей земли.
Друзья!
Не верьте хитросплетениям лживых басен,
История

тоже

Не вечно бывает темна;
Как снежные хлопья,
Может быть мир прекрасен,
Чистый, как снежные хлопья,
И радостный, как весна.
В хрустальный дворец
Я вошел, как идут в сновиденья, —
Великую новость, правдивей которой нету,
Взволнованный и потрясенный,
Узнал в этот день я:
Человечество вышло
На улицу чистого света.
Друзья!
Не оглядывайтесь на черные тени прошедших
дней, —

Эти тени меня позорят,
Я сегодня стоял
На краю облаков
В огне
И глядел на рассветные зори.
Хорошо!
Впервые земля накинула красный халат,
Октябрь, словно пушка невиданного калибра,
Прогрохотал, —
И в паническом страхе дрожат
Злобные волки и разъяренные тигры!
Октябрь, словно огненный смерч,
Испепелил навечно
Все, что жестоко и бесчеловечно.
Октябрем озаренный,
Вижу грядущего день я,
Прими, Революция, в дар
Мое сердце, утратившее покой,

Октябрьская революция,
В день твоего рожденья
Воспрянул род людской!

МОЯ ДУША

Я в мире много исходил дорог
И много съел плодов во времена скитаний;
Откуда мог я знать, что их медвяный сок
Когда-нибудь моей душою станет?

Я перевидел многое вокруг,
Я слышал громкий смех и горькие рыдания;
Откуда мог я знать, что каждый этот звук
Когда-нибудь моей душою станет?

Ты соками плодов напоена,
Смех вобрала и плач людей, идущих мимо;
И потому, душа, ты преданно нежна
И глубина твоя неизмерима.

Звучит твоя задорная строка,
Когда грохочет гром и дождь шумит бессонный;
Твои я слышу горестные стоны,
Когда вдали плывут лениво облака.

Мне чудится: вселенная поет,
Она коснулась струн одной огромной лютни;
Моя душа спешит туда, где людно, —
Гармония души и лютни настает!

Мне чудится: души со мною нет,
Она слилась с душой всего людского рода;
Я слышу песню — стон из уст народа,
А может, то душа оставила свой след?

Я слышу плач измученных людей, —
Моя душа дрожит, дрожит от острой боли.
Я пролил много слез не оттого ли,
Что плакала она, что было больно ей?

Я слышу смех людей дурных и злых, —
Моя душа горит и жаждет лучшей доли.
Я ненавижу их не оттого ли,
Что гневная душа так ненавидит их?

Моя душа стремится в прошлый век,
К певцу, чей гений миру был подарен;
О, сколько гордых чувств в твоей строке, певец,
Властитель дум, отважный рыцарь Байрон!
Поэта светлой памяти верны
Вольнолюбивой Греции сыны.

Моя душа стремится в прошлый век,
Когда стучало жарко сердце Гейне;
Как много пролил слез поэт и человек,
Мечтая о счастливом поколеньи.
Мне жаль, что он, таким огнем горя,
Окрашен не был цветом Октября!

ТРЕХСТИШИЯ

* * *

Мы говорим о храбрости в борьбе.
Я одержал победу над собой.
Вне всякого сомненья, я герой.

* * *

Когда бы бог реальным был вполне,
Ему бы все равно не покорился.
Что, кроме горя, мог бы дать он мне?

* * *

Когда я думаю о горе всех людей,
Я о моем уже не помню горе,
Но и мое становится сильней.

* * *

Мрак иногда гнетет меня,
Но я в его могущество не верю,
Я чую близость солнечного дня.

ИНЬ ФУ

(1909-1931)

Инь Фу — поэт-лирик, новеллист, публицист, революционер.

Выходец из обеспеченной семьи, Инь Фу порвал со своим классом и посвятил себя революции. Сочетая поэтическое творчество с политической работой, Инь Фу писал острые и злободневные стихи. Порывистый и непоколебимый, нежный и увлекающийся, Инь Фу в своих статьях требовал раскрепощения женщины, а в поэзии -- воспевал любовь к ней.

Злодейское убийство поэта вместе с его боевыми товарищами Лу Синь назвал «большой потерей для пролетарской литературы». Написанные в разные годы и опубликованные в газетах и журналах произведения Ипъ Фу были собраны и вышли в свет уже при народной власти.

Творчество Инь Фу знакомо советскому читателю: «Слова, омытые кровью», ИХЛ, 1964.

ПОСВЯЩАЮ...

Ветер холодный путает пряди
волос рассыпавшихся твоих.
Идем мы — ты впереди, я сзади —
вдоль улиц узеньких и кривых.
Слышу, как гулко бьется, трепещет
жаркое сердце в твоей груди.
Город накрыт пеленой зловещей...
Идем. Я сзади, ты впереди.

Выпрямись, грудью вздохни глубоко,
встреть неожиданный ветра порыв
И улови в нем глухой, далекий,
скорбный, волнующий душу мотив.
Не в поцелуе и не в объятье, —
нынешней ночью ты только друг, —
Соединимся в рукопожатье,
сердец услышим тревожный стук.

Призрачный страх в темноте маячит,
время идет тяжело по пятам.
Путь наш в грядущее — ныне начат.
Нет, страшно не будет нам.
Луч маяка через тьму пробился.
Вижу теперь, что совсем не страх —
Свет окрыляющий отразился
в ясных и умных твоих зрачках

Крупная капля со лба стекает,
вниз по лицу твоему скользая.
Ветер протяжную песнь завывает,
жалуясь, ноя, кому-то грозя.

А мы улыбаемся тучам черным,
что с неба обрушиваются дождем,
Смеемся весело и задорно,
предвидим бурю и грома ждем.

1928

СЛЕЗЫ ОДИНОЧЕСТВА

Мне в пенах поддержки будь,
Оживи и согрей мне грудь,
Луч мой чистый, вестник летучий!
Пусть доносится ветра стон,
Пусть со всех четырех сторон
Нагоняет он черные тучи!

Испытанье не сломит меня,
Не погасят в сердце огня
Издевательство, зло и насилье.
Ты со мной, мой желанный луч,
Ты сквозь слезы глядишь из туч.
Опущу ли я в бурю крылья!

Бесконечная ночь — как век.
Претерпи ее, человек.
Пронесутся все грозы мимо.
Злобный ветер крепчает — пусты!
Но осенней цикады грусть
Слушать тоже невыносимо.

Впереди — кровавый рассвет,
И цикады простынет след,
Мрак отступит, утихнет буря.
Ты же, светлый мой луч, опять
Будешь, вечно живой, сиять
В просветленной небесной лазури!

1928

ПЕРЕД ИЗВЕРЖЕНИЕМ

К вулкану я ухом приник
и чувствую: еле-еле
Сердце земли трепещет
в большом материнском теле.

Дно кратера мелко дрожит,
как будто через мгновение
Извергнется жгучий пепел
и лава придет в движенье.

Земля с четырех сторон
облита закатом багровым.
Вершина горы высокой
открыта ветрам суровым.

Унылая песня цикад
особенно здесь одипока,
Смеется холодным смехом
луна над сосной высокой.

...На землю спускается ночь,
осенняя молкнет природа.
Густым фиолетовым цветом
окрасилась даль небосвода.

У самого уха дрожит
грядущего предупрежденье.
Оно превращается в музыку
и в пенье, прекрасное пенье.

И снова, к вулкану припав,
я слышу движенье лавы,
Вот-вот над разверстой бездной
взметнется огонь кровавый!

Пусть первую жертвой паду,
пусть кучкою пепла я стану,
Но был и останусь свободным...
Свободе молюсь неустанно!

1928

Мне памятен один рассвет:
Мы — в лютиковых росах.
Нарвав цветов большой букет,
Тебе я преподнес их.

Теперь, в конце моей весны,
Мне зов кукушки снится.
«...Ку-ку!» — пора рассеять сны,
От сказки отрешиться...
Я сны мои благодарю,
В них вижу я с тобою,
Но без надежды днем смотрю
На небо голубое.

О время, приближаешь ты
Рубеж неодолимый,
Ты разбиваешь все мечты,
Все грезы о любимой.
Воспоминая прошлых лет
Мне сердце больно ранят.
На свете мне покоя нет,
Пока мой час не грянет.

Но кровь волнуется моя,
Перепополняет вены,
И нити слез, как два ручья,
Текут одновременно.
Живую песню воссоздам
О том, что былью стало,
И положу к твоим ногам,
Как лютики, бывало.

1929

ДЕТСКАЯ БАШНЯ

О Детская башня! Ты — каменный склеп,
Ты — детских костей неизменный хранитель,
Прибежище слабых младенческих душ,
ушедших из мира обитель.
Стоишь ты среди бесконечной равнины

И слышишь, как ветер грустит без причины
и как его жалобный стон —
То тихий, короткий, то воющий, длинный —
сливается с криком ворон.

Внизу, у подножья, терновник расцвел,
Глухую тропинку бессмертники скрыли,
Застыло вдали колесо ветряка,
а на небе — тучи застыли.
И плачущий ветер летит стороною...
Здесь хмурое царство тоски и покоя.
Наплывший из северных стран,
Как будто навеки густой пеленою
окутал всю землю туман.

О дети ушедшие! Часто над вами
Слетаются ангелы, чтобы слезами
оплакать могильную сень.
Все в прошлом у вас, под землю истлевших...
У сверстников ваших, уже повзрослевших,
есть радостный завтрашний день!
Забутые лица... От детского смеха
Теперь не осталось и слабого эха.
Чья воля вам жить не дала?
Крик лисий, волков завывание в стужу:
Слезами небесными полнятся лужи;
могила травой заросла.

Для той, что дитя потеряла когда-то,
Былая утрата — поныне утрата;
в молчанье бессонных ночей,
Когда при луне затихают все звуки,
Ей кажется, голые детские руки
все тянутся, тянутся к пей.

Пусть хор в этой башне уже бестелесен,
Но звуки бессловных, безрадостных песен
пробудят, встревожат живых.
Терновник, бессмертник над детской
могилой

Пускай затрепещут от песни унылой,
Отпрянут от башни все темные силы
в туманных одеждах своих.

Вы, детские души, тесней соберитесь,
Все вместе огнями во тьме засветитесь.
И путник, замедливший шаг,
Подумает: «Что там мелькает зловеще?»
И молвит: «То пламень бессмертных
трепещет.
Пред ним расступается мрак!»

1929

В БЕЗМОЛВИИ НОЧИ

Ни песен, ни вздохов: все ночью
 молчит,
В глухом тупике коромыслом стучит
Разносчик пельменей.
В каморке будильник печально трещит,
Считает мгновенья.

Я помню деревню младенческих дней
И крики парящих над ней журавлей,
Хозяйка с обедом спешит поскорей
На ниву, где ждет ее друг...
Зеленые волны и спящих полей
Просторы вокруг.

Но вот пелена грозовых облаков
Окутала крылья степных ветряков
И неба лазурь.
Вещают глухие раскаты громов
О близости бурь.

И птицы укрыться от бури спешат,
Торопится женщина с поля назад.
Вот молния... гром!
Гневные строки стихов прозвучат
Вместе с дождем!

СЛОВА, ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

(Поэма)

1. ИЕРОГЛИФЫ НА МОСТОВОЙ

Огромные, написанные кровью
На мостовой булыжной Нанкин-род,
Они лежат косою красной бровью
И обновляются — однажды в год.

Огромные, написанные кровью, —
Как выкрикнуты сотней голосов, —
Они печаль сирот и злобу вдовью
Передают сильнее привычных слов.

Увидев эти знаки, вспоминаю,
Чья кровь лилась, чьи рвались голоса,
Что связано у нас с тридцатым мая,
«Уса юньдун» — «Движением Уса».

Два красных иероглифа смеются.
Зловещий смех! Как жуток он для тех,
Кто в стан врага спешил переметнуться.
«Уса юньдун» — кровавый, красный смех!

«Уса юньдун» во весь свой рост огромный
Шагало широко по Нанкин-род,
Исполненное силы неуемной,
Кровавый блеск бросало в небосвод.

Великий день! Твоя неповторимость
К сердцам людей прорезала тропу,
Твоя же непреклонная решимость
До устья долетела Хуанпу.
Вселенная — от края и до края —
Потрясена пророчеством твоим:

«Что для буржуев нынче светит раем,
То адом завтра обернется им!
Сегодня иероглифы багряны
От нашей крови... Горестный почин.
Но будет Завтра! Поздно или рано —
Я, буревестник, вновь на бой восстану,
Истории новейшей старший сын!»

В боях прошло уже четыре года...
Все льется кровь. Когда ж войне конец?
Растет с годами мужество народа,
Стучат ритмично тысячи сердец.

Мы закалились, выросли, окрепли.
Нам вражья слезы смоят кровь с лица.
Сметем все зло и похороним в пепле
И палача, и труса-подлеца.

2. ОСОЗНАННАЯ МЕЛОДИЯ

Родная деревня пять лет назад...
Озера гладь серебристая
Мальчишеский радует взгляд.
Вода здесь чистая-чистая!
Руку опустишь — и чувствуешь теплые
струи.
Лодочки-листья в долгом слились поцелуе.

Ленивые, мирные в небе плывут облака.
Взбираюсь на гору — и даль предо мной
далека.
Я слышу мелодию — тихую, светлую,
нежную,
И радость в груди неосознанная,
безмятежная.

Туманные мысли...
И, будто во сне, я беспечен,
И мир для меня спокоен и человечен.

И вдруг — испуг!
Стрелы-слова
Ворвались в тишину.
Прокатилась молва,
Потрясла страну:
На Нанкип-род
Стреляют в народ!
Тучи нависли.
Спутались мысли.
Я слышу — гремят орудийные башни,
И вот уже нет тишины вчерашней.
Опасность и буря — не сон,
не дальность.

Реальности! Реальности! Реальности!
...Мелодию новую слушаю жадно,
Душа цокоряется ей безоглядно.

Я вижу: огромные темные волны
Разбег в океане берут.
И слышу: их рокотом мир весь
наполнен,
Мятежные феи поют.

Прелюдия к «Песенке лунного света»
Сквозь грохот мне ясно слышна.
А волны все выше. Нагорья Тибета
Покроет иная волна.

Валы потрясают Великую стену
(В заплатах и дырах она),
Приносят соленую желтую пену...
Сливаются звуки в одну каптилену,
И слышит их даже луна.

Синкопа! Мелодия двинулась с места,
Рассыпалась мелко, в крупу.
Адажио бурным сменяется престо
В долине реки Хуанпу.

Там выстрелы, крики людские и стопы,
Решимость и грозный папев.
Там смерть вырывает людей
из колонны,
Там кровь, поражение и гнев!..

3. КРАСНЫЙ СМЕХ

Пора нам раскатисто расхохотаться,
Хохотом красным, смехом суровым,
Чтоб город с его песмолкающим ревом
Тихим, беззвучным мог показаться.
Чудище!

Зубы — высокие зданья,
Мосты перекинута между ними;
Все тонет здесь в ядовитом дыме.
Город!

Как тяжело его дыханье...
Город — машины, гудки и копоть.
Не устает он реветь и топтать.

Каждый рабочий псет топор.
Внезапно все к мостам устремились,
Флаги неведомые появились,
Каких не видали до этих пор.
Неудержимым потоком идут
Сотни смеющихся грозным смехом.
Смех отдается трепещущим эхом,
Новые песни люди поют.
Кому-то и худо от песен станет...
Пусть красный смех наш сильнее
грянет!

4. СЛАВОСЛОВЛЮ ШАНХАЙ

Шанхай, я видел во сне твой труп,
Запятнанный сажей фабричных труб,
В грязи от подножья до самых бровей.
На теле твоём — мириады червей.

Раскинулся ты у реки Хуанпу,
Твой запах привлек тунейдцев толпу.
Но ты лежал неподвижен и тих,
Ни стога из мертвенных уст твоих...

Шанхай! Быть может, мой сон и глуп.
Я плакал, во сне увидав твой труп.
Теперь я желаю тебя воспеть;
Ты сам разорвал хитроумную сеть,
Что тайной окутывала Восток.
Лишь ты мне открыть эту тайну помог.

Шанхай! Ты сегодня в процессе гниенья,
Ты — верхняя точка горы преступленья,
Ты — дно и вершина страстей... Наяву
Я омутом грязным тебя назову,
В котором кишат мириады червей.
Так в чем же суть болезни твоей?

Врагом ли назвать тебя или же другом?
Твои преступленья равны заслугам:
Отец ты китайского пролетариата,
И ты же — убийца.
Но грянет расплата!
Предстанешь пред грозным судом,
отвечая
За кровь пострадавших тридцатого мая.

Шанхай! Мы заслуги твои славословим,
Но кару за кровь и за раны готовим.
Тобою рожденные славные дети —
Вот судьи твои!
Ты пред ними в ответе.
Кровавая бойня —
Твое преступление.
Не смерть ожидает тебя, не гниенье.
Ты болен, Шанхай,
Ты получишь лечение!

5. УЛИЦЫ ВЕСНОЙ

Ветер дует вдоль улиц
надоедливо и тоскливо,
Город под жарким солнцем
ворочается лениво.
Весь день по городу носятся
дельцы-богачи оголтело.
Деньги! Рынки! Сделки!
Продажа женского тела!
Липким потом покрытый,
к реву машин привыкший,
Тратит последние силы
с тяжкими стонами рикша.
Дамы в автомобилях
рады чему-то без меры,
Интрижка, чуть-чуть лукавства —
и есть у них кавалеры!
Все перевозят трамваи —
и пыльное и блестящее.
Но под колесами гибнут
только сердца настоящие.
Поэты — как псы весной —
в голодном высокомерии
Побродят, потянут носом
и скрываются в кафетерии.
Женские глазки и ножки
все улицы заполонили,
Но не о чем петь поэтам,
их старые рифмы прогнили.
Жулики здесь открыто
по тротуарам рыщут,
Смеются себе... А рядом —
тупоголовый сыщик.

Нет в городе беззаконья,
здесь, кажется, все законно:
Душа, и тело, и совесть
продаются с аукциона.
Вдруг
лязг,
треск,
гром!

В испуге дрожит прохожий.
Грузовик на улице перевернулся,
И рикши не видно тоже...

6. ПОРЫВАЮ СО СТАРШИМ БРАТОМ

(Считаю за разрыв с классом)

Мы разошлись с тобой, любимый брат:
Письмом ты укрепил на жизнь мой взгляд.
Досадно: нам с тобою, кровным братьям,
Не обменяться впредь рукопожатьем:
мой путь — вперед, тебе плестись назад.

Любили мы друг друга двадцать лет,
Ты защищал меня от зла и бед.
Я плачу, мне разлука неприятна,
Но все заботы забери обратно,
я отвергаю их, как сон, как бред!

Благодарю, ты честен был со мной,
Я с детства предан был тебе душой,
Но наших помыслов несовместимость
Во мне рождает твердую решимость
порвать с тобой! Ты мне чужой, чужой!

Тобой руководит один расчет,
Чины ты выбрал, деньги и «почет».
Ты приспособил собственные взгляды
Под званье, под высокие оклады,
что власть неправая тебе дает!

Когда бы я, как ты, продаться мог,
И я б послал бумажный колпачок.
Да! Сделай я два-три покорных шага —
Я получал бы «жизненные блага»...
Но как я от судьбы такой далек!

Пусть ты богат — я за тебя не рад.
Пусть голодаю я, твой бывший брат,
Но мне претит чиновная спесивость.
Я жажду видеть в мире справедливость,
не до карьеры мне, не до наград.

Лишь истине глубокий мой поклон.
Машинным гулом прерван был мой сон.
Всю тяжесть ощутив народных бедствий,
Я навсегда забыл о милом детстве,
и в сердце мне запал народный стон.

С тех пор ни днем, ни ночью — много лет
Душе моей покоя больше нет,
И я готов на подвиг Прометея,
Чтоб люди получили поскорее
в моей стране огонь, тепло и свет.

Я крепок духом, мне не страшен враг,
И сердцу чужд религиозный мрак.
Чтоб пользу принести моей отчизне,
Не пожалею ни трудов, ни жизни.
Так мне ль падеть чиновничий
колпак!

Носи позором купленный убор.
В нем честь твоя, а для меня — позор.
По тропам каменистым, по обрывам
Пойду путем народа справедливым,
опасностям и злу панерекор.

Быть может, мне в пути придется пасть
Иль в руки к вам, наемникам, попасть.
Я понимаю, это все возможно...
Но презираю я убийц пичтожных,
коварство их, и деньги их, и власть.

Итак, ты видишь: я иду вперед,
И солнце правды для меня встает.
Горжусь моим призванием высоким.
Страх перед смертью стал таким
далеким,
горячие сердца растопят лед!

Прощай, мой старший брат, забудь меня.
Расстались мы до рокового дня.
Здесь перекресток. Вот моя дорога.
Я — не один, нас много, очень много!
Мы встретимся на линии огня!

7. ГОРОДСКИЕ СУМЕРКИ

Город окутан вечерней мглой.
На улицу с шумом и смехом
Работницы высыпали толпой,
Голоса разносятся эхом.

Ярче горят фонари. Исполни
Ворчит по-ночному, надрывно,
Длинная лента автомашин
Двигается непрерывно.

Гарь газолена щиплет глаза.
Проедут дельцы с ипподрома —
И слышатся громкие голоса
Из окон игорного дома.

Снова машин бесконечный ряд.
Потоком — рабочие снова.
Дома вдоль улиц мелко дрожат,
Рухнуть вот-вот готовы.

Бегами, другой ли какой из потех
Богатый себя будоражит, —
А у работниц — шутки и смех,
Несмотря на усталость даже.

Пусть веселятся всю ночь напролет.
Сегодня богатым отказа нет.
Посмотрим, кто своим назовет
Завтрашний яркий рассвет!

Март — апрель 1929

ШАО СЮНЬМЭЙ

(рог. в 1903 г.)

Шао Сюньмэй — поэт, член литературной группы «Новолуние». По словам самого поэта, он стремился освободиться от «моралистического рабства традиционной китайской поэзии», писал о «чувственно-прекрасном». Подражал Суинберну, привнося в свою поэзию декадентские мотивы.

Талантливый стихотворец, оставивший в китайской поэзии немало запоминающихся строк, Шао Сюньмэй уходил в своем творчестве от сложностей жизни, не находя реальных путей для деятельного участия в ее переустройстве.

В ДАР ПОЭТУ

Пройдет сто лет — и будет жить поэт,
На нас с тобой нисколько не похожий,
С горячим телом и упругой кожей,
Равно приемля сумерки и свет.

Он ни меня не вспомнит, ни тебя
И не прочтет строки простой и мудрой;
В его глазах, увы, безумец я,
А ты — глупец с лицом, покрытым пудрой.

Но верю я, наступит день такой —
Средь роз он вдруг умолкнет виновато,
И возмутят стихи его покой,
Которые писали мы когда-то.

СУИНБЕРНУ

Мы братья Сапфо, мы в родстве меж собою,
Нас создали боги, великие боги.
Они сотворили закат и Венеру
И в душу вселили прекрасную веру.

Мы трое похожи, мы трое — поэты,
Мы ищем любви вековой секреты,
Союз непорочный из крови и плоти,
Мы — горечь и сладость, мы вечно в полете.

Мы трое цветами взошли у вершины.
Не смейте сажать нас в горшки и кувшины!
Мы вышли из праха, и кончим мы крахом,
И наши надежды рассыплются прахом.

МЕРТВАЯ ЛЮТНЯ

Утомленная лютня очнулась с трудом,
Не желает она говорить о былом,
И красавице больше не шепчет она,
Где ученого юноши дом.

Не заметила лютня, как стала стара,
Пересохшее горло, игра не игра,
Только кашель и стоны, сипенье и хрип,
Видно, люгне умолкнуть пора.

Все ушло от нее, что она берегла,
Свой недуг она больше скрывать не могла,
Пощадите ее, не играйте на ней,
Эта лютня давно умерла.

ЖЕНЩИНА

Я славлю женщину, как танские поэты,
Достойную любви и уваженья;
Умело музыкальными тонами
Скреплю слова и голоса движенье.

О женщина, тебе я доверяю,
В душе смятенье вызвала умело:
Не я виной, я это твердо знаю,
Что ты сегодня густо покраснела.

ЧЭНЬ МЭНЦЗЯ

(рог. в 1911 г.)

Чэнь Мэнцзя — поэт, близкий группе «Новолуние».

Выходец из семьи протестантского священника, пропитанной атмосферой религиозности, Чэнь Мэнцзя привнес в свои стихи идеи фатализма. Его поэзия несла привкус декаданса: поэт «скорбит на собственных похоронах», человек для него «одинокая звезда», «плывущее облако»; он видит смерть и кровь, ему кажется, что в хаосе сражений брат убивает брата, ибо «дьявол вселился в их души». Идеи гражданской, освободительной войны были ему непонятны и чужды.

ДИКИЙ ГУСЬ

Дикий гусь в полночной тишине
Вдаль летит, усталости не зная.
Он мою судьбу напомнил мне,
Надо мною с песней пролетая.

Пусть ее далеко унесло, —
И со мною так не раз бывало, —
Он поет, и легкое крыло
Разрывает ночи покрывало.

Я хотел бы диким гусем стать
И, забыв навеки цену слова,
Над землей летать, летать, летать,
Отрепившись от всего земного.

МАРТ

Колокол весеннего гипноза
Тронут нежным теплым ветерком.
Я наполнил свой бокал вином,
Пью до дна несбывшиеся грезы.

Лук повис, загадочен и прост, —
Тайну марта как узнать украдкой?
В небеса летит стрела-загадка
С крошечными капельками звезд.

ЗВЕЗДА

На меня ты смотришь с грустью тайной,
Словно хочешь что-то мне сказать.
Нет, пожалуй, лучше промолчать:
Вдруг внизу ослышатся случайно.

Дни, как кони быстрые, промчались,
Жизнь не доверяет словесам:
Догадайся, если можешь, сам —
Слов красноречивее молчанье.

КАВАЛЕРИЙСКИЙ СИГНАЛ

Кто на тропе во тьме безвестной
Сигналом возмущает свод небесный?
Копыта топчут трупы побежденных,
Стекает кровь с седла кавалериста.
Я услышал сигнал и в страхе замер,
Впиваясь в мрак бессонными глазами.

О, серая, о, злая ночь агоний!
Столкнулись насмерть воины и кони.
Деяния героев закаленных!
Брат против брата, злобен и неистов!
Я в хаосе увидел облик зыбкий
С бесчеловечной дьявольской улыбкой.

ПО УЛИЦАМ ПРОВОЗЯТ ОРУДИЯ

Везли по дороге тринадцать орудий;
Тараща глаза на военную силу,
Испуганно-радостно думают люди:
«Орудий-то сколько, спаси и помилуй!»

Орудий немало, но больше намного
Людей неубитых брело по дороге.
И люди, которых еще не убили,
Тревожные мысли на сердце таили.

Солдат при орудии думает думу,
Солдат на орудие смотрит угрюмо:
«Беда!» Обстрелять приказали солдату
Родную деревню, где рос он когда-то.

Безглазый снаряд, устрашая, несется,
Он в доме солдата сейчас разорвется.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ СОЛДАТА

Быть может, он утонул в реке,
Быть может, умер на койке.
Теперь он лежит на пустом бугорке,
И некому его успокоить.

Быть может, тело его сгниет,
Быть может, его забудут,
Но когда-то он встал и шагнул вперед...
Ради вас, люди!

ФЭН ЧЖИ

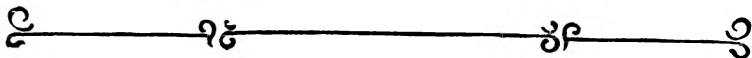
(рог. в 1905 г.)

Фэн Чжи — поэт, переводчик и популяризатор творчества Гейне и Рильке.

После двух поэтических книг, в которых Фэн Чжи показал себя тонким стилистом, приверженцем идей гуманизма, он переключается на исследовательскую и преподавательскую работу в качестве профессора немецкой литературы. Фэн Чжи — один из теоретиков и практиков китайского сонета.

ЧЕЛОВЕК В ЗЕЛЕННОЙ ОДЕЖДЕ

То на горе мелькнет, то возле склона
Зеленая одежда почтальона.
Собой доволен, он проходит мимо,
Его лицо всегда невозмутимо.
Шагает он, шагает по дороге,
За ним следит в волненье и тревоге,
С опаской и надеждой каждый житель,
Как будто почтальон — судьбы вершитель.
Вот он стучит в закрытые ворота,
И в ужасе уже бледнеет кто-то.

1921

МОСТ

«Как море, пропасть меж тобой и ею». —
«Пускай как море! Я не оробею.
Я буду день и ночь таскать кирпич и глину
И новый мост воздвигну над пучиной».

«За сотни лет не кончится работа!»
«Трудиться буду до седьмого пота,
Ведь жить одним сознанием невозможно,
Что чуден берег противоположный».

НАМЕК СЛЕПОГО

В темном-темном переулке,
Когда закрылись все двери,
В темном-темном переулке
Искал я свою потерю.

Что-то играя печальное,
Слепой проследовал гулко
Вдоль этого темного-темного
Бесконечного переулка.

ГОРЕЧЬ

Взгляни, мой друг, на этот темный плод,
Он видом скромным взгляд не привлечет;
Я много строк дарил тебе, но ты
Предпочитала алые цветы.

Пожалуйста, отведай этот плод,
Он с грушею в сравненье не идет;
Пускай в твой мир войдет моя строка,
И ты почувешь, как она горька.

НЕ ТОРОПЯСЬ...

Закат. Не мешкай ни мгновенья,
Глухая ночь таится за спиной.
На мой вопрос, вопрос простой,
Мне отвечай без промедленья,
А ты молчишь.

Из глаз печально льются слезы,
Моих бровей уже коснулась мгла,
Она меня заволокла.
Ответь на главный из вопросов,
А ты молчишь.

Явилась ночь, речей сметая блески,—
Ее не обогнать, не обойти,—
Я спрашиваю: вместе нам идти
Иль разойдемся мы на перекрестке?
А ты молчишь.

* * *

Я часто вижу, как в пустынном поле
Стоит и плачет женщина с ребенком,
И в этом плаче, то глухом, то звонком,
Читаю повесть их суровой доли.

Дрожит крестьянка в одеянье тонком.
Иль голодна? Иль тяжело ей в неволе?
А он наказан? Плачет он от боли,
Мальчонка, схожий с крохотным галчонком?

Рыдают оба так, как будто знают,
Что не для радости они родились,
Что страх и горе жизнь их наполняют.

Как будто из былых времен явились
Они в наш мир, — и слезы проливают
О тех надеждах светлых, что не сбылись!..

* * *

Посвящается Ду Фу

В покинутой деревне голодал
И часто думал, что умрешь в канаве;
О горе петь и муках был ты вправе,
Ты их познал, ты долго сам страдал.

Убитый воин на земле лежал,
Не зная о своей бессмертной славе,

И звезды падали, небесный свод дырявя,
И ты, поэт, им всем принадлежал.

Сверкала нищета твоя сурово,
Как будто нить на рубище святого,
Нетленная, божественная нить,

С ней в этом мире нечего сравнить,
И ни один на свете повелитель
Сильнее не был всемогущей нити!

* * *

Я слушал тихий монолог
Меланхоличного дождя,
Глухою ночью забредя
Куда-то в горы без дорог.

Ни деревень, ни городка, —
Как будто их на свете нет;
Мечты, которым двадцать лет,
В дожде угасли на века.

Все сжалось, сузилось вокруг,
Как будто я вернулся вдруг
Во чрево матери родимой;

О Небо, преподай урок,
Чтоб сердцем крохотным я мог
Объять весь мир необозримый!

ДАЙ ВАНШУ

(1905-1950)

Дай Ваншу — символист, певец единения человека с природой. «Поэт дождливой аллеи», как называли его китайские критики, Дай Ваншу, испытал на себе влияние почитаемых им Верлена и Фрэнсиса Жамма, все же оставался поэтом китайским. Одинокий путник, высокая башня, холодный ветер — эти излюбленные образы древнекитайской поэзии, соединенные с символикой XX века, прибрели в его творчестве новое звучание.

В последние годы жизни в сознании Дай Ваншу произошел перелом: поэт осознал свою сопричастность общей борьбе за национальное освобождение Китая.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ СКИТАЛЬЦА

Сонная красавица — бледная луна,
Плачет в одиночестве за горой она,
Ослабевшая душа горечи полна.

А в низине ухает черная сова,
В злобе тянется к луне волчья голова
От заброшенных могил, где густа трава.

Вся земля укутана плотной темнотой,
Ужас неизвестности овладел душой,
Ни просвета, ни огня, только мрак слепой.

Окроплю свою печаль чистой слезой,
Одиноким человек, я живу мечтой, —
Я уйти хочу вдвоем с гаснущей луной.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Мои воспоминанья мне верны,
Как не бывает верным близкий друг!

Они живут в горящей папиресе,
Они живут в любом немом вопросе,
В разбитой пудренице той былой весны,
Живут во мху разрушенной стены,
В бутылке, вышитой вдвоем не до конца,
В черновиках стихов, изорванных в сердцах,

В мерцанье лампы и в речной тиши,
Во всем, где есть душа, и там, где нет души,
Они живут и в памяти всплывают
Повсюду и везде, где только я бываю.

Их робкий вид не для чужого глаза,
И шум толпы им противопоказан,
Но в час, когда я одинок,
Знакомые созданья
Ко мне доверчиво приходят на свиданье.
Их голос тих, а речь длинна-длинна,
Безделицей заполнена она.
Все те же имена и те же эпизоды,
И та же песнь, не молкнущая годы.
Их голос тих, на девичий похож, —
Рождает вздох и вдруг бросает в дрожь.

Они приходят неопределенно —
Днем, на заре и полночью бессонной;
Сказать «невежливы» о них никак нельзя:
Ведь мы такие старые друзья!

Их речь длинна: подробности одни;
Но если я усну, смолкают и они,
Заплачу — станут тише тишины,
Нет, не назойливы,
Но очень мне верны.

ДОЖДЛИВАЯ АЛЛЕЯ

Под зонтиком мокрым блуждаю один по аллее,
По длинной пустынной аллее
С надеждой великой
Девушку встретить,
Которая грусть пронесла,
Как гвоздику.

Лицо ее было подобно гвоздике,
И аромат был похож на гвоздику,
И грусть —
В дожде она шла с печальным и сумрачным ликом,
Неся свою грусть,
Как гвоздику.

Блуждала по длинной пустынной аллее,
Как я вот сейчас,
И зонтик держала в руке,
И дождь барабанил по зонтику частый,
Блуждала безмолвно-печальна
И ко всему безучастна.

Все ближе она подходила
В глубоком молчанье
И бросила взгляд, подобный глубокому вздоху,
И он полетел,
Как мечтанье,
И затерялся далеко.

Подобно гвоздике,
Мечтой уносимой далеко,
В дожде —
Девушка мимо прошла,
Не зная душевной отрады,
До конца этой длинной аллеи,
До разрушенной старой ограды.

В песенке грустной дождя
Мгновенье спустя
Исчез аромат и исчезли с лица ее краски,
И даже исчезли и сникли
Взгляд, подобный глубокому вздоху,
Грусть, похожая на гвоздику.

Под зонтиком мокрым блуждаю один по аллее,
По длинной пустынной дождливой аллее
С надеждой великой
Девушку снова увидеть,
Которая грусть пронесла,
Как гвоздику.

ОСЕНЬ

Трубка глиняная со мною,
Осень где-то уже за спиною,
Осень рядом — прохладой веет.
На реке, где парус белеет.

Прикасаюсь я к чутким струнам,
О себе вспоминаю юном
И о том, как любил я осень
За печаль, что с собой приносит.

Было радостно в чаще мглистой
Слушать рог и ступать по листьям,
Но теперь осенняя благость
Одинокому сердцу в тягость.

Нет во мне ни любви, ни страха,
Мне известен ее характер,
И спокойно, с улыбкой светлой,
Я встречаю угрозу ветра:
«Это осень, господин Ваншу!»

ПУ ФЭН

(1911-1943)

Пу Фэн — признанный лидер «Китайского поэтического общества», много сделавший для пробуждения общественного самосознания народа и развития новой китайской поэзии.

Поэт-гражданин, Пу Фэн писал о месте поэта в борьбе против японской агрессии, восставал против тупой обывательской покорности власти придержащим.

Велики заслуги Пу Фэна в создании «поэзии для народа», в популяризации прогрессивной зарубежной литературы.

РАССКАЗ ВОРОНА

Черный ворон летел в вышине,
Он закаркал в глухой тишине,
Словно людям поведать хотел
О земле, над которой летел:

«Я спешил далеко на Восток, —
Там чванлив господин и жесток,
Но ему не сдается народ,
Доберется он и до господ.

Я на Западе видел пески,
Край безмолвья и лютой тоски,
Где крестьяне в страданье немом
Умирают под тяжким ярмом.

Я летел на сияющий Юг,
Там налоги растут, как бамбук,
Но мужают народа сыны
У живой океанской волны.

Я на Севере вновь побывал,
Видел духов деревьев и скал;
У причудливых северных гор
Нарастает народный отпор.

Над равнинами я пролетал,
Там солдата солдат убивал,
Но иные над болью земли
Флаги
Сильные руки несли».

Черный ворон летел в вышине,
Он закаркал в глухой тишине,
Словно людям поведать хотел
О земле, над которой летел.

1928

НАДЕЖДА

Недалеко, в ином краю,
Слепящий свет;
Туда стремлю я мысль мою —
В тот край побед.
Оковы рабства разобью,
Печали нет.
Не одинокая ладья
В пучине вод,
И всадник мчится не один
Под стук копыт.
Свет впереди. Он нас влечет,
Он нас зовет.
Свет впереди манит сердца,
Сердца манит.

1934

ПЕСЕНКА ШАНХАЙСКОГО РИКШИ

Везу, везу, везу
До больших ворот госпожу.
Госпожа с коляски сошла
И швырнула медяк со зла.

Тащу, тащу, тащу,
Господина улещу.
Он ярится, а я дрожу.
«Опусти, свинья, выхожу!»

Везу-ай, везу-ой!
Тащу-ай, тащу-ой!
Шесть мао — аренда коляски,
А сам хоть зубами лязгай.

Везу-ай, везу-ой!
Тащу-ай, тащу-ой!
Руки и ноги как вата,
Ищи виноватых.

ПЕСЕНКА ПРОДАВЩИЦЫ БИЛЕТОВ

Эй, нарядный господин,
Не глазейте!
Не ищите, господин,
Вы лазейку!

Каждый день встаю чуть свет,
И с рассвета
Только центы в голове
Да билеты.

В темноте домой бреду,
Ноет тело.
Где же время я найду
Для безделья?

Ты за бедной не ходи,
Мы не ровня.
Ты с богатыми блуди
На здоровье.

Каждый день встаю чуть свет,
И с рассвета
Только центы в голове
Да билеты.

ВАН ЯПИН

(рог. в 1905 г.)

Ван Япин — активный деятель «Китайского поэтического общества». В трех предвоенных сборниках поэт создает обобщенный образ капиталистического города и его многочисленных жертв, поэтохронику событий 9 декабря 1935 г. — антияпонской студенческой демонстрации в Пекине.

В годы войны Сопротивления активно включается в борьбу против агрессора: пишет поэмы, простые и ясные «короткие стихи», песни, близкие по форме к народным.

ВЕЛИКИЙ КАЛУН

О великая ночь, о бессмертная ночь января,
Ты забыла про сон, ты простилась с глухой тишиной;
Беспощадный огонь, из земных вырываясь глубин,
Опалит и сожжет неподвижный покров ледяной.

О великая ночь, о бессмертная ночь января,
Ты отбросила прочь меланхолии мрачный наряд;
Золотые лучи, что держал в пятерне господин,
Над толпою рабов, возрожденных для жизни, горят.

О великая ночь, о бессмертная ночь января,
Даже звезды поют, мириады ночных огоньков;
Цепи рабства сорвав, что веками гремели у ног,
Человек истребит, человек одолеет волков!

О великая ночь, о бессмертная ночь января,
Кровь клокочет в груди: древний город к сражению готов;
Серый цвет мостовых, серый цвет бесконечных дорог
Скоро станет иным, если столько кровавых цветов!

О великая ночь, о бессмертная ночь января,
Золотыми лучами Владыка небес осиян.
«Дети! Дети! Вставайте! — вскричал он, отвагой горя. —
Все дурное и злое пусть волна унесет в океан!»

АНГЕЛ МИРА

Над рекой Хуанпу, высоко в небесах,
Ангел мира расправил милосердные крылья,
Пусть от грязи еще Хуанпу не отмыли,
Пусть у берега голод стоит на часах —
Ласка в ангельских добрых глазах.

Ангел мира небесную песню поет,
Зазвучали мелодии как предвестники счастья;
Он бессилен и нежен, он полон участия,
Он не слышит, как стонет несчастный народ,
Ангел мира о счастье поет.

В упоенье, с молитвой Владыке небес
Ангел мира простер милосердные руки,
Льется кровь, остывают на отмели трупы,
Гибель рвется с винтовкою наперевес.
«О, прости нас, Владыка небес!»

Ангел мира поверил себе одному,
Одержал он победу с улыбкой счастливой...
Где же Мир? Где же Правда? Я вижу тюрьму...
Прочь,

фальшивого мира

радетель трусливый,

Ты не нужен

такой

никому!

1934

ПРОДАВЕЦ ЧАЯ

Ярко лампы горят в центре шумного города,
На душе продавца и тоскливо, и холодно;
Точно идол, он замер со взглядом отчаянья
Перед грубыми чашками и глиняным чайником.

«Чашку чая отведайте! Чашку чая горячего!»
Но прохожий рассеянно в переулок сворачивал.
Пробегали машины. Пыль садилась на скулы,
И тонул его голос в этом шуме и гуле.

Ночь последний трамвай поглотила, все замерло,
Сырость вышла на улицу полновластным хозяином.
Продавец возвращается, он устало качается,
А ночь не кончается, все никак не кончается.

1934

СУХОЕ ДЕРЕВО

Оно под окном застыло
В зимнюю пору.
В небе штрихами туши —
Бурые ветки.

Иней и хлопья снега
Ему не опасны,
Его ни песок, ни ветер
Ранить не могут.

Оно мне приносит радость
Каждое утро.
Вижу за бурым зеленым —
Цвет обновленья.

22 марта 1942, Чунцин

Из цикла «ОГНЕННАЯ МГЛА»

* * *

Сидишь в тиши, наморщив лоб,
Оставь в покое микроскоп!
Не будь глупцом и не бубни

Привычно термины одни,
Вперив пытливым жадным взгляд
В свой лягушачий препарат.
Ты дверь пошире распахни,
На жизнь реальную взгляни,
Схвати горсть пыли, как школяр,
И положи под окуляр,
Увидишь то, о чем забыл:
Фашизма
Скопище бацилл!

* * *

Отхлынули воды речные,
Устал от крика разносчик;
Бледный луч фонаря копошился
В одурманенной мгlistой ночи.
Было слышно, как дышит город,
Будто спит в неудобной позе,
Трудно кашляя, как бывает
При запущенном туберкулезе.

* * *

Пусть мои мысли
На волнах эпохи
Мчатся, как парус.
Пусть в мою свежую кровь
Не вползает
Запах гниенья.
С лампой шахтерской,
Молот сжимая,
Сильный, иду я
В темные штреки, —
Я под землю огонь добываю
Для человека.

* * *

Я плакал в первый раз —
Мешок дорожный я надел на плечи
И слушал матери наказ.

Я плакал вновь —
Всему, что было свято, изменила
Моя любовь.

Я плакал в третий раз —
Мои поля топтали вражьи кони
В кровавый час.

Когда мы победим врагов планеты,
В четвертый раз заплачу я
Слез не тая.

20 декабря 1944, Чуңцин

СЯО САНЬ

(1896-1983)

Сяо Сянь (Эми Сяо) — поэт-реалист, участник революционного движения, общественный деятель, переводчик на китайский язык «Интернационала» (1923 г.).

Больше десяти лет Сяо Сянь прожил в Советском Союзе, преподавал китайский язык в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), сотрудничал в советской печати, особенно в журнале «Интернациональная литература».

После возвращения в Китай в 1939 году создает боевые наступательные стихи о борьбе с японскими агрессорами, о международной солидарности трудящихся, переводит прогрессивных поэтов мира. Пишет работу «Эстетические воззрения М. Горького», неустанно пропагандирует поэзию Маяковского.

В нашей стране изданы следующие сборники Сяо Сяня: «Стихи» (1932), «Кровавое письмо» (1935), «Хунаньская флейта» (1940).

Т Р И Ш А Н Х А Й С К И Е К О Л Ы Б Е Л Ь Н Ы Е

1. ПЕСНЯ СЕСТРЕНКИ

Баю-бай, баю-бай,
Маленький братишка!
Ты не плачь,
 баю-бай,
Поскорей
 засыпай,
Маленький братишка!
Будешь голоден — тебе
Мама даст
Грудь свою;
Будешь мокренский — тебе
Я пеленки сменю.

Баю-бай, баю-бай,
Маленький братишка!
Небо темное еще,
Время раннее еще,
Маленький братишка!
Маме надо на работу,
Мы идем
 вместе с ней.
Как тебя оставить дома
Одного,
 без людей?
Будешь голоден — тебя
Некому кормить;
Будешь мокренский — пеленки
Некому сменить...

Баю-бай, баю-бай,
Маленький братишка!
Слышишь, кто-то кричит,
Словно зверь лесной рычит...
Ты не бойся ничего,
Маленький братишка;
Это наш гудок гудит,
Мама мне спешить велит.
Ей нельзя опоздать
На фабрику с утра,
Ей нельзя

опоздать:

Ведь за это — штраф!
За пять маленьких минут
Много центов
берут!

Баю-бай, баю-бай,
Маленький братишка!
Ты не плачь,
баю-бай,

Поскорей

засыпай,

Маленький братишка!
Где тебя

положить?

Вот — с машиной рядом.

А машина

шумит,

А братишка

не спит...

Спать,

спать

надо!

Ох, братишка кричит,
Плачет, задыхается,
От машин пыль летит,
В ротик набивается!

Ситец маме надо ткать,
Хлопок надо мне трепать.
Вот ты голоден — тебя
Некогда кормить,
Вот ты мокренький — пеленки
Некогда сменить.

Баю-бай, баю-бай,
Покачайте братца!
Ну, не плачь!

Агу!

Я ведь тоже не могу,
Не могу смеяться.
Десять месяцев тебе,
Мне девятый год пошел.
Еле приняли работать —
Хорошо, что рост большой...
Только трудно мне работать
По двенадцать

часов!

Тяжело в ночную смену —
Клонит сон,

клонит сон...

Закрываются глаза,
Спится,

спится,

А за это по щекам
Бьет

мастерица.

А глаза не глядят,
А машины

шумят,

Привода летят, жужжат,
Толстые, ремепные...
Бедная сестра Минъю
Прикоснулась к ремню —
И погибла, сонная!

Баю-бай, баю-бай,
Маленький, пригожий...
Нет, не вырасти тебе,
Мне не жить

тоже!

Баю-бай, баю-бай,
Маленький братишка!
Как же быть, как нам жить,
Как нам вырасти, скажи?
...Ты не бойся ничего,
Маленький братишка!
Говорят,

где-то там,

На краю
 света,
Есть провинция Цзянси —
Там живут Советы!
Бедным
 землю дают.
А богатых гонят, бьют.
Говорят,
 там детей
У станков не мучат,
В школу там берут детей,
Даром
 учат!

Баю-бай, спи, усни!
Все не спишь,
 упрямый?
Проберемся мы в Цзянси
Вместе с мамой.
У Советов Цзянси
Каждый мальчик сыт!
Будешь голоден — тебе
Мама даст
 грудь свою;
Будешь мокренький — тебе
Я пеленки сменю.
Там ты вырастешь большой,
Умный,
 пригожий,
Там и мне
 хорошо
Будет тоже!

2. ПЕСНЯ МАТЕРИ

Баю-бай, спи, усни,
Спи, усни, сыночек!
Баю-бай, мой родной!
Маме очень тяжело,
Тяжело
 очень!
Десять лет я у станка —
Цента не накнули,

Десять лет я у станка —
Часа нам не скинули.
Целый день

 надо ткать —

И одеться не во что.
Дочка тоже у станка —
Вся в лохмотьях девочка!
Нет ни ночи, ни дня —
Мы машинам отданы...
Рису мало у меня,
Груды сухи у меня,
Ты голодный у меня,
Оба мы голодные!

Баю-бай, баю-бай,
Маленький сыночек!
Ох, гляди!

 Вот, вот

«Нэмбер-уан» сестрицу бьет!
Била, била — штраф берет,
А теперь дает расчет!
А за что, сыночек?
А за что гнать Юлан,
Тихую, покорную?..
Слишком долго пробыла,
Бедная, в уборной!

Посмотри:

 в цехе крик,

Все кругом клокочет,
Весь наш цех говорит:
«Не смей бить рабочих!»
Посмотри, станки стоят,
Привода не гудят,
Маленький сыночек!
Все бегут,

 посмотри:

На дворе —

 митинг,

И Ванчжу говорит:
«Цепи разорвите!
Мы терпели до сих пор,
А теперь дадим отпор!
Меньше день

 трудовой!

Больше нам зарплаты!
«Нэмбер-уан»

выгнать вон!
Взять Юлан обратно!»

Баю-бай, спи, усни,
Спи, усни, сыночек!
Все на улицу идут,
Главной улицей пройдут...
С кем тебя оставить дома,
Маленький рабочий?
Будешь голоден — тебя
Некому кормить;
Будешь мокренький — пеленки
Некому сменить.
Вместе с дочкой мы идем,
На руках тебя несем.
Все идут толпой,
Все поют —

пой, пой!

Нам хозяин уступил,
Мы горды — не подступи!
Стачку выиграла мы,
Работа начинается...
Развернула я пеленки —
Мальчик улыбается.

* * *

Баю-бай, спи, усни,
Спи, усни, скорей расти,
Маленький сыночек!
Стачку выиграла мы,
Но хозяин отомстил,
Отомстил рабочим,
Он часок

скинул с дня,

Дал прибавку пам,
Но Ванчжу и меня
С фабрики прогнал.
«Вы лентяйки», — говорит.
«Вам расчет», — говорит.

Баю-бай, спи, усни,
Спи, усни, сыночек!

Как же быть,
 как нам жить?
Тяжело
 очень!
Вот ты голоден — тебя
Нечем накормить;
Вот ты мокренький — пеленки
Нечем заменить.
Но теперь я не боюсь,
Я пойду
 в профсоюз!

3. ПЕСНЯ МАТЕРИ

В профсоюзе я была,
Баю-бай, баю-бай!
Там я правды не нашла,
Баю-бай, баю-бай!
Высоки его палаты,
Баю-бай, баю-бай!
У ворот стоят солдаты,
Баю-бай, баю-бай!
Робко сунулась я в дверь —
Спи, сердечко мое!
Председатель — словно зверь:
«Это что за бабье?
Как ты смеешь бунтовать,
Бабья темнота!
Мы должны объединять
Труд и капитал!
Что ты хочешь получить?
Ну, что
 просишь?
Будешь дольше шебаршить —
Головы неносишь!»

Баю-бай, спи, усни,
Маленький сыночек!
Ты не бойся, мы добьемся
Правды для рабочих!
Я держусь, не боюсь —
Будет красный профсоюз!
Вкруг союза будут стены,
Кровью флаг зардеется,
Встанут у ворот на смену

Красно-
гвардейцы!
Всем рабочим —
вольный вход.
Всем буржуям —
от ворот
Поворот!
Баю-бай, спи, усни,
Маленький сыпочек!
Будет здесь, как в Цзянси,
Будет власть рабочих!

1931

ТРЕВОГА

Ты так встревожен, о поэт:
Через пятьсот далеких лет
А вдруг потомки предадут твой стих забвенью?

Тревожься не о том, поэт!
Дороже счастья в мире нет,
Когда твердит твои стихи твой современник,

Когда, услышав песнь твою,
Он смелость чувствует в бою
И веру в то, что победит, и вдохновенье;

Когда, услышав голос твой,
В нем голос узнает он свой
И песнь твоя рождает скорбь, смех и волнение.

Народ поэта воспитал,
Народ поэту голос дал.
Так пусть звучит в живых сердцах стихотворенье!

1938

ЦВЕТЫ СЛИВЫ МЭЙХУА

Я сорвал, довольный, ветку сливы,
Будто бы спасая от невзгод,
И пристроил в вазе торопливо
Символом Весны
под Новый год.

Все готово, гости в полном сборе,
В чайниках горячее вино;
Мы поем стихи, друг другу вторя,
Только сливе грустно и темно.

Снег весной растаял как-то сразу,
Под цветущей сливой я стою.
В дом войдя, я вдруг увидел вазу
И сухую ветку на краю.

1985

ВСТАВАЙ, ПОЭТ!

Поэт, оторвись от заманчивых снов,
Выйди из царства воображенья,
Жаркая кровь миллионов сынов
Льется на поле сраженья.
Сражаться обязан любой гражданин,
Штык — защита гор и равнин...

Поэт, сегодня ты пой для них,
Каждую им отдавай строку,
Ты должен перо приравнять к штыку!

1940

МОЙ МАНИФЕСТ

Стихи мои, слишком простые и пресные,
Быть может, кому-нибудь интересны?
Вторгаюсь в дискуссию

О массовом популярном искусстве,
Провозглашаю в ходе:
Пишите так, как говорят в народе.
Кто эту мысль постиг
Не в келье вдохповенья, —
Развешивай стихи на улицах селенья.
Допустим, мой стишок, по форме, по идее
На слух понятен, прост и незатейлив,
Тогда пускай в «поэтовых» рядах
Меня лишают места, —
Я все равно не откажусь от манифеста!

1941

АЙ ЦИН

(род. в 1910 г.)

Ай Цин — крупнейший поэт современного Китая, известный литературный критик и теоретик стиха.

Поэзия Ай Цина — поэзия борьбы и созидания, веры в «воскресшую землю», «грядущее Солнце».

Ай Цин — автор широкоизвестных в годы войны поэм и сборников стихотворений («К солнцу», «Факел», «Север»), в которых он исследовал глубинные истоки патриотизма, звал к борьбе во имя будущего свободного Китая.

Особое место в творчестве поэта занимает тема Страны Советов: он прославляет «великую Красную Армию», создает в 1942 году проникнутую болью поэму «Зоя».

Творчество Ай Цина хорошо знакомо советскому читателю по многочисленным переводам на русский язык.

К СОЛНЦУ

Главы из поэмы

Из древних гробниц,
Из мрачных эпох,
Из-за горных хребтов,
От глубокого сна
Воспрянувших,
Откуда несется поток смертей,
Выкатилось ко мне солнце, —
Словно багровый шар,
Взвившийся над холмами.

*(Из стихотворения «Солнце»,
написанного мною раньше. Ай Цин)*

Я ПОДНИМАЮСЬ

Я поднимаюсь,
Как изнуренный, усталый зверь,
Как израненный дикий зверь.
Из лесов, где гниют опавшие листья,
Из-за вершин ледниковых утесов,
Из последних сил выбиваясь,
Едва от земли оторвавшись,
Я иду на поиски края,
Где сходится небо с землею.

Из далеких, далеких гор,
Из непаханных диких земель,
В город миллионов людей,
Созданный их руками,
Выкрикнутый их ртом,
Исхоженный их погами,
Прихожу я, одинокий странник.

В моем поющем теле
Глубоко засела усталость
От дальней и долгой дороги,
От ночей под дождем и ветром.
Наконец я все же поднялся,
Я распахнул окно
И глазами узвика,
Впервые вышедшего из темницы,
Увидел рассвет.
Да! Это был рассвет!

Вдруг издали я услышал,
Как люди поют песню.
И меня потянуло к людям.

НА УЛИЦЕ

Доброго утра тебе,
Постовой,
Стоящий на перекрестке
И поднимающий руку,
Пропуская вперед машины.
Доброго утра тебе,
Земледелец,
Идущий из пригорода на рынок
С корзинами, полными снеди
И овощей изумрудных.
Доброго утра тебе,
Подметающий улицу дворник
В безрукавке, залитой солнцем.
Доброго утра, хозяйка,
Смуглая, молодая.
Взяв с собою кошелку,
Ты первой пришла на рынок.
Я знаю, вчерашней ночью
Вы так непохожи все были
На меня, которого неустанно
Гнали ветры, дожди и кошмары.
Вы спали лучше меня...

ВЧЕРА

Вчера,
Как вдовы в грязных лохмотьях,
Что влачат свои жалкие дни

С памятью скорбной о прошлом,
Так и я в этом мире
Поддерживал жизнь
Жалкой и тщетной надеждой.
Вчера
Я землю мою родную
Больницей считал упылой,
Но болезнь во мне засела,
И избавиться от нее трудно.
Не было дня такого,
Чтобы я потускневшим взором
Не смотрел бы на скорбную жизнь —
Жизнь земли моей милой отчизны,
Жизнь, где края страданиям не вижу.
Не было дня такого,
Чтобы я отупевшим слухом
Не внимал бы протяжным стонам —
Тяжким стонам земли родимой.
Нет конца этим горьким стенам.
Вчера
Я приковал самого себя
К кандалам в духовной тюрьме.
Серые стены теснят меня,
Тихо вокруг, безмолвно,
Брел я в потемках
Вдоль высокой стены.
А душа
Все время пела скорбную песню —
Человеческих судеб песнь.

Вчера
Я бешено мчался в степи —
В безотрадной степи без солнца,
С сумрачным небосводом,
Над землею низко нависшим.
Шел я в горы, падал на камни,
Лил обидные, жаркие слезы,
Участь свою оплакивал долго.
Теперь все кануло в вечность.
Теперь хорошо мне стало.

ВОСХОД СОЛНЦА

Солнце взошло,
Лишь поднялось...
А город издалека
Уже зовет его
Электричеством и железом.

Из-за многоэтажных зданий,
Громад из цемента и стали,
Из-за плотного леса труб
И телеграфных столбов,
Над мириадами крыш —
Солнце поднялось.

В Индийском и Тихом —
в двух океанах,
В Средиземном и Красном морях,
В детстве далеком, когда я лелеял
На жизнь голубые надежды,
И когда бороздил я
в индиговых водах
Просторы бескрайних морей —
Повсюду мне доводилось видеть
Солнца прекрасный восход.

Но теперь я увидел восход
В городе, атмосферу которого
Я вдыхаю в себя каждодневно;
В городе, где смешались
Чад нефти с жаром асфальта;
В городе, где простерлись
Корпуса заводов и фабрик;
В городе, где равнодушно
Люди встречают радость рассвета.

И здесь этот восход солнца
Всех виденных мною прекрасней.

ПЕСНЯ СОЛНЦА

Воистину
Солнце прекрасней всего:
Лучше девушки,
Лучше цветка,

Окропленного свежей росой,
Лучше белого снега —
И лучше, чем синее море.

Солнце — красный шар золотистый,
Шар, изливающий света потоки,
Шар, все больше и больше растущий.

Уитмен
У солнца черпал вдохновенье:
Он душою широкой, как океан,
Творил свободные песни.

Ван-Гог
У солнца черпал вдохновенье:
Пышущую зноем кисть
Обмакнув в горящую краску,
Он писал земляничка в поле,
Подсолнечник желтый писал.

Дункан
Откровенье снискала у солнца:
Благородным изяществом па
Она перед миром раскрыла
Естественной пластики мир.

Но солнце!
Оно всех выше,
Светлее и — красно, как кровь.

Солнце!
Оно побуждает нас вспомнить
Революции во Франции и Америке,
Вспомнить ключ:
«Свобода! Равенство! Братство!» —
И демократию,
Вспомнить «Марсельезу»,
«Интерпациопал»,
Вашингтона, Ленина, Суь Ятсена,
Всех героев земли нашей вспомнить,
Освободивших людей от бед.
Воистину, солнце прекрасно,
Лишь оно — бессмертно!

Только что вставшее солнце
 Освещает головы наши.
 Головы наши давно поникли,
 Давно они не поднимались.
 Освещает людей взошедшее солнце,
 Города и деревни наши,
 Подневольные власти неверной,
 Освещает взошедшее солнце
 Наши реки, поля и горы,
 Но повсюду их природная сила
 Давним искажена страданьем.

А сегодня сияние солнца
 От отчаянья нас пробудило.
 Города и деревни встряхнуло
 От дурмана, который сковал нас
 Безграничным страданьем;
 Вырвало реки, поля и горы
 Из мглы, скрывавшей бескрайнее горе.
 Вверх мы подняли головы
 Гордо, с сырой земли
 Ввысь понесся наш общий призыв:
 «Смотрите на нас!
 Мы —
 Смеемся, как солнце!»

СЕГОДНЯ

Сегодня,
 Мчась солнцу вослед,
 Я не вешаю голову больше,
 Не свищу тоскливо губами,
 Засунув в карманы руки,
 Не слежу за движением туч,
 Блуждающих на горизонте,
 Не слоняюсь по тротуарам.

Сегодня
 Среди людей,
 Озаренных лучами солнца,
 Я уже не ищу
 Скорбные, как у меня, лица.

Сегодня
Мне солнце целует лицо,
Еще вчера мокрое от слез,
Целует мои глаза,
Утомленные мерзким виденьем
Человеческого бытия.

Солнце целует мне губы,
До хрипоты взывавшие к правде,
Солнце ласкает меня,
Одряхлевшего не по годам,
И распрямляет мою согнутую спину.

Сегодня
Я слышу,
Солнце мне говорит:
«Иди ко мне,
И отныне
Ты радостным должен быть».

И вот —
Зачарованный его речью,
Я полюбил
Отдаленные звуки горнов
За городом ранним утром.
Я рад побыть среди людей,
Мне любви и дробь барабана,
И гонга лихие удары,
Доносящиеся издалека.
Я люблю мастерство акробатов:
Несложные, грубые, крепкие
Телодвиженья увидев,
Я могу полюбить их так же,
Как люблю прекрасное солнце.

Сегодня
Я благодарен солнцу,
Оно возвратило мне детство.

я иду к солнцу

Все так же я бешено мчусь
На крыльях энтузиазма.
Над моей головой солнце
Ни с чем не сравнимым сияньем

Тело мое обжигает,
И, вдохновленный его теплотой,
Охрипший, я распеваю:

«И вот мое сердце
Пылающей взято рукой,
На том берегу я расстался
Со старой своей душой».

Все, все, что я видел в мире,
Все то, что услышал о нем,
Казалось мне в этот миг
Таким необъятным, любимым,
Что даже и смерть сама
Нестрашной мне показалась.

1938

ВЕСНА

Вот и пришла весна
Персик расцвел в Лунхуа
В те ночи он и расцвел
Ночи кровавых рос
Ночи без звезд
Ночи рыдающих вдов
А древняя наша земля
Точно голодный зверь
Бывало жадно пила
Кровь молодых и детей
Всех кто упорен был
После зима пришла
Снега и льда пора
После не видя конца
Ждали устало сердца
В почах похожих на миф
В глубинах восточной тьмы
Кровавые капли вдруг
Бесчисленно взорвались
Бутонами алых цветов
Это пришла весна
На берега Янцзы.

Люди вопрос задают:
Откуда пришла весна?

Я отвечаю им:
Она пришла из могил.

Апрель 1937

РАЗГОВОР С УГЛЕМ

- Где ты живешь?
— Живу я в толще гор тысячелетних,
В тысячелетнем камне я живу.
- Ты очень стар?
— Я старше гор, в которых я живу,
И старше камня, старого, как горы.
- Давно ль молчишь?
— Тогда Дракоп еще лесами правил
И содрогался слой земной коры.
- Не мертв ли ты?
— Я мертв? О нет! Еще живу я в мире.
Огня мне дайте! Дайте мне огня!

Без даты

СНЕГ ПАДАЕТ НА ЗЕМЛЮ КИТАЯ

Снег падает на землю Китая,
Холод сковывает Китай...

Ветер,
Словно измученная старуха,
Вытягивает ледяные пальцы,
Дергает за полу халата
И бормочет без усталости
Старые как мир слова.

Китайский крестьянин
В кожаной шапке
Лесной дорогой
Тащится в старой телеге,
Снег не пугает его.
— Кто ты?

Послушай:

Я тоже крестьянский потомок —
В глубоких морщинах лица твоего
Я горькую повесть читаю
О жизни на этой равнине.

Но я не счастливее нас.
Я тоже свалился
В реку по имени «Время»,
Волны перекатываются через голову,
Желая меня поглотить.
В скитаньях, в тюрьме
Юности драгоценные годы
Ушли,
И судьба моя, как и ваша,
Печальна.

Снег падает на землю Китая,
Холод сковывает Китай...
Вдоль реки, снежною ночью
Двигается свет фонаря —
Черный изодраный парус,
Человек с опущенным вниз лицом.
Кто это?

— А, это ты!

Молодая женщина с распущенными волосами
И грязным лицом,
Твой дом —
Счастливый и теплый очаг —
Сжег враг?
И ты потеряла
Опору мужской руки
И в муках уже испытала,
Что такое вражеские штыки?

В эти морозные дни и ночи
Старые матери наши,
Скорчившись, стопут

Где-то в чужих углах,
Далеко их судьба занесла!
Будто они иноземцы
На каких-то маршрутах страны...
А дороги Китая,
Вы же знаете,
Так ухабисты и грязны.

Снег падает на землю Китая,
Холод сковывает Китай...
Сигнальным огнем
Сжеваны снежные ночи равнин,
Пахари лишились скота,
И земля у них отнята,—
Сгрудились
В грязном тупике
Безнадежности;
Большая земля неурожайного года
К темному небу
В мольбе
Протягивает дрожащие руки.

Муки и беды Китая
Огромны и бесконечны, как снежная ночь!
Снег падает на землю Китая,
Холод сковывает Китай...

Китай,
Написанные в ночи,
Без единого огонька,
Смогут ли слабые строки мои
Хоть немного тебя согреть?

Ночью 28 декабря 1937

УЛЫБКА

Я археологу не верю,
Предположим,
Среди руин, где некогда торжествовала жизнь,
Спустя столетья и тысячелетья

Он раскопает жалкие останки,
Мои останки,
Неужели он
Определит, что в этом древнем хламе
В двадцатом веке бушевало пламя?

А разве сможет он
Найти в земных глубинах
Вобравшие в себя страдание людское
Слезинки тех, кто жертвовал собою?
К слезинкам тем заказаны пути;
Они укрыты за стеной железной,
Но ключ к железной двери не потеряя,
Герои жаждали дойти до этой двери
И падали — их было много, павших, —
И умирали на штыках
У входа к той заветной цели.

О, если бы, пытливый археолог,
Ты мог бы эти слезы обнаружить
И рядом с ними бросить горсть жемчужин,
Со дна морского извлеченных, —
Жемчужину затмили б слезы эти,
Сверкающие сквозь тысячелетья.
И мы распяты на кресте
Двадцатого столетья,
И наши муки
Не менее мучительны, чем муки
Распятого из Назарета.

Рука врага на нас падела
Вепец терновый,
С проколотого бледного чела
Стекали капли алой крови,
Но мы еще ни разу не сказали
О ярости, бушующей в груди, —
Последнее мы не сказали слово!

Конечно, мы не станем обольщаться.
Сбываются надежды, только редко.
Но мы себя грядущему вверяем —
Потомки вспомнят нас,
Как ныне

Мы вспоминаем наших предков,
Вступивших в схватку с дикими зверями
И по лицу далекого потомка
Спокойная улыбка пробежит,
Спокойная и долгая улыбка —
Я готов
Идти на смерть:
Провижу ту улыбку.

8 мая 1937

ЖЕНЩИНА ЧИНИТ ОДЕЖДУ...

Одежду чинит женщина прохожим,
Дорога пролегла у самых ног,
Платок покрыт песком, одежда тоже,
И над дорогой ветер да песок.

Ребенок плачет. Детских слез потоки
Так быстро высыхают жарким днем.
А женщина все думает о доме,
Дотла сожженном пушечным огнем.

Проходим молча штопает одежду.
И больно ей и печего сказать:
Уставились в корзинку безнадежно
Измученные детские глаза.

Впивается песок горячий в кожу,
Дорога задыхается в песке.
Носки заштопаны. Их вновь надел прохожий,
И зашагал, и скрылся вдалеке.

Февраль 1938,
где-то у дороги Бэйпин-Ханькоу

ОН УМЕР ВО ВТОРОЙ РАЗ

(Из поэмы)

10. РАЗДУМЬЕ

Ты разве не знал,
Что такое смерть?
Все живут, и все умирают,
Даже насекомые, даже растения
Изменяются
В метаморфозах жизни...

Здесь есть — не правда ли? —
О чем подумать.
А мы, солдаты?
Мы отдаем свою жизнь войне,
Мы будем умирать на берегах рек,
Мы будем умирать в пустынных полях,
И капли росы окропят нам грудь,
И мы умрем среди диких трав.

Сколько веков прошло с тех пор,
Как люди
Жизнью удобряют землю
И землю
Вскармливают свою жизнь.
Но разве мы сражаемся насмерть
И неизбежна все-таки смерть?
Мы идем, и у нас за спиной винтовки,
Мы идем, покачиваясь, длинными рядами,
И чувство, которое нами владеет,
Сильнее, чем ненависть и любовь.

Наша смерть —
Это смерть за то,
Чтобы бесчисленные потомки
Были свободными и счастливыми
И никогда бы не знали войны.
Вся слава,
Все гимны —
Зачем это нужно, если мы помним,
Что умираем по доброй воле,
Ибо это великая воля народа,
Которая сильнее и лучше нас.

II. СМЕЛЕЕ, ДРУЗЬЯ, ВПЕРЕД!

Смелее, друзья, вперед!
Выше, братья, штыки!
Пусть сотни тысяч сердец
Станут сердцем одним!
Единая цель у нас —
Чтоб стал свободен Китай.
Так разве боимся мы
Атаковать врага?
Смелее, друзья, вперед!
Туда, где разрывов гром,
К проволоке траншей,
Откуда пули летят.
Ты видишь, как трусит враг,
Когда мы идем вперед,
Ты видишь, как он дрожит,
Когда наступаем мы.

Смелее, друзья, вперед!
И мы положим конец
Рабству и нищете,
Тюрьмам и палачам.
Только в святом бою
Мы победим врага
И вырвем из рук его
Судьбы своей страны.
Смелее, друзья, вперед!
Суровые эти дни
Зажаты в наших руках
И подчиняются нам.
Приходит свободы срок,
Победы близится час.
Смелее, друзья, вперед!
Выше, братья, штыки!

12. ОН УПАЛ

Мгновение мелькнуло электрической вспышкой,
Когда обжигающая пуля
Второй раз,
Второй — и последний — раз

Навылет прошла сквозь тело солдата.
И он упал, как падает дерево,
Срубленное топором лесника.
Окно, откуда он видел мир, —
Глаза,
Перед тем как закрыться навеки,
Ожили на одно мгновенье.
Но глазам печего было вспомнить.

Солдат —
Он знал совсем немного:
Он только знал, что умирает за родину,
Он, падая, знал,
Что будет лежать
На теплой,
Бессмертной земле родины.

Братя
Скоро его найдут,
В последний раз навестят его,
Но теперь
Они принесут не носилки,
А саперные лопаты с короткими рукоятками.

И зачем выбирать для могилы место?
Просто —
Там, где найдут его,
На берегу безымянной речки,
Выроют неглубокую яму.

И когда зароят его в землю
И земля порастет весенней травой,
Останется
Наедине с солдатом
Звездное полотно над ночною степью.

Но правда,
За которую он боролся,
Победоносно идет по Китаю.

1939

МОСТЫ

У человека на пути вода была, как рок,
Она вонзалась, точно нож, в тела земных дорог.
Но человек ее взнуздал смекалкой и трудом —
И в первый раз вода прошла под вздыбленным мостом.

Мосты — любовь дорог и рек, любовь земли к земле;
Здесь пароход трубит привет телеге с ездоком;
Здесь место, где кричат «прощай» в рассветной полумгле
Те, кто на лодке поплывет и кто пойдет пешком.

Осень 1939

ДЕРЕВЬЯ

Стоят два дерева года,
Но друг от друга в отдаленье,
Соединяет на мгновенье
Их только ветер иногда.

Деревья будто незнакомы,
Но под землей, в кромешной мгле,
В тугой клубок сплелись их корни,
Невидимые на земле.

Весна 1940

НОША

Посторонитесь пожалуйста
Взойдите на тротуар
Позвольте нам их поднять
Не толпитесь пожалуйста
Не стойте на мостовой
Позвольте нам их поднять
Не шумите пожалуйста
Молчаньем выразим скорбь

Тело твое, покрытое песком,
 Тело, поросшее густою шерстью,
 Тянет
 Жалкие вещи людей,
 Ередущих по желтым пескам пустыни.
 Уши твои,
 Поникшие уши,
 Привыкли слушать скорбные стоны
 Скрипучих колес разбитой повозки.
 В серых глазах,
 Дремлющих от усталости,
 Отражается горе пустынной земли,
 Печальной земли Северного Китая,
 Твои маленькие копытца,
 Усталые копытца
 Идут
 По неровной земле Китая,
 Идут по неровным дорогам пустыни.
 Ты так одинок
 И так несчастен
 На покрытой летучими песками земле,
 Ты,
 Самый близкий и терпеливый помощник
 Жителей Северного Китая.

1940

ВЕРБЛЮД

Ты гость из пустынь за Великой Стеной
 С добрыми маленькими глазами,
 С терпким запахом бурой шерсти,
 И губы твои,
 Влажные губы,
 Как будто усмеваются скрытой усмешкой.

Ты грызешь дерево,
 И лижешь камень,
 И, вытянув длинную шею,

Поешь свою непонятную песню,
Схожую с песней ночной совы.

Ты медленно бредешь по большой улице,
Раскачивая неуклюжее тело,
Такой наивный,
Словно крестьянин,
Первый раз увидавший город.

А твои хозяева
В просторных одеждах,
В старых, изорванных меховых шапках,
С широкими лицами —
Кто эти люди?

А! Они из пустыни Севера,
Страны, где господствуют пыль и ветер,
Они привезли сюда серебро и золото,
Повезут отсюда городские товары
На тебе —
На торговом своем корабле.
Ты гость города.
Как ты устал!
Ляг на улице, где ходят люди,
И мы метелкой
Смахнем с горба
Пыль и песок далекой пустыни.

1940

КОСТЕР

Когда над землей опускаются сумерки —
Подымается радостное пламя заката,
И над черными деревьями оно сверкает
Ослепляющим, светло-багровым блеском.

И белый дым, как почпой туман,
Плывет в тишине по горам и рощам
И растекается где-то вдали
Вслед вечернему робкому ветру.

И в белом дыму, в сиянье костра
Видны неясные темные тени
Крестьян и крестьянок, идущих с поля
После тяжелых своих трудов.

1940

ХОЧУ, ЧТОБЫ РАНЬШЕ ПРИШЛА ВЕСНА

Я выхожу из дому, где окна
Грубо заклеены цветной бумагой,
И долго стою под низким карнизом,
Гляжу на бегущие вдаль поля.

Желтая дорога
Перед воротами
Тянется к самому краю неба.

О, как суров этот зимний холод!
И я,
Нерешительный путешественник,
Молча переступаю с ноги на ногу.

А озера
По-прежнему скованы льдом,
И снег в горах сверкает по-прежнему.

А небо,
По-прежнему низкое, низкое,
Опять предвещает пору снегопадов.

И вот я не телом,
А сердцем чувствую
Холод, пронизывающий меня.

За всю мою скорбь
И за все невзгоды,
Быть может, смилостивится судьба,
Быть может, приплет мне весну пораньше.
Жду —
И когда на краю дороги
Зазеленеют первые листья,

Надену старые соломенные туфли
И снова, странник, пушусь в дорогу
В погоне за радостью и теплом.

1940

МАЯКОВСКИЙ

Маяковский —
Поэт,
Не сравнимый ни с кем,
Певец и глашатай всего человечества —
Стоит
На вершине народной мудрости,
Выковывая
Стальное слово Революции.
Неистребим
Его солнечный стих,
Мятежный голос двадцатого века.
Маяковский —
Поэт,
Не сравнимый ни с кем.
Мысли его
Светлы, как заря,
Ритм
Стремителен, словно вихрь,
И голос
Подобен раскатам грома.

1940

ТЯНЬ ЦЗЯНЬ

(1916 -1985)

Тянь Цзянь — один из наиболее самобытных поэтов новейшего времени, «барabanщик эпохи», как назвал его Вэнь Идо.

В годы войны Сопротивления Тянь Цзянь создает знаменитые патриотические поэмы «Тем, кто сражается» и «Ее песня», пишет короткие «стихи для улицы», в которых критики подмечали влияние Маяковского.

Его эпическая поэма «Повозка» (1946), созданная в период проведения в стране аграрной реформы, стала заметным явлением в истории новейшей китайской литературы.

Страстная, лаконичная, темпераментная поэзия Тянь Цзяня покоряла воображение не одного поколения китайских читателей.

ЭТОТ ДЕНЬ

Да будет днем рожденья этот день!
Воспаленные ноздри еще чуют запах убитой лошади,
Беззубые рты
Раскрываются в радостном смехе.

Солнце идет к закату, румяня лица,
Дышит прохладой тихий вечерний ветер,
Осенние листья,
Осенние облака
За рвом городским проплывают безмолвно.
На рукавах за долгие годы
Высохли кровь и пот.
Израженные руки висят как плети.

Верим, на линии фронта
Никто не спокоен, —
Да встрепенется долгая сонная жизнь!

ТЕМ, КТО СРАЖАЕТСЯ

(Поэма)

Нет огня фонарей,
Теплых нет вечеров —
Это
Враги пришли,
Вырвав из наших рук
Братьев и сыновей.

Издалека идем мы,
 Добыть любовь,
 Мы поднялись в июле.
 Воскресшую
 В которой
 Земля бунтует,
 Над скорбью
 Мы поднялись в июле —
 Мы родились и выросли
 В Китае
 Должны быть сыты.
 Накормлены должны быть.
 Должны быть топливом
 И хлеб народный
 В Китае
 О майском, праздничном,
 И о сентябрьской
 И об октябрьском
 И о декабрьском
 Из самых дальних
 На фантастических

чтоб в борьбе
 и счастье,
 и свободу.
 Мы поем
 в гремящих битвах
 песню,
 грозные ревут потоки,
 и пылает пламя
 и страданием земным.
 потому что
 в Китае.
 дети нашего народа
 И стада в Китае
 И деревья
 в печах Китая,
 мы должны собрать.
 думается нам с любовью
 вине пшеничном
 рисовой муке,
 топливе сухом,
 табаке для трубок.
 маленьких селений,
 просторах наших

Восходит
 древняя любовь к отчизне,
И родины
 мы слышим аромат.
И каждый
 день
 в Китае
 бережем мы
И синий холст
 и белую пеньку,
Что сотканы руками женщин —
 ибо
Мы родились
 и выросли в Китае.

2

Мы,
 сыновья
 великого народа,
Мы
 плыли
 по могучему пространству
Потоков
 Хуанхэ и Янцзыцзяна,
Покачиваясь
 в деревянных лодках.
Мы
 через южные
 нагие степи,
Через пески Монголии
 несли
Охотничье
 скупое снаряженье.
И женщины.
 исполненные сил,
В огне светильника,
 среди азиатской ночи,
Склонившись низко
 к ткацкому станку,
Упорно ткали.
 ...Мускулами,
 кровью
Продлили мы
 простую нашу жизнь.

О, родина моя...
 Враги прорвались
 За берега морские
 и заставы,
 Прорвались
 от Тяньцзиня
 до Шанхая.
 Враги
 обрушили
 поток снарядов
 И ядовитых газов
 на поля,
 На пастбища,
 на реки,
 на озера.
 Враги пришли
 и, злобно усмехаясь,
 Нас поливают
 огненным свинцом
 Из ненасытной
 пасти пулеметов.
 Теперь,
 великая моя отчизна,
 Скажи:
 бороться нам
 иль умереть?!

Да,
 мы должны сражаться.
 Мы
 вчера
 Страдали,
 слабые,
 в глубокой скорби.
 Но мы, китайцы —
 сотни миллионов,—
 Должны теперь
 бороться до конца,
 Должны,
 чтоб вырвать
 вражеский клинок

Из окровавленного
в битвах
горла.
Никто не сможет
нас
лишить дыхания,
Не сможет
кровь от плоти отделить,
Не сможет
нам сломать винтовку мести,
Не сможет
нас,
поднявшихся,
заставить
Позорно жить
иль умереть позорно.
.
Померкло солнце.
Но огонь сигнальный
Горит
и пламенеет
на границах.
.
Разрушена
дымящаяся крепость,
И трупы братьев
грудами лежат,
Но никогда
не сдастся мой народ,—
Он
в этой огненной,
упорной битве
Мужать
и крепнуть будет
с каждым днем.

5

Куда
уйти нам?
В мире нет земель,
Морей и рек,
где — гневные —
могли бы

Мы
 жить
 или погибнуть на коленях.
Нет, родина!
 Мы вытащим в ночи
Из ям,
 из стен,
 из складов дровяных
Давно запрятанное там
 оружье,
Мы распрямим
 исхлестанную грудь,
Омытую дождями
 и ветрами
И трижды
 опаленную огнем,—
Мы победим
 или умрем со славой.

6

Лети,
 мой стих,
 в сырой окоп солдатский
И говори ему,
 что он светлей,
Чем государство,
 скованное рабством.

1937

* * *

Если мы не пойдем воевать,
Нам свободными не бывать!
Штыками проткнут нас незваные гости,
Еще и укажут на наши кости:
Смотрите,
 это рабы!

1938

* * *

Кто меня в беде предает,
Тот непременно умрет.
И на могиле его
Не вырастет ничего.
Цветы на могиле не будут цвести,
Трава на могиле не будет расти.

ТАНЦЫ НАРОДА

Смотри —
Сила
Их ненависти,
Песня
Их ненависти,
Кровь
Их ненависти
Сжаты в кулак,
Да так,
Что брызнуть
Сквозь пальцы
Готовы.
Дробны удары,
Звучны удары,
В бешеном танце
Пара за парой
По кругу
Снова
И снова.
Мышцы вздулись,
И вздулись жилы —
Вот она,
Кровь их,
И песня,
И сила!
Вот он,
Неистовый пляс

Народов и рас,
Гневный рев
Народов и рас!..

1942 (?)

НЕПРЕКЛОННЫЕ

Вражеский голос:
— В какой из ниш
Порох и ружья хранишь,
Где опи, порох и ружья?

— Ищите, собаки, ночью и днем!
Вам не найти их!
В сердце моем
Спрятаны порох и ружья!

1943

* * *

Вставай на защиту! В бой иди!
Подлых карателей не щади!
Вырви сердце свое из груди.
Вырву и я,
 вырвет и он,
Нас легион.
Сердце к сердцу — встанем стеной,
Несокрушимой, стальной.

1944

НАД ТАЙЮАНОМ

Гость ночной постучался в мой дом,
Он говорил с трудом:
«Ай-яй! Тайюань в крови потонул!»
...Над Тайюанем, все небо закрыв,
Кружит воронье, гонимое ветром.
Но черных не видно крыл,
Они красного цвета.
Они красны, как огонь,
Как пламя пожара жаркое.
Спускается ночь,
И в ночи воронье
Пронзительно каркает...
«Это сон?»
Я не верил своим ушам.
«Я видел сам...
Сколько убитых в этом краю
И пролитой крови в городе этом!
Как же не быть воронью
Красного цвета?»

1945,
окрестности Тайюаня

ДЛЯ ДЕКЛАМАЦИИ НА ДЕТСКОМ ПРАЗДНИКЕ

Маленькие братья,
Вы, наверно,
По утрам
На улицу глядите —
Там лежат
Железных бомб осколки,
Пахнет там
Пороховою гарью.

Может быть,
Вы этим ранним утром
Видите
В китайском нашем небе,

Как летят
Чужие самолеты
И блестят на них
Эмблемы солнца.

Может быть,
Вы слышите
Далекий
Гул артиллерийской канонады —
То гремят
Японские орудья
На истерзанной
Земле Китая.

Но не бойтесь,
Маленькие братья,
И скорее
Поглядите в окна:
Там идут полки
Бойцов китайских,
На плечах
Пронесут пулеметы.

Выбегайте к ним
И выносите
Собранные
Скромные подарки,
Потому что
В бой идут солдаты,
Чтобы кровь пролить
За нашу землю.

Вы не бойтесь,
Маленькие братья,
И не плачьте,
Маленькие братья!
Маленькие братья,
Потерпите,
А терпеть
Осталось вам недолго.

Маленькие братья!
Завтра
Снова,

Улыбаясь,
Будут жить китайцы
И пройдут
По улице знакомой,
Улицей,
Где вы сейчас живете.

Но сегодня
Нужно
Всем китайцам
Защищать
Любимую Отчизну.
Подымитесь,
Маленькие братья,
Протяните
Дружеские руки.
Крикнем все:
Да здравствует Отчизна
И да здравствует
Наш детский праздник!

Из цикла
«П Е Р Е М Е Н Ы»

Не бери никогда у врага табака,
Не проси никогда у врага меда
И воды у него не бери ни глотка.

1946

* * *

Есть книга книг, огромна и горька,
О горе и страданиях земляка.
Ее читает сын, читает сына сын
И не прочтет до старческих седин.

1946

ВОЗНИЦА

(Из поэмы)

Жил крестьянин-бедняк Ши Булапъ...
Быль о мрачных и светлых днях
Услыхал от людей Тяпъ Цзяпъ
И поведал ее в стихах.
Он в стихах рассказал, что ведут
Два сокровища к жизни новой,
Два сокровища: имя им —
Светлый разум и сила духа.
Если их воедино слить —
Это вольная птица в небе:
Как раскинутся два крыла —
Понесут через горы и реки!

1

У Ши Булапъ певеста-дочь.
Ее детское имя — Лапъни.
Девятнадцать ей минуло лет.
Хороша и стройна она.

Как-то раз он ее спросил:
«Не найти ль жениха тебе?»
И она сказала, смеясь:
«Я богатого не ищу,
Знатный тоже не нужен мне.
Нет, я думаю о другом:
Пусть в заплатках платье на нем —
Только б правда в сердце была».
Ши Булапъ с тревогой спросил:
«Ну, а если помещик Чжу
Тебя силой захочет взять?»

Не успел он это сказать,
Подошел Эрхэй — помещичий пес:
«А помещик наш Чжу Гуйтап
Уже подогрел вино,
Уже заколол свинью.
Не пройдет, Ши Булапъ, и дня,
Как возьмет он твою Ланъни
И к себе приведет в семью!»

Занялась наутро заря —
Ши Булань поспешил в уезд...

.
«Господин мой, большой господин,
От тебя дай милость принять!
Господин мой, большой господин,
Помоги и спаси меня!
Чжу Гуйтан в деревне у нас
Притесняет и губит народ.
Не сегодня, так завтра он
Мою дочку к себе возьмет!»
Господин только встал от сна,
В кресло сел
И сказал, зевнув:
«Ты арендную плату внес?»
Ши Булань отвесил поклон.
«В этот год урожая нет.
Я корову с телегой продам
И аренду внесу сполна.
Но ему не аренда нужна,
Он заладил: отдай ему дочь!»

Господин спросил:
«У тебя в дому
Что еще, кроме дочки, есть?»
Ши Булань сказал:
«Четверо нас,
Да телега одна,
Да корова к ней».

Господин спросил:
«Кто в твоей семье?»

Ши Булань сказал:
«Кто ж? Отец и мать,
Я да невеста-дочь».
И еще господин спросил:
«Как зовут ее,
Хороша ль, дурна?»

Ши Булань ответил ему:
«Ее детское имя — Ланьни.
Девятнадцать минуло ей.

Господину я правду скажу,
Безобразной ее не назвать».
Разобрал господина смех.
Он сквозь смех с угрозой вскричал:
«Ничего, ничего,
Я заткну тебе подлый рот!»
И добавил: «На этих днях
Я приеду в деревню к вам,
К Чжу Гуйтану приеду я
Выпить чарку его виша.
На пиру мы взглянем еще
На Ланьни, Ши Булапя дочь».
Так чиновник закончил речь,
Встал и с шумом покинул зал.

Поднял голову Ши Булань:
Где сидел господин, крича,
Там пред ним острие меча
И не зал перед ним встает,
А помост, где казнят парод.
Он заплакать хотел — и не смог,
Только крик родила печаль:
«Добрый, честный, славный судья,
Вот уж, верно... меня ты спас!»
Вмиг два стражника с двух сторон
Из ямыня его взяшей.
А один вдогонку сказал:
«Наш ямынь — для денег мешок.
Если денег пет у тебя,
Ты напрасно сюда пришел!»

3

И в деревне, где жил Ши Булань,
Новой жизни весенний гром:
Угнетенные сбросили гнет.
Ши Булань о свободе поет,
И не сходит улыбка с лица.
Красный флаг у него в руках,
Рвется красный флаг в небеса.
А на красном флаге слова —
Десять знаков больших гласят:
«Мы приветствуем славные подвиги доблести,
Да здравствует наша Восьмая армия!»
Говорит Ши Булань Ланьни:

«Как же я, старик, позабыл,
Что теперь-то нам нужен жених.
Не печалься, моя Ланьни,
В той стране, где правит народ,
Я хорошего мужа найду».
Ланьни подпяла глаза,
Улыбнулась ему в ответ:
«Я не знаю, мои слова
Правильны или нет.
Но теперь, но теперь
Я найду себе друга сама.
Нет, не неженку с белым лицом,
Не злодея с черной душой:
Я такого друга хочу,
Чтобы в час, когда буду мстить,
Он бы рядом со мною шел,
И платить добром за добро
Он бы тоже со мною шел...»

1946—1948

ГО МОЖО

(1892-1978)

Го Можо — крупнейший китайский поэт, прозаик, драматург, ученый, видный общественный деятель.

Го Можо — автор знаменитых «Богинь» (1921), наиболее значительной поэтической книги «4 мая», в которой ярко проявились общие для новой китайской поэзии тенденции синтеза традиционного и новаторского, китайского и западноевропейского. Соединяя эпос и лирику, поэзию и прозу, поэт воспевал разум и свет, вызывая у читателей восторг необычностью, страстностью, буйством красок.

Один из наиболее читаемых писателей Китая, Го Можо хорошо известен в Советском Союзе: «Сочинения в трех томах», ГИХЛ, 1958; «Стихи о цветах», 1960, и др.

Из сборника
«БОГИНИ»
(1919—1921)

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «БОГИНИ»

Я — пролетарий.
Ведь имуществом я не владею —
Никаким, кроме тела, что мне от природы дано!
Сам — как хотел и как мог — я создал Богинь.
Не это ли значит «собственность»?
Но я себе выбрал путь: я — коммунист,
Богиня мои — для всех!
Богиня!
Иди поищи людей, потрясенных, как я, судьбой, —
Сгорающих так же, как я, поведи за собой!
Иди — и войди в сердца братьев моих и сестер,
Струны сердец натяни,
Разум воспламени!

БОГИНИ

Все быстротечное —
Символ, сравненье.
Цель бесконечная
Здесь — в достиженье.
Здесь — заповеданность
Истины всей.
Вечная жепственность —
Тянет нас к ней.

Гете

Ущелье в горах Бучжоу. Крутые скалы образуют естественные ворота. Вид местности величав. Он напоминает ущелье Уся, где протекает Янцзы. В просвете между скалами — море, сли-

вающееся с небом. У подножья скал зеленеет равнина. Повсюду в траве переспелые, сбитые ветром плоды. В каменных склонах, отвесных, как стены, темнеют глубокие ниши. В каждой нише обнаженная женщина. В руках они держат различные музыкальные инструменты; эти статуи будто играют, но все беззвучно. На горах растут прекрасные деревья. Листья жужуба, золотистые цветы. Их венчики словно выточены из яшмы. Цветы эти с лотос величиной. Плоды похожи на персики, только немного крупнее. Вершина горы, окутанная седыми облаками, неясно выделяется на фоне неба.

Глубокая древность. Действие происходит в один из тех дней, когда Гуп-гун боролся с Чжуань-сюем за императорский трон. Сумерки. Поднимается занавес. Несколько минут стоит полная тишина, потом в отдаленье возникает неясный шум. Богини, отложив музыкальные инструменты, медленно выходят из ниш, озираются по сторонам.

Первая богиня

С тех пор как цветные каменья
Сплавлены в слитки
И заделана ими
Трещина в небосводе,
И, мрака одну половину
Изгнав по ту сторону неба,
Возникла в прекрасной вселенной
Беззвучная музыка паша, —
С тех пор, сколько раз — мы не знаем,
Луна округлялась,
Озаряя высокие волны
Музыки жизни!..

Вторая богиня

Что ж ныне мелодии наши
В гармонию слиться не могут?
Иль снова творятся
Бесчинства и бедствия в мире?
О, слушайте! Гром и ветер
Все ближе, грозней и шире:
Что это? Буря на море
Или злора и горе?

Третья богиня

Разве полчища диких злодеев
Не прошли у подножья Бучжоу,
Снова драку за власть затеяв?..
Но все это — злое!

Надоело, ох, надоело,
Сестры мои! Что делать?
Не рухнет ли наше небо?
Солнце заснуло, стынет,
Свет излучать не в силах...

Первая богиня

Я пойду и создам новый свет! —
Статуей в нише я не могу оставаться.

Вторая богиня

Вновь сотворю тепло, если старого нет:
Свет и тепло вечно должны сочетаться!

Третья богиня

Сестры! Нельзя наливать молодое вино
В старый бурдюк — виноградари знают давно.
Если хотите свет и тепло создать —
Надо ведь выковать новое солнце опять!

Все

Быть истуканами в нишах мы не хотим!
Солнце заново создадим.

Богини удаляются в сторону моря. Из-за гор доносятся шум
и крики сражающихся за трон.

Чжунань-сюй

Воля неба избрала меня!
Мне владеть Поднебесной велела.
Духа смерти не слушай, Гун-гун!
Пожалей свою душу и тело!

Гун-гун

Я не хвастаю небом, землей... Не смешно ли?
Сам хочу быть владыкой — по собственной воле!
«Дух смерти»? Коль вправду он есть — это я!
На что там надеется дряхлость твоя?

Чжунань-сюй

Нет в небе двух солнц. Не примет народ двух царей.
Так древние учат, Гун-гун! Себя пожалей!

Г у н - г у н

Нет в небе двух солнц. Двух царей не примет народ.
Споришь со мной зачем? Дай поворот!

Ч ж у а н ь - с ю й

Ты — только эхо, Гун-гун! Голос-то — я!

Г у н - г у н

Что ж! А хочу быть царем. Воля моя.

Ч ж у а н ь - с ю й

Зачем тебе трон, Гун-гун? К чему? Для чего?

Г у н - г у н

А солнцу светить зачем? Спроси у него!

Ч ж у а н ь - с ю й

Значит, осталось тебе сразиться со мной!

Г у н - г у н

Значит, пора и тебе броситься в бой!

К р и к и т о л п ы

Биться хотим! Война! Биться! Война!

Шум сраженья, ляг оружия, крики, исполненные гнева, топот — все сливается в сплошной рев.

С т а р и к к р е с ь т ь я н и н

(с мотыгой на плече проходит через сцену)

Кровь сердца сгорела...

Пеплом стала она.

Вновь на пшеничных полях война.

Будет ли светлой вода Хуанхэ?

Жизнь для чего нам дана?

Кончится ли когда-нибудь?

П а с т у ш о к

(гонит через сцену стадо баранов)

Ну, времена, времена!..

Двум дерущимся псам не бросай куска:

Только знают, что грызться! Тоска!
Хлеб слопают — овцам порвут бока...
Уйти бы! Тут кровь близка.

Голпа варваров
(проходят по сцене, бряцая оружием)

Драку почуяв, бежим туда, —
Повеселимся и мы тогда!
Сильный повсюду слабого бьет,
Наша добыча — и этот, и тот!

Из-за горы доносятся возгласы: «Десять тысяч лет Чжуань-сюю!», «Десять тысяч лет императору!».
Топот и крики погони: «Изменники, куда бежите? Вас ждет небесная кара!»

Во главе своих приверженцев выбегает из ущелья Гун-гун, израненный, весь в крови. Волосы короткие, тело узорчато. Он весь обнажен, только бедра прикрыты листьями банана. В одной руке окровавленный бронзовый меч, в другой — каменное копьё, залитое кровью.

Г у н - г у н

Проклятые! О! Изнемог!
Ай! Как досадно! А!
Проклятые! Не достиг ничего...
Досадно! О! О!
Кубка я сделать не мог
Из черепа врага моего!..

*(Слизывает кровь с оружия;
становится в грозную позу.)*

Вот северный столп небес — Бучжоу-гора!
Ей рухнуть пора! Мне погибнуть пора!
Корень жизни моей вырвать пора!
О бойцы мои! Друзья мои!
Я первенства не добыл пока,
Но не кончена с ним еще игра...
Вы всегда свою жизнь доверяли мне —
Я хочу ее взять, друзья мои!

Привержепцы Гун-гуна собирают у подножья горы опавшие плоды и пожирают их.

Голода и усталости дух в ваших утробах взвыл!
Слышал и я — с Бучжоу плоды полны целебных сил!

Эх, потерпели бы миг один, был бы вам вечный пир!..
Что ж, набивайте брюхо теперь — рушится этот мир!

Крики преследователей приближаются.

Слышите ли крики врагов, — будто бы в море шквал?
Плохо! Потопят разбитый челн — и без того пропал!
Эй, друзья мои, не жалейте крепких своих голов!
Северный столп небес ломайте! Бейте камни скал!

Толпа головами дробит скалы, сверкают молнии. Могучий удар грома перекошил Бучжоу. Небосвод накрепляется. Кипит какое-то вещество, похожее на черный дым. Приверженцы Гун-гуна один за другим замертво падают на склоне горы.

Ч ж у а в ь - с ю й

(обнаженный, похожий на гориллу, с распущенными волосами, вооруженный, как и Гун-гун, выбегает на сцену со своими сторонниками)

Изменники! Гнев небес!
Небесная кара! Сто тысяч бед!
А! Вэй-я! Вэй-я! Рушится этот свет!
С неба летит песок... Неба уж нет!
Падают камни, дрожит земля... Гнется ее хребет!
Рушатся горы... Нет ничего, хаос. Вэй-я! Ай-я!
Что теперь делать? Куда бежать? Кончился этот свет!

Гром все сильнее, молнии чаще. Вспышки молний освещают трупы Гун-гуна, Чжуань-сюя и их приверженцев. Затем гром постепенно утихает, угасают молнии, все успокаивается. Минут пять стоит глубокая тишина. Слышны постепенно приближающиеся всплески воды.

Женские голоса в темноте

- А громы замолкли!
- Погасли и молнии.
- Битва света и тьмы на сей раз коротка.
- Где же солнце? Разбито?
- Упало без памяти?
- Разве тьма не бежала куда-нибудь за небосвод?
- Разве было когда-нибудь солнце достаточно крепким?
- Разве все эти боины и драки не миф?
- Разве можно назвать их борельями света и тьмы?
- И зачем воспевать?

- Как нам быть?
- Как поставить на место светило?
- Снова плавить теперь для починки блестящие камни?
- Как видите, вся эта ветошь уже непригодна!
- Если солнце разбито — не нужно такое чинить!
- Сотворим его заново!
- Заново будем творить!
- Скоро новый восход!
- Изнутри и снаружи должна озариться вселенная!
- А небо на сферы делить — устарелый прием!
- Ну, а если и новое солнце окажется слабым?
- Что ж, научимся лучше творить, — снова свет и тепло наберем!..
- Ах, у нас под ногами какие-то трупы мужчин!
- Ну, куда их девать?
- До чего были грубы!
- Отнесем их в пещеры, — поставим как новых богов!
- Пусть красуются с музыкой нашей беззвучной
во веки веков!
- Ах, да где же ты, солнце?
- Оно слишком еще горячо — может бед натворить.
- Пусть пока искупается в море.
- Сердцу как-то по-новому стало тепло!
- Да, сердца красноперыми рыбками стали резвиться!
- Жаль, вселенную трудно обнять!
- Жаль, вселенную трудно обнять!
- Давайте споем в честь правдивого нового солнца!

(Вместе поют.)

Вот солнце идет сюда!
 Солнце взойдет!.. Когда?
 Будто утренний колокол, в море вода...
 Дин-дан, дин-дан, дин-дан!
 Стрелы солнца — Небесному Волку беда!
 Он скулит — льется кровь из рац...
 Похоронный ли колокол — в море вода?
 Дин-дан, дин-дан, дин-дан!
 Мы вышить хотим вина
 В честь нового дня! До дна!
 Будто колокол пира, бьет в море волна:
 Дин-дан, дин-дан, дин-дан!

Внезапно сцена озаряется ярким светом, опускается белый занавес.

В е д у щ и й

(выходит на авансцену, кланяется зрителям)

Дорогие зрители! Вам давно падоел этот мрачный, в ядовитых туманах мир... Вы жаждете света. Вы хотели бы знать, что дальше случилось. Но поэт, создавший эту пьесу в стихах, опустил свою кисть на этом месте. Он бежал за море. Ему надо теперь творить новый свет, создавать новое тепло! Дорогие зрители! Вы жаждете видеть, как взойдет солнце новой жизни? — Сотворите его своими руками.

Мы увидимся вновь, когда взойдет солнце!

ЯСНОЕ УТРО

В беседке я и мой сынишка
Осенним утром.
Нефритом белым блещет солнце
И перламутром.

Склонились молодые ивы
К озерной глади,
А в пебе облака застыли,
На воду глядя.

Не умолкая, льется щебет
Какой-то птицы.
Сорвавшись с ветки, лист на воду,
Кружась, ложится.

За ним другой летит и третий,
Как пух от ивы.
Вдали поет однообразно
Петух крикливый.

Над озером танцует анст,
И, полусонный,
В осколках яшмы отразился
Тростник зеленый.

Из сборника
«ЗВЕЗДНОЕ ПРОСТРАНСТВО»
(1921—1922)

ПОСВЯЩЕНИЕ

Что скрыли вы, о звезды? — вот вопрос!
То, как следы кровавых капель, ржавы,
То белы, как сверканье чистых слез...
И все-таки в сиянье вечной славы
Как хрупки вы, как трогательно слабы!

Пусть Лебедь, раненный Стрельцом, затих, —
Стрелец подстрелен: все, как мы, ранимы!
Стрелец смотрит на блеск светил иных,
Блаженствует в густой траве равнины.
В кругу бессмертных — он один из них.

Учитель мой! Уж не встречаться нам,
Но быть тебе подобным жажду снова.
Не позабыв далекого былого,
Из слез своих творю живое слово —
Жемчужину

кладу к твоим стопам.

СФИНКС, ОСВЕЩЕННЫЙ ЛУНОЙ

Самая полночь.

Блеск и сиянье прекрасной луны
Льются сквозь темную хвою сосны.

В центре Юпитер.

Два путника-сфинкса прошли сквозь лучи,
И звонко звучат голоса их в ночи.

Что за беседа!

«Будто над Нилом, — один говорит, —
Бродим, как прежде, вблизи пирамид...»

Другой отвечает:

«Но холоден лунного света покров
На вьющихся веточках красных бобов...»

РЕЧНАЯ ЗАВОДЬ

А вот река моя!
Цикады... Пахнет илом...
Здесь воздуха, пришедшего с полей,
Свободная струя...
Он треплет кудри ивам
И серебро срывает с тополей...
О, старые друзья!
Как мне не быть счастливым —
Конец разлуке тягостной моей!
Гляжу на уток я,
Что строим молчаливым
Плывут под сенью ивовых ветвей...

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Небо сумрачно и сыро.
Зябнут люди в непогоду...
Я несусь под мышкой хворост
И веду с собою сына.
Мы — как путники в пустыне,
Как покинутые в море...
А вокруг — туман и мгла...
«Где же мама?»
«Мама людям
 помогать, сынок, ушла».
«Мама помогает людям?»
«Да, сынок, вчера ушла...»
А вдали рыдает море,
Стонет ветер в чаще леса.
Мой малыш боится ночи —
Плачет горькими слезами.
Я прижал его покрепче,
Почему-то слезы сына
Мне в глаза попали тоже...

МЕСЯЦ И МОРЕ

Видит месяц сыпшишка мой,
К небу тянется он рукой.
Знаю я, что душой летит он
В Гуанхань — во дворец луны.
Видит море сыпшишка мой.
Он смеется, словно прибой.
Знаю я, что душой он гонит
Вихревой волны валуны.

ТВОРЕЦ

Охвачено тревожной зыбью море,
Но в небе нет ни облачка пока.
Проснувшееся радостное солнце
Глядит, смеясь, в глаза моих стихов.
Осенний ветер свежей влагой дышит,
Колышется высокий кедр слегка —
Как будто шепчет что-то улыбаясь...
Понятеп шепот листьев,
Ветра зов.

Дуй, ветер,
Двигай кисть мою быстрее!
Ты, солнце, падай золотом в траву!
Коль вдохновляет море, солнце, ветер —
Творить до иступленья я готов!
Зову к себе создателей «Шицзина»,
Творца «Лисао» чуского зову.
Создателей юаньской драмы кличу,
Зову я славных танских мастеров.

Приветствую певцов древнеиндийских,
И Данте Алигьери я зову.
Создатель «Фауста», бессмертный Гете,
Великий Мильтон — кличу вас сейчас.
Знакомо всем страданье вдохновенья:
В раю, в аду вы были наяву.

Вы видели петленный лед Куньлуня,
Вулканов жерла оналяли вас.
Витают над землею души ваши,
Как звезды славы, светят нам они.
Как солнце, негасимы ваши книги
И деятельны, словно океан.
Вы озаряете века и земли,
Без вас бы потускнели наши дни,
Без вашего бы гения пустынен
Был мир поэтов всех времен и стран.

Пытаюсь я себе представить снова
Древнейшее на свете божество:
Наверно, был Паньгу творцом всесильным,
Он неустанно создавал, искал.
Его глаза огонь дарили людям,
Рождало вихрь дыхание его,
А слезы скорби, в стужу застывая,
Нагромождали груды синих скал.

А волосы его — трава, деревья,
А губы — беспокойные моря,
А взгляд создателя рождает пламя,
А мысль миры иные создает.
Он разбудил дремучий косный хаос.
Он жизнь вдохнул в нас, добротой горя,
Для творчества он землю подарил нам,
А для мечты — высокий небосвод.

Он создал свет.
Он вдохновил искусство.
Сумел он в запредельность заглянуть...
Таким себе Паньгу я представляю,
Таким я вижу первобожество...
Чу — слышите?
Младенец родился.
Кричит он — будто в нем вселенной суть.
Где теплая вода — обмыть ребенка?
Подайте таз, чтобы принять его!

Лавр! Ты о чем, колеблясь, шепчешь нежно?
Куда плывут седые облака?
Кого вы песней славите, о птицы?
Не отвечайте — знаю, знаю сам.
Стекает струйка крови, жарко рдеет.

Рубиновая струйка...
Как ярка!
Как звонко свищет ветер надо мною,
Крылами ударяя по листьям!

О облака, плывущие по небу,
Красавец кедр, звенящий у окна,
Цветы, что крови рдеющей подобны,
Вы,
Тысячи распахнутых сердец!
Позвольте спеть мне песнь о счастье жизни!
Пускай не слишком эта песнь звучна —
Она — младенец мой новорожденный.
Она — вчерне.
Название ей — «Творец».

ПРИРОДА

Дети в деревне, у леса росли.
Дети лишились друзей.
В город они пришли.

Плакали здесь и хирели они.
Песни забыли и смех...
Мчались пустые дни...

Дети окраиной города шли.
Вдруг увидали они
Два деревца в пыли.

Будто бы встретив родных или друзей,
Дети бросились к ним
Слушать шелест ветвей.

СКОРБЛЮ ОБ УВЯДШИХ ОРХИДЕЯХ

Мой двор тюремной камеры темнее.
Увяли нынче в нем две орхидеи.
Весенний ветерок не обдувал их...
Два-три листа висят, мертво желтея.

Водой их нежно поливали люди.
Так мать ребенка вскармливает грудью.
Еще вчера я любовался ими...
Теперь весна цвести у нас не будет.

Наш двор убогий... Как он схож с тюрьмою!
Настало утро. Я окно раскрою —
Быть может, живы наши орхидеи?
Во двор пустой гляжу с тоской немою.

Из сборника

«В А З А»

(1927)

ПОСВЯЩЕНИЕ

Разносит ветер аромат весенний,
Луна уже вступила в третью фазу.
На берег озера Сицзы я вышел,
Чтоб свежую водой наполнить вазу.

Я в эту вазу бережно поставлю
Тугую ветку нерасцветшей сливы
И стану ждать, когда она созреет,
Над ней застыв пчелою терпеливой.

Пусть скажут обо мне, что я мечтатель, —
Ответ колючий у меня найдется.
Кто из людей цветов не обожает?
Все любят, но не всякий признается.

Да, я люблю и лилию и розу,
Люблю картины и стихи поэта,
За красоту способен жизнь отдать я,
И я скрывать не стану чувство это.

О вы, цветы мои, цветы родные,
Не с вами ль молодость ко мне вернулась?
Я думал, что уже затихло сердце,
А сердце неожиданно проснулось!

Пусть эта ваза, воду сохраняя,
Приносит радость и душе, и глазу,
А ты, цветок, цветы, мой несравненный,
И наполняй благоуханием вазу!

* * *

Как сердце трепещет, как бьется тревожно!
Гонюсь я за тем, что догнать невозможно.
Как древний поэт, я за солнцем летел,
Луну из реки раздобыть я хотел!
Горит мое сердце, горит мое слово,
Я — дерево, жертва пожара лесного.
Огонь сокрушительный ветром раздут,
И капли дождя на него не падут;
И ствол мой трещит, как сухие поленья!
Насколько мне хватит такого горенья?

Полдень, 20 марта

* * *

Осыпался цветок, и хлопья лепестков
Летят мне на сердце, как снеговой покров.
Цветок подарен мне — я понял в миг единый —
Не за талант, о нет, а только за седины!

29 марта

Из сборника
«ЗНАК АВАНГАРДА»
(1922—1928)

ИСКАТЕЛЬ СИЛЫ

Расстанемся, склонность моя к созерцанию!
Не сковывай больше горячего сердца!
Ты просто ночной мотылек беззащитный,
Который сгорит, не дождавшись рассвета.

Прощай, неживая красивость иллюзий!
Не сдерживай створки упрямого сердца!
Ты схожа с продажною, жалкою девкой,
Иди — и отдайся любому торговцу.

Прощай, неуверенность в собственных силах!
Игла для тончайшего вышиванья!
Я левую руку держу на Коране,
И правой рукою я меч подымаю!

Из сборника
«ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ»
(1928)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я снова свежим воздухом дышу!
Как это чувство выразить словами?
Я из больницы. Я домой спешу
Неверными, нетвердыми шагами.

По лестнице карабкаюсь с трудом,
От слабости и счастья замирая,
И, дверь свою открыв своим ключом,
Свой собственный порог переступаю.

Я дома! И душа моя полна
Любви и благодарности безмерной
К тебе, мой друг, к тебе моя жена,
Ведь ты меня спасла от смерти верной!

С улыбкою, неся в руках цветы,
Как девушка на первое свиданье,
В мою палату заходила ты,
Чтоб разделить со мной мои страданья.

Прости, что я в горячечном аду
Несправедливым был к тебе и грубым,
За те слова, которые в бреду
Твердили неподатливые губы!

Тебя одну всегда, всю жизнь любил,
К тебе одной навеки я привязан
И только на минуту позабыл
В бреду, сколь многим я тебе обязан!

Как рады дети, что я с ними вновь!
Но мать их шум и щебет обрывает:
Меня, свою семью, свою любовь
Она от сыщиков оберегает.

Я — вне закона, и за мной следят...
Все это понимают ребяташки.
Они, притихнув, на меня глядят
И мне несут свои игрушки, книжки...

Их четверо, и все они — мои,
Меж ними, разными, такое вижу сходство...
За что же я всегда лишен семьи,
Почти не знаю радостей отцовства?

За что же дети лишены отца,
За что же, за какие преступленья
Они должны скитаться без конца
И разделить со взрослыми лишенья?

Таков удел, и все предрешено:
Страданья наши — наша честь и слава!
Быть гражданином — было мне дано,
Быть семьянином — не имею права!

Бороться должен я, доколе страх
И произвол терзает наши жизни,
Разбитые, поверженные в прах
Чугунным колесом капитализма!

ДЕКЛАРАЦИЯ ПОЭЗИИ

Взгляни на меня — я правдива и искренна,
Я не приодета и не приукрашена.
Рабочему классу любовь моя отдана,
Крестьянам, что еле прикрыты лохмотьями.

Я, в сущности, тоже босая и голая,
И в сердце моем разгорается ненависть
К тупым богачам, утопающим в роскоши,
К шелкам, украшениям и драгоценностям.

Послушайте — это моя декларация:
Я встала в едином строю с неимущими,
Быть может, слаба я и голос мой слаб еще,
Но я закалю себя в грозных сражениях.

Я как бы воскресну — прямой и настойчивой,
Исполненной силы, исполненной мужества,
Настанет пора — и я буду над родипой
Грозами греметь, бушевать ураганами.

Из сборника
«ГОЛОС ВОЙНЫ»
(1936—1937)

ОДА К БЕШЕНОЙ СОБАКЕ

Говорят,
что стихи у меня —
бешеные,
как собаки,
покусанные другими.
Может быть, это и правда взвешенная,
а может — бессмыслица этому имя.

Но если в стихах
есть что-то собачье,
если можно сравнивать так их,

утверждаю:
мой — не иначе
как бешеные собаки.

Есть болонки,
таксы и фоксы.
Дамы целуют их
в милые мордочки,
заставляют проделывать фокусы,
перепрыгивать через жердочки.

Есть суровые
доберман-пинчеры.
Горло рвет их железная челюсть.
Такую собаку
неплохо вынучить
для особо серьезных целей.

Есть стройные гошпие
с лаем зычным,
с телами греческих изваяний.
Азартные игроки обычно
устраивают их состязанья.

Есть охотничьи,
есть и другие —
овчарки,
 дворпяги,
 почтовые-скорые,
лайки,
 сыщики,
 цирковые
и для опытов в лабораториях.
Много еще
различных пород есть...
Но одно
 для всех характерно:
перед хозяином
страх и робость,
собачья угодливость,
собачья верность.

Только
бешеная собака
вдруг теряет собачий облик,

не боится грозы и мрака,
забывает нытье и вопли.
Для нее уже нет различий
между золотом и жестянкой...
Ты ласкаешь ее и кличешь,
но напрасны твои приманки.

Не нужны ей
твои галеты,
не страшны ей
твои запреты!
У тебя ведь
не больше рук,
чем у любого из слуг!
У царской наложницы
взгляд не чище,
чем у последней нищей.

Судорожно разжав пасть,
высунув кровавый язык,
она несется, чтобы упасть,
она несется, чтобы пропасть, —
напрямик.

Сегодня она за себя мстит,
мстит за то, что она — собака.
Кто бы ты ни был — прочь с пути,
на смерть закусан будет всякий!

Собачья ярость ее страшна,
она передаст тебе свой гнев...
Станешь бешеным, как она,
рабство свое презрев.

ПРЕЛЮДИЯ

Грохочут раскаты народной войны,
Песня, звучи как предвестник!
Вражьи орудия заглушены
Звонкою силой песни.

Победа за нами. Мы к пей идем.
Решимость скрепила роты.
Мы под ударами авиабомб
Вырвем лучи свободы.

Грохочут раскаты народной войны,
Песня, звучи как предвестник!
Вражьи орудия заглушены
Звонкою силой песни.

Август 1937, Шанхай

СТРОФЫ О ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ

I

Двадцать четвертого дня
Письмо распечатал я,
И снова, как вольная птица,
Лечу в родные края...

Мой путь то быстр, то тих,
Судьба — это трудный бой.
Все было: засады, козни,
А после — опять покой.

Когда бы сравниться мог
С тобою, Тайшань-богатырь,
Ваглянул бы я в дали неба,
Где Яо и Шуня мир.

Злых ястребов я кляпу —
То ненависть всех отцов, —
Мне в жертву им жаль отдавать
Своих шестерых птенцов...

II

Бросаю снова кисть,
Иду в сражение вновь,
Друзей и дом родной
Заставил бросить враг,
Я в прошлом проливал
На поле боя кровь,
Теперь опять стремлюсь
Увидеть красный флаг!

Умру — земля отцов
Поэта приютит.
Я плачу и горжусь,
Я радостно пою:
Миллионы нас! Никто
Китай не победит,
Единодушны мы
В стремленьях и в бою!

III

Вчера я видел, как рыдала
Моя семья,

Теперь я вижу, как рыдает
Моя земля.

Мне сорок шесть, но смерть не скажет
Про свой секрет, —

Пушинкой малой или Тайшапом
Умрет поэт?

IV

Я — ветеран. Все десять лет
Я рвался в смертный бой,
И снова, старый, но живой,
Я возвратился в строй.

В Пекине стонут души тех,
Кто умер за Китай,
«Цзинцзюй» теперь перенеслась
На дальний юг — в Шанхай...

Пустует золотой алтарь,
Тоска — куда ни глянь,
И вот на древние поля
Выходит Цюй Юань...

Ответь: где разоренный люд
Себе найдет приют?
Вздыхаю... Бедствия людей
Меня гнетут...

V

Сотрясая небесные своды,
Грохотала всю ночь канонада,
Над Шэньцзяном горели звезды
И порывисто ветер дышал;
К небесам ранним утром взываю,
Восклицаю: «Не надо, не надо,
Чтоб неистовый грохот пушек
Так жестоко покой нарушал!»

VI

Бомбили долго. Гром затих.
Опять покой и тишина.
Очнулся ото сна. Встаю.
Я светлым помыслом горю.
У дома разрослась трава,
Трепещет на ветру она.

Цветы, ступеньки веселя,
Встречают алую зарю.

Прекрасен гор и рек простор —
Их прелести предела нет.

Пусть десять тысяч храбрецов
Седлают боевых коней!

Ждет родину великий путь, —
Глядит на горизонт поэт

И в день поминовенья вновь
Поет и думает о ней!

Из сборника
«Ц И К А Д Ы»
(1939—1949)

СЕМЬЯ ДЕМОКРАТИИ

Мир — большая семья демократий,
семья — демократия в миниатюре.
Миру не нужно диктаторства, братья,
смерть
предначертана диктатуре.

Стерты с лица земного пыне
кровавые Гитлер и Муссолини,
а диктаторы прошлых лет
истлевают давно в земле.

Хорошо, коль в семье — устои.
Жить с тираном — горько и трудно...
Народ — как море.

Чего ему стоит
на сушу военное бросить судно?
Если жена
подпевает мужу —

пусть и он
 жене подпевает.
 Лишь бы мотив
 был весел и нужен —
 из тех,
 что людям жить помогают.
 Мы сейчас на торжественном старте.
 Люди мира хотят неизменно.
 Коалиция многих партий
 выступает теперь на сцену.
 Крепче любите,
 молодожены,
 помолодейте,
 старые семьи.
 Бросьте сомненья
 и неуклонно
 мир и дружбу крепите со всеми.

 Я новобрачным хотел пожелать бы
 с каждым годом быть все моложе.
 Вам запомнится ваша свадьба,
 но меня —
 не забудьте тоже.

1945

СЛАВА СОВЕТСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Книга новой истории, новой судьбы
 четверть века назад счет годам повела.
 Ты сжигаешь себя в самом пекле борьбы,
 но, как феникс, ты вечно жива и светла.

И души твоей пламенной жертвенный дух
 изумлял человечество тысячи раз!
 Героизм не удел одного или двух —
 это общая воля трудящихся масс.

Ленинград, Сталинград... Ты хранила страну,
 как титан, ты сражалась в боях под Москвой.
 Сотни тысяч нацистов на Тихом Дону
 путь бесславный и черный окончили свой.

Самолеты и танки — трофеи побед,
точно горки картофеля — пленных толпа:
Рядовые, фельдмаршал, генералитет,
но теперь эта сила нема и слепа.

Превращений таких мир еще не видал:
не унять ему, пленному, жалкую дрожь, —
Бывший brave эсэсовец, зверь-генерал,
не на воина, нет, на лягушку похож!

Сколько в этом иронии! Это сильней,
чем «диктатор», что Чаплином создан в кино.
Так вот «высшая раса» в огне батарей
о своем «превосходстве» забыла давно.

И по небу Германии траурный след,
похоронная музыка горькой вдовой,
И впервые за десять диктаторских лет
сумасшедший ефрейтор поник головой.

Это ваша победа, советский народ,
это наша победа, народы земли,
Красной Армии воин шагает вперед,
чтобы люди свободу и мир обрели.

Но бандиты-нацисты, как загнанная зверь,
отбиваются, смерть отдавая свою,
Лишь ценою усилий и новых потерь,
беспощадным огнем их ломаем в бою!

Касабланка, единого фронта поток, —
разгромим гитлеризм, повернем на Восток.
Уже ближе сиянье грядущих побед:
только фронта второго пока еще нет!

Вся планета — гигантский театр войны:
жизнь воюет со смертью, и бой их жесток.
И давно уже людям в дыму не видны,
где он — Азии Запад, Европы Восток.

Если хочешь, чтоб не было плачущих вдов,
чтобы сын не рыдал над убитым отцом,
Красной Армии дух, что на жертвы готов,
пусть послужит для наших сердец образцом.

Поздравления наши звучат как призыв:
гордый жертвенный дух в нашем сердце возраstim!
В сорок третьем году Хуанхэ и Янцзы —
поклоняемся — мы тоже их освободим!

И в Пекине мы песню победы споем,
ей Шанхай и Напкин будут вторить вдвоем,
Через Желтое море помчится она,
и покой обретет океана волна.

Четверть века назад кпига новой судьбы
счет годам повела — нет прекраснее дат!
В эту книгу страницы великой борьбы
жаркой кровью вписал легендарный солдат.

Слава Армии Красной не знает границ;
ты пример на века для народов и стран.
Перед духом твоим мы склоняемся ниц,
справедливости воин, свободы титан!

1942, в День Красной Армии

ОКтяБРЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

1

Тех, кто войною
Торговать хотят

И атомом
И долларом грозят,

Тех черных дьяволов
Настигнет гибель —

Ворота настезь
Им откроет ад.

2

Гром Октября
Гремит десятки лет,

И, словно символ
Мировых побед,

Над башнями
Кремлевскими сияет

Багряных звезд
Неугасимый свет.

3

Великие
Настали времена —

Здесь тьма веков
Навек побеждена,

И к человечеству
Идет отсюда

Свободы
И гуманности весна.

4

Еще давно,
Когда в Москве я был,

То словно в лодке
По простору плыл

И к дереву священному
Причалил,

Тогда я зрячим стал
И полным сил.

7 ноября 1947

ЦЗАН КЭЦЗЯ

(рог. в 1905 г.)

Цзан Кэцзя — поэт-реалист, автор многочисленных сборников и поэм о деревенской жизни, крестьянском труде, страданиях народа в условиях бедствий, вызванных войной.

Цзан Кэцзя не только «крестьянский поэт», но и острый сатирик, бичевавший гоминьдановских заправил («Нулевой градус жизни»).

Поэтика Цзан Кэцзя, выросшая из ритмов, мелодий и образов народных песен, оказала плодотворное влияние на развитие современного китайского стиха.

Цветком, что сорвал миг назад во всем своем благоуханье,
Воображение одно — твои слова, твои мечтанья.

Возможно, скажет кто-нибудь, мол, это от непониманья,
Ведь даже тучи в небесах ты оставляешь без вниманья,
И, видя в воздухе стрекоз, застывших вдруг в оцепененье,
Не помышляя о беде, пройдешь без страха и сомненья.

Увы, никак не прокормить себя профессией старинной,
Торгует весело базар и женским телом и свиной,
От этих фактов не уйти, мир ими просто атакован,
А ты на все закрыл глаза: не вижу ничего такого!

Тебя никак я не могу причислить к юношам зеленым,
Но почему стремишься ты сказаться неосведомленным,
Пытаясь истину сокрыть с какой-то целью неизвестной
И повторять на все лады, что все спокойно в Поднебесной?

Когда печется человек о благоденствии Китая,
Ты рубишь голову ему, его преступником считая;
Деяний смысл поймет любой, ты сам срываешь покрывало,
Огня в золе твоей души не будет, нет и не бывало.

Когда-нибудь наступит день, и ты, как все, уснешь навеки,
И тут вселенная твоя из-под твоей уйдет опеки.
И пламя вспыхнет на полях, и все вокруг воспламенится,
А ты воскликнешь: «Боже мой! Какие странные зарницы!»

1932

ПЕСЧИНКА

Тебя уносит ветер вдаль, как прежде уносил,
И не тебе решать дано, как быть с твоей судьбой,
И о ненужности всего, бесплодной трате сил
Скорей забудь, как о пути, что избран был тобой.

С восхода солнца долгий день ты с ветром заодно,
Когда же станет над землей беззвездно и темно,
К травинке ты прильнешь щекой с надеждой и тоской,
Движенью тоже иногда необходим покой.

ПРОЩАЮСЬ С ЧАНЪАНЬЮ

Чанъань, мой город,
Сколько лет
Призывал меня твой
Из глубоких далей звучащий голос.

Великая душа Северо-Запада,
Чанъань, мой город!
Ты всегда казался мне дряхлым.
Я не знал, что, как я, ты молод.

Хуанхэ, низринутая с небес,
Протянула правую руку,
И тебя оградил естественный ров.
Пред тобою встал Тунгуаньский проход —
В нем один солдат сдержит десять полков.

И железная твоя артерия —
Лунхайская дорога, —
Выходя из Восточного моря,
Далеко на северо-запад убегает
(Это пожатья руки России
Ищет дружеская рука Китая).
И гора Сиюе
За тобой подняла вершину,
Словно некий дух,
Что твоих приказов ждет недвижимо.
А север Шэньси —
Твоя самая сокровенная сторона!
Ясное солнце над ней висит,
И тьма навсегда в ней побеждена.

Чанъань, мой город,
Восемь дней я побыл с тобой
И уже даю тебе руку прощанья,
Так скоро, так скоро!
А ведь я, поэт, не успел побывать
Там, где спал захмелевший Ли Бо.
Я еще не успел навестить
Ни холодный очаг неутешной верной
супруги,
Ни Бацяо — древнее место, где
витают печаль разлуки.
На чанъаньских старых могилах

Смотрят в небо сосны и кипарисы.
Я им не успел поклониться
И оставить в сердце своем

их священные тени.

Чанъань, мой город,
Ты спрашиваешь меня, куда я так тороплюсь.
Я хочу с армией уйти в Туншань,
Потому что там ближе всего враг.

Январь 1938

ПЛЕТЬ

Башмак железный у осла
Отполирован добела,
Мешок холщовый на спине
Все тяжелей и тяжелей,
На сердце маета.

Хозяин плетью больно бьет,
Остановиться не дает,
Как будто за его спиной
Его хозяин держит плеть,
Таковую же, как та.

1942

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Сын
Копошится в земле,
Отец
На земле проливает пот,
Дед
В земле уж который год.

«НУЛЕВОЙ ГРАДУС ЖИЗНИ»

Прошлой ночью во время сильного
снегопада погибло восемьсот детей.

Из газет

Восемьсот человеческих жизней
Заняли крошечный уголок
Колонки «Местные новости».
Ни имен, ни лет, ни места рожденья,
Ни слова о том, как погибли дети, —
Ни слова в газете.
Общественные новости подобного толка
Мелькнут пред глазами людей,
И только,
И быстро исчезнут,
Исторгнув два-три запоздалых вздоха.
Другое чтение уважает эпоха.
Идут описания красочными словами:
Изнасилована девушка,
Родился младенец с двумя головами,
Бандит изувечил жертву,
Паук с головой человека —
Драгоценные сенсации века...

Ваша смерть забыта,
Ваши жизни
Как бы вовсе не существовали,
Слабые и нежные побег
Не смогли, не перезимовали,
Ваши жизни обществом забыты,
Голодом и холодом убиты.
Вы откуда?
Может быть, бежали
Вы с полей, где грохотали пушки?
Или вы покинули деревни,
Где земля давно уже бесплодна?
Может быть, с родителями вместе
Вы таили жалкую надежду
Вырвать жизнь у смерти здесь, в Шанхае,
В самом крупном городе Востока?

Вы затерялись в лабиринте улиц и зданий,
Ароматы чужих пиров проплывали у ваших лиц,
В рокоте города не слышно ваших стенаний,

Заржавела совесть в столице восточных столиц.
Ваших испачканных щек сторонились нарядные
дамы

Вид ваш шокировал господ благородного круга,
Ваши дрожащие голоса и тела
Редко вызывали состраданье,
Чаще — злобу и ругань.
Огромный Шанхай утеплен, светел,
Шанхай расставляет пиршественные столы.
Голодом и холодом настигнутые дети
Отступили, сдаваясь, в чернеющие углы.
Северо-западный ветер
Всю ночь завывал бессменно,
Снегом покрылась земля;
Ваши тела —
Восемьсот термометров —
Падали, падали постепенно,
Пока не дошли до нуля!
Умерли все восемьсот,
Будто такой у них был уговор:
Сразу и всем
Умереть в эту ночь!
Вы не сразу признали свое поражение,
Пытались бороться с голодом, стужею,
Но бедное ваше воображение
Не стало вашим оружием;
Нагие тела и души нагие
Сшибли с ног,
И они погибли.
В социальной среде,
Где люди едят людей,
Вы надеждами жили одними,
И стоило только упасть — никто уже вас
не поднимет.

Ненавижу филантропическое «ах»!
Филантропы копаются в ваших телах.
Пусть каждому три чи его земли,
Лежите там, где выжить не смогли!
Изобретатели парового отопления,
Взгляните на место преступления,
Владельцы рикш, вылезайте из коляски
И здесь зубами от страха лязгайте,
Модные дамы, ступив сюда,
Вопите от горечи и стыда!

Пусть запах крови и тлена,
Пусть имена
Тех, кого бессмысленно утешать,
Мешают

Шанхаю

дышать!

6 февраля 1947, Шанхай

ПАМЯТНИК

Кости царя, что сто лет назад правил Россией,
Давно уж истлели
В земле, которой он правил;
И память о нем,
Все больше тускнея,
Как почная звезда,
Закатилась на рассвете истории.
А ведь казалось: был он так грозен и страшен,
Что нанизывал небо и землю на один свой мизинец
И заставлял их вертеться,
И одной своей ладонью
Мог закрыть от людей высокое небо!

Жизнь поэта, что за век до нас умер,
Теперь развернулась только.
Дух его отливают в металле,
И весь мир для него — пьедесталом.
Так стоять он будет повсюду.
Ты стоишь высоко-высоко, Пушкин,
Человечества чистая совесть;
С каждым днем поднимаясь все выше и выше,
Ты в тех высях, где солнце и месяц,
И, как солнце и месяц, светел.

Ты стоишь
И, протягивая к обездоленным руку,
Греешь их своим теплом великим;
Ты стоишь
И, ряды борцов ободряя,
Отдаешь им всю свою силу!

Ты стоишь
Как укор, как вызов,
Свою ненависть, гнев и презренье
Выплевывая в обличья
Коварства, жестокости, пошлости и корысти.

Маленькие дети
Играют в траве у твоих ног,
И ты улыбаешься и хочешь сойти к ним
И смешаться с их шумной толпой.
Люди, проходящие мимо тебя,
Вдруг замедляют шаги.
А ты, о чем задумался ты в своем молчании?
Не о том ли, чтобы почитать им стихи?
Так величаво, спокойно, так мирно и тихо
Стоишь ты,
Что кажется, можно услышать биение твоего
сердца,

Дыханье любви и гнева, радости и печали.
А я, маленький, скромный китайский поэт,
Много бед, как и ты, испытал в своей жизни.
Ножницы злой судьбы и тюрьма предо мной
разверзали пасть,
Брань, насмешки и нищета неотступно ходили
за мной.

Я люблю народ и землю моих отцов
Так глубоко и сильно, как любил свою родину ты.
Но только — так ведь было и у тебя —
Любовь к своей родине в том Китае, где я живу,
Называется преступлением, нарушает его закон!
И все же сто лет, что прошли,
Внесли измененья свои:
Когда-то в России ее поэт звал при жизни
людей вперед,
Сегодня в Китае поэтов своих ведет
за собой народ.

ЧЕЛОВЕК

Навеяно воспоминаниями о Лу Сине

Бывает так, что человек живет,
А в сущности, он мертв уже. Бывает
И так, что умирает человек,
Но продолжает жить среди народа.

Бывает так, что человек у власти
Трезвонит о величии своем,
А истинно великий человек,
Склоняясь, служит своему народу.

Бывает так, что мыслит человек
В веках остаться надписью на камне,
А человек — создатель «Диких трав» —
Спокойно ждет пути во мрак подземный.

Бывает так, что человек живет
За счет других, униженных и слабых,
А тут же рядом человек стремится
Все сделать, чтобы легче им жилось.

Того, кто о величии трезвонил,
Народ на землю свергнет с высоты,—
А тот, кто был всю жизнь слугой народа,
В сердцах людей останется навек.

Того, кто имя вырезал на камне,
Забудут раньше, чем сгниет он в глине,—
А стоит лишь подуть ветрам весенним —
И разрастется зелень «Диких трав».

Тот, кто жирел за счет больных и слабых,—
Увидит сам падение свое,
А человека, близкого народу,
Поднимут выше памятников всех.

1949

БЯНЬ ЧЖИЛИНЬ

(рог. в 1910 г.)

Бянь Чжилинъ — признанный мастер стиха, талантливый переводчик французской и английской поэзии, один из создателей китайского сонета.

Для творчества Бянь Чжилина, поэта «книжного», рассудочного, характерен сознательный уход от масштабных тем и коллизий: на мир он смотрит глазами исследователя, находя в малом значительное. Но жизнь все же врывается в его поэзию — и тогда его строки о море, горах и реках становились похожими на живописные свитки старых китайских художников.

ДЛИННОЕ — ЭТО...

Длинное — это косые бледные тени:
Сухого дерева тень одна,
Старика, опирающегося на палку,
Тень которой тоже длинна;
Тени на красной стене на закате,
Длинной стене, а над ней —
Голубое длинное небо,
Которого нет длинней.
Верю, старик, зимний день и дорогу
Ты ощущаешь как длинную нить.
Видишь, я подошел поближе,
Нам бы стоило поговорить.

Мы оба молчим, и бредут по дороге
Молчаливые люди и безмолвные тени.

ТИШИНА

Деревенский мальчик тишины боится,
Он принес домой сверчка, с ним спокойно спит.
А когда у мальчика выросли усы,
В городе светящиеся он купил часы.

В детстве он завидовал травам на могиле:
Там веселые сверчки беззаботно жили.
Он внезапно умер три часа назад,
А часы все светятся, стрелки все скользят.

МАЛЬЧИК

Бродит мальчик, сейчас ему не до игры,
Он бормочет, что все надоело,
Подбирает он камни на склоне горы,
Нагибается то и дело
И швыряет находку бесцельно
В темнеющее ущелье.

И конечно, найдется такой чудак,
Милый мальчик, ни добрый, ни строгий,
Не любя и не гневаясь, просто так
Он тебя подберет на дороге
И швырнет, не терзаясь потерей,
В суету этой жизни серой.

КРЕДИТОРЫ

Я порядочно должен моим кредиторам.
Стук в ворота, пришел кредитор.
И второй постучался во двор.
Рассчитаться я должен с которым?
Вексель нагло смеется и смотрит с укором.
Ну и пусть!
Полюбуюсь луной, а ворота велю — на запор.

ПАХАРИ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Кошмары забыв, что являлись в ночи,
Вы солнцу в горах назначаете встречу.
Его обогнать вы стремитесь лучи,
Подняв, как винтовки, мотыги на плечи.

На горных вершинах в предутренней мгле
Весенних покровов цвета проступают.
Вам нужно на лёссе выращивать хлеб,
На тощей земле собирать урожаи.

Под солнцем палящим, под вешним дождем
Вы пашен рисунок меняете смело.
Простым, человечьим, упорным трудом
Природу стараетесь вы переделать.

Упряма мотыга. Но сил вам не жаль.
Вы к жизни спиною стоять не хотите.
И, веря в грядущий святой идеал,
Его непременно вы в жизнь воплотите.

1939

ХЭ ЦИФАН

(1912-1977)

Хэ Цифан — поэт, ученый-литературовед.

Раннему творчеству Хэ Цифана были свойственны черты декаданса, довольно быстро преодоленные поэтом: он стал ощущать тревогу за судьбы молодого поколения, втянутого в войну. В своих широкоизвестных «Песнях ночи и песнях дня» (1945, 1952) поэт призывал к гражданской активности, бичевал язвы и пороки общества, воспевал «близкую победу». Живя и работая в Яньани, центре Освобожденных районов, Хэ Цифан преподавал в Академии имени Лу Синя, изучал марксистско-ленинскую эстетику, выступал с критическими работами.

ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Наверно, в эти мгновенья
В озере пенятся черные волны,
Проносится ветер над крышами
С черепицей серой и желтой,
На улицах пыль кружится,
Как колесо. За городом
Телега с мулом
Остановилась на полдороге,
Кругом — ни души.
Четыре стены делают меня одиноким —
Сегодня в волнах песка и ветра
Они мне кажутся толще.

Ночью северный ветер шумел, как прибой,
Раскачивая мой домишко,
Как лодку. Спутник моего одиночества,
Ты не устал от долгого странствия?
Мы отправимся в тропики
И обратимся в растения:
Ты станешь вечнозеленой лианой,
Я — липой огромной.

Сумерки. Зажигаю лампу.
И открываю книгу,
И открываю память, словно шкатулку.

Между 1933—1935

ВЕНОК НА МОГИЛЕ

Цветы чудесные растут в заброшенной долине,
Роса невиданно ярка там, где безмолвно ныне,
Я знаю, юная Ливлин, ты счастлива в забвенье,
С тобой ручей, вовек ничьей не отражал он тени.

Мечтала видеть ты в окне ползучие растенья
И золотые лепестки, как где-то на картине,
Тебя тревожил тихий дождь, бегущий по карнизам.
И одинокий свет звезды был мил твоей гордыне.

Катилась девичья слеза, жемчужина-слезинка,
От неосознанной тоски, как будто на чужбине.
Твой ясный день прекрасен был в любое время года,
Но был прекраснее всего день твоего ухода.

Между 1931—1933, Бэйпин

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Зажженная в безмолвии свеча,
Из сердца вырывающийся стон —
Эпоха похорон.

Лорд Байрон бросил дерзкие слова:
«Их бог, их цель, их радость в дни невзгод,
Их жизнь и смерть — доход, доход, доход!»
Задумал де Нерваль для эпатажа
Водить на ленте краба даже!
Душе смятенной прошлого не жаль,
Повесился в отеле де Нерваль.
И вену ножом перерезал
Последний поэт деревни.

Я больше петь не стану о любви,
Как в летний день поет цикада.

Метафоры, бумажные цветы,
Эпитетов пяток для красоты, —
Что им дано?
Быть может, только раз

Сухой тот хворост вспыхнул и погас!
Беззвучно шелковичный червь грызет листы
И в кокон превращается.
Зима.

Печальная процессия длинна:
Я на своих похоронах,
Я хороню себя (по мифу нам знакомо),
Как зубы хоронили у дракона:
От тех зубов другие поколения
Рождались для взаимостребленья,
Бросались в битву, погибали в ней,
А побеждали те, кто был сильней.

8 ноября 1936

РЕВОЛЮЦИЯ — НАСТУПЛЕНИЕ НА СТАРЫЙ МИР

I

Старый мир,
Трепещи, дрожи
И рыдай в исступлении!
На тебя,
На твои рубежи
Революция

идет в наступление.

В наступление на царство тьмы,
В наступление на страх тюрьмы,
В наступление на шэньши гнет
И на тех, кто кровь нашу пьет,
На неравенства злой позор,
На тебя,

узаконенный вор!

Революция...

Если нужно —

она в подполье уйдет,

Если нужно —

обрушится, как гроза,

Если нужно —

сделает шаг назад,

Чтобы завтра — десять шагов вперед!

Капитализма

 старое логово,
Ты, Европа, дерешься здорово,
Ты, Америка, выглядишь молодо,
Америка доллара, Америка голода!
Шлешь в океан корабли военные,
Только не будет твоей вселенная!

Солнце,

 быстрее забирайся ввысь!
Ты, Земля,
 побыстрее вертись!
Дай мне увидеть,
 как гнев-секира
Рубит голову
 старого мира!

II

Китайская революция —

 долгая и жестокая,
Страшная, азиатская,
 чистая и высокая!
Я, может и прежде знал это,
 мучаясь и скитаясь,
Но только теперь почувствовал,
 понял, что я — китаец,
Я понял, что значит бедность,
 когда хоть в реку
 кидайся,
Я понял, что значит мужество,
 совесть и долг китайца.
Ты помнишь, товарищ,
 события
 двадцать седьмого года?
Эти воспоминания
 прошли сквозь огонь и воду...
Но что это, друг, ты плачешь,
 когда говоришь об этом?
Вспомнил свой красный галстук,
 митинги и пикеты?
Улицы, улицы, улицы,
 черные от рабочих,
Ближних крестьян восстания,
 выстрелы днем и ночью...

Вспомнил ты Революцию,
схваченную за горло,
Когда на нее направили
предатели пушек жерла,
Вспомнил ее, окруженную,
рекою крови залитую,
Бледную, изнуренную,
яростную, разбитую!

III

Не забыл ты ржавые углы,
Помнишь номер камеры своей,
Клетку неба, плетку, кандалы,
Пытку ночи, мутный сумрак дней...

Тяжела, трудна и горяча
Та война, что прожита тобой...
До сих пор не спишь ты по ночам, —
Кажется, за дверью часовой.

Девушка из нашего села,
Девушка, что в дни войны росла,
Помнишь ты, как много лет назад
Был живым сожжен твой старший брат?

Старый друг мой, ныне ты один —
Схоронил двенадцать человек,
Только рана страшная в груди...
Разровнял могилы белый снег.

Но не плачешь, не рыдаешь ты,
Лишь суровой сделались черты...
Десять раз прострелен ты, дружнице,
Руку ты в сражение потерял,
Года три не ел горячей пищи,
Года три не раздеваясь спал...

Смерть встречает равнодушным взглядом,
Совестью своей кристально чист,
Человек особенного склада —
Коммунист.

Мы с тобой
в Китае живем.

Свет и тьма
Перекрещены в нем.
Расхвачан на части,
Скован цепями,
Входит Китай
В революции пламя.
На Хайпани и на Бохае
Революция полыхает.
Я слушаю,

затаив дыханье,
Биенье сердца ее в Яньани.
Свети,
Революции яркое солнце,
Ветер свободы,

пой и вей!
Но мы еще не прогнали японцев!
Бродит с бандою Ван Цзинвэй!
Еще в Чунцине,

черном и гневном,
От голода тысячи мрут ежедневно,
Но в том же Чунцине

есть мопсы и шпицы.
Которым от сытости плохо спится...
Хозяевам их наплевать на народ,
Хозяева с Западом ждут «братания».
Злобно, как шпицы, коверкая рот,
Орут:

«Ур-ра Великобритании!»
Они не знакомы с болезнями, ранами,
С детства слуги в колясках возили их.
Они торгуют со многими странами,
Плантации покупают в Бразилии.
Доллары держат они в Нью-Йорке,
В Швейцарии — виллу на тихой горке,
Тонкими яствами объедаются
И...

тоже китайцами называются!
Но нет у них больше в Китае силы,
Одна дорога у них — в могилу.
В нашем Китае уже давно
От нового старое отделено!

Сожжет революция все старье!
Братья,
вступайте в ряды ее!

V

Принеси нам счастье, борьба,
Уничтожь преграды!
Наша так трудна была судьба,
Так долга досада!
Дай дышать свободно и легко,
Нам порядки новые назначь,
Чтобы радость хлынула рекой,
Чтобы песней

мы сменили плач,
Чтобы нашей сделалась страна,
Чтоб своею звать ее,
Чтобы вдоволь было всем зерна,
Всем хватало платья...
Знаем, почему мы так бедны,
Отчего на свете жизнь такая...
Знаем все,

ведь мы твои сыны,
Революция
Великого
Китая!
Так вперед же,
в наступленье,
в бой!
Революция,
мы навсегда с тобой!

Март 1941

ПУСТЬ ЯРОСТНЫМ БУДЕТ НАШ КЛИЧ!

I

Грозный огонь,
Страшный огонь,
Обнял огонь полсвета!

Пламя ползет,
Пламя растет, —
Все ль понимают это?
Пламени блики
Ярки и дики, —
Все ведь сгорит мгновенно!
Бейте тревогу,
Громче тревогу
Голосом, как сирена!

Люди, идите,
Люди, бегите, —
Искры трещат зловеще!
Граждане мира,
Землю спасите, —
Люди горят и вещи!

Встанет стеною,
Сильной рукою
Раздавит войну народ!
Мы, дети народа,
Мы, внуки народа,
Историю двинем вперед!

II

Граждане страны Октября!
Вам отчизна ваша дорога,
В небесах, на суше, на морях
Бьете вы проклятого врага.

Кровью павших братьев и отцов
Яростно стучащие сердца...
Шум собраний, проводы бойцов
И решимость драться до конца.

Вместе все — солдаты и народ.
Крепкие прощальные объятия...
И уже идет за взводом взвод,
Бить врага идут отцы и братья.

Тот народ, что первый воплотил
В жизнь людей заветные мечты,
Тот народ, что кровью заплатил
За свободы яркие цветы,

Тот народ, что миру дал людей,
Имена которых —

гордость мира,

Отстоит

покой

страны

своей,

В страхе прочь откатятся громилы.
Лучше, враг, Москвы ты не тронь, —
Пусть пройдут года и года, —
Снова бывших господ на трон
Не посадит никто никогда!

III

Разве ты покорилась тирану,
Ты, Европа?

Вижу беды твои и раны,

Слышу ропот.

Вот согнали твои народы

Немцы

строить дороги в пыли,

Чтоб фашистские сумасброды

Танки по ним повели!

Разве ты не рассеешь дурман,

Не восстанут твои народы?

Не добьются четырнадцать стран

Свободы?

Поезд истории

быстро мчит —

Никому его не сдержать!

Просчитались вы, палачи,

Не погонишь историю вспять!

Средневековья не возвратить,

Граждан

в рабство не обратить!

Пусть

роптание

Станет

гневом!

Люди!

Хватит гибнуть в огне вам!

Пламя задует, ветром станем!

Шире подполье,

ярче восстанье!

Пусть гром будет страшен!
Пусть молнии светят!
Хватит тирану
ходить по планете!
Бейте
лютых врагов человека —
Бейте вандалов
нашего века!

IV

Немцы, солдаты, над вами — рок!
Вы протоптали много дорог.
«Солдат есть солдат», — говорите вы.
Нет у вас сердца и головы.
Вы говорите: «Не нам решать,
Кому дышать, кому не дышать».
Только нет оправдания вам,
Вашим жалким, трусливым словам!
Вы создали за восемь лет
Страшных гитлеровских побед
Тюрьмы, пушки и корабли, —
Только мыслей не обрели!

V

Гитлер,
Ведь ты тщеславен и туп!
Из пасти твоей
Словно выбили зуб.
Кривляясь, орешь,
обращаясь к солдатам:
«Поможет вам бог,
Поможет вам фатум!»
Да из тех, кто б тебе помог,
Остался, наверное, только бог.
Ничтожен, жалок и ты,
Муссолини,
Горе-герой
с улыбкой павлиньей!
Вы только убийцы,
только бандиты,
Дорога в историю вам закрыта.
Прочь из стихов моих,
вон из строк!
Нечем кичиться вам — вышел срок!

Мне горько, что я — китаец,
Я горд,

 что китаец я,
От тяжкого сна просыпаясь,
Светлеет

 земля

 моя.

Мы долго не знали света,
Не жили мы, не росли
И перед всей планетой
Похвастать ничем не могли,
Ни в циньских, ни в танских архивах
Мы мудрости не найдем,
Мелодий печально-игривых
Из песен Ду Фу не споем...

Пираты ворвались с моря,
Пираты в Янцзы вошли,
Разруху, войну и горе
Земле моей принесли.
И мы поднялись войною,
Поняв наконец себя.
Идем по дождю и зною,
Тревогу

 вокруг

 трубя!

Сегодня и мы в ответе
За счастье,

 за шар земной!

Сегодня горды мы этим
И долг выполняем свой.
Мы шли умирать, как надо,
В четырехлетней войне,
Мы глохли от канонады,
Мы гибли в слепом огне,
Мы помним бои, измены,
Голода страшный бич.
Пронзительнее сирены
Будет наш бранный клич!
И пусть,

 затаив дыханье,

Как ныне советский народ,
Услышим мы приказанье:
«За нашу победу,
вперед!»

Июль 1941

РАССВЕТ

В ущелье туман.
Травинки встают.
Рассвет
Распускается, как бутон.
Каменотесы
По камню бьют —
И в сердце моем
Этот стук и звон.
Я молча смотрю,
 как строится дом.
Я символ труда
 ощущаю в том.
Вы рубите лес,
 вы тешете камень,
Возводите стены
 своими руками.
Вашим трудом
 этот мир украшен.
И сердце мое
 сливается с вашим.
Мы — как братья,
Что день за днем
Строят
 один и тот же дом.
Я пишу эти строки вам, —
Братьям своим
 и своим друзьям,
Тем, кто, проснувшись и встав с постели,
Спешит
 к любимой своей работе,
Кто пройдет
 через все метели,
Кто солдатом шагает в роте,

Нашим бойцам,
 что по зову горна
Начинают свою зарядку,
Ученикам,
 что бегут проворно,
Взяв с собою
 свою тетрадку,
Нашим крестьянам,
 что вышли в поле, —
Всем,
 кто на стройке,
 в бою и в школе.

1942

ЛИ ГУАНТЯНЬ

(1907-1968)

Ли Гуантянь — поэт, прозаик, ученый.

Писал простые, искренние стихи, в которых ощущалась глубокая привязанность поэта к земле, деревне, крестьянскому быту, труду. Тонкий стилист, певец родной природы, Ли Гуантянь умел придать самым простым и заурядным вещам яркость и одухотворенность.

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Пела грустная флейта в ночном городке,
Мой внезапно покой возмутив:
Далеко-далеко от родной стороны
Я услышал знакомый мотив.

И душа встрепенулась. Я вспомнил в тоске
Не отца и не мать в этот миг —
Вспомнил крошечный пруд в неприметном саду
И колеблемый ветром тростник.

Октябрь 1932

СЫН ЗЕМЛИ

Я родился на этой земле,
Я вышел из этих полей,
Любимая мать-Земля,
Я один из твоих сыновей.
Я люблю твою влажность и твою теплоту,
Ты меня пеленала, земля, как судьба,
Я люблю бархат трав
И тяжелые в поле хлеба.
О кормилицы-руки,
Обнимите покрепче меня,
Я хочу отдохнуть там, где радуют зеленыя.
Человечества поле,

Я хотел бы расти и стареть
На просторах твоих
И на лоне земном умереть.

Я лежу на земле
И гляжу, как бегут облака,
К пестрой радуге тянется жадно рука,
И прозрачная манит лазурь,
Но хожу по земле, лишь по ней я хожу,
Чую запах земли, что навеки во мне.

В государстве небесном я б жить не хотел,
В государстве небесном жить — не лучший удел,
Мать-Земля, я доволен судьбой,
Мать-Земля, нам нельзя расставаться с тобой.

Весна 1933

ПОЕЗДКА НА ТЯНЬЦЯО

«На Тяньцяо!» — сын мечтал.
«Да!» — отец ему сказал.
На Тяньцяо! На Тяньцяо!
День такой пройдет на славу.
Был трамвай, теперь дракон,
Водоплавающий он;
В человечесем бурном море,
Сером море, шумном море
Вдаль плывет трамвай-дракон,
Дин-дон, дин-дон...
Муравейник в том трамвае,
Но никто не унывает,
Копшатся в тесноте
До Тяньцяо те и те.

Март! Лети, бумажный змей!
Запустить его сумей.
С юга ласточка летела.
Перед нею в небе — тело,
Ей подобное явленье
Не внушило опасенья?

Небо той голубизны,
Что внушает людям сны.
Кто о чем мечтает —
Кто о том узнает?
Голубое небо
Манит душу, манит тело
За небесные пределы.
Мальчик знает, что такое
Небо голубое,
Для него предельно прост
Мост,
Но ребенку неизвестно
Сочетанье «мост небесный».
В небе радуга цветная,
Он о ней от взрослых знает:
Дождь и... радуга-краса —
Путь-дорога в небеса.
Ну а в солнечные дни
Как без радуги они?
На Тяньцяо! На Тяньцяо!
Яркий купол голубой,
Ты над ним не смейся, право,
Пусть смеется над тобой!

В небе стаи голубей,
Небо стало голубей.
Что за бабочка в окне!
Точно желтый лепесток.
И дракону по пути
Улыбается цветок.
«В небо бабочка летит»,
Но предание твердит:
Как-то бабочка одна
Полетела в небеса,
Чтобы радугу спросить,
Что ей, бабочке, носить,
Потеряла, мол, покой:
Самый лучший цвет какой?
Дождь прошел, и на луга
Вышла радуга-дуга,
Долететь бы только к ней,
Но лететь ей все трудней.

Вся промокла! Дальше — хуже,
И упала, плача, в лужу.

На Тяньцяо! На Тяньцяо!
Слева жмут и давят справа.
Папа знай себе курил,
Ничего не говорил.
Почему он стал курить?
Лучше б нам поговорить.
«День хорош и даже очень,
Удивительно красив.
А нельзя ли напророчить,
Чтобы дождь заморосил?»
«Да недурно! Шел бы косо,
И глядел бы стар и мал,
Как по веткам абрикоса
Он упруго бы стучал».
(Ливень — было бы получше!
Голубое скрыли б тучи,
Да и видимость не та
Из-под плотного зонта.
С крыш жемчужин шумный рой
Вниз бы капал, как заслон:
И, наполненный весной,
Двор от взоров заслонен!
И никто уже не скажет,
Беззаботен и спесив:
Депь хорош, прекрасен даже,
Удивительно красив!)
Дип-дон, дип-дон,
Вдаль плывет вагон-дракон.

Мальчик видит из окна:
То стена, а то аллея,
То аллея, то стена
Зеленеет и алеет.
Сердце бьется у ребенка:
На исходе путь старинный.
До свидания, лавчонки,
До свиданья, магазины!
Но о чем мечтать он мог?
Папин голос: «Все, сынок,
Посмотри скорей направо,
Мы приехали — Тяньцяо».
Да, Тяньцяо перед ними,
Все спешат сюда, гонимы
Кто весельем, кто тоской,
Кто жестокостью людской.

Здесь смеются, тайно плача,
Плачут, праздную удачу.
И везде, везде, везде
Крики нищих о еде.
Голос хриплый над толпой,
Тело согнуто дугой.
На земле лежит комок,
И другие — у обочин.
Кто-нибудь им тут помог?
Видимо, не очень!
Сколько шаркающих ног!
Потерял башмак сынок.
Лица, желтые от горя,
Тонут-стонут в мертвом море,
Вся толпа пришла на пост,
Ураган ее не сдвинет,
Добровольно не покинет
Ни один Небесный мост.
Где же он, Небесный мост?
Для отца ответ непрост.
Он на небо смотрит снова,
Будто ждет ответ готовый.
«Ну, пойдем же, ну, пойдем,
Мы Небесный мост найдем!»
Где он? Где он?
Нет его!
Ничего нет! Ничего!
Все, сынок, печально-просто:
В мире нет такого моста,
Не летает в небе змей,
Нет беспечных голубей,
Лишь орел, могуч, остер,
Свои крылья распростер,
Улететь готов он смело
За небесные пределы.
«Значит, мост небесный в небе
Так и не был?
Значит, этот мост небесный
Не на небе — в клетке тесной?..»
Что ж ты, Небо, натворило
В добром синем далеке?
Вот дождинка покатилась
По мальчишечьей щеке.

ЮАНЬ ШУЙПО

(рог. в 1916 г.)

Юань Шуйпо — один из самых ярких поэтов-сатириков нового Китая.

Создав правдивый, подчас трагический образ современника, он решительно раздвинул рамки своей поэзии (Юань Шуйпо начинал как лирик) и вышел на события мирового значения: клеймил позором империализм, развязавший вторую мировую войну, написал немало ярких стихов о Сталинградской битве, о победе советского народа в Великой Отечественной войне.

В те же годы из-под его пера вышло много острых строк, направленных против реакционеров всех мастей («Гвозди», «Это — ложь» и др.).

Я НАДЕЛ ЧИСТУЮ, ВЫСТИРАННУЮ РУБАХУ

Надел я рубаху, и стал я хмельной,
От чистой рубахи шел запах речной,
Вдыхаю я запах весепней воды,
Пропахла рубаха рекой и весной.

Ликующий запах, волнующий грудь,
Мне хочется снова и снова вдохнуть,
Как строки Уитмена в легких одеждах —
Им было легко на дорогу шагнуть!

Рассвет мое тело бросает к волне,
Приветствует солнце меня в вышине,
Щедры и обильны, остры и чисты
Все запахи солнца и моря во мне!

Вмешаться сумеют ли карандаши
И вычеркнуть строки из глуби души?
Похоже, в старинной усадьбе Толстой
Писал об истории этой простой.

1940

НОЧЬ

Бессильно голову склонив, идет походкой странной,
Как будто зверь с кровоточащей раной,
 бессильно голову склонив,
 бессильно голову склонив,
 бессильно голову склонив, идет походкой странной.

Глотая горечь слез, уходит в сповиденья,
Но сон разбит и смят без сожаленья,
 глотая горечь слез,
 глотая горечь слез,
 глотая горечь слез, уходит в сповиденья.

Июнь 1945

ГВОЗДИ

О, глаза, вездесущие глаза,
И в подвале,
И на крыше,
И во мне,
За стеною, под стеною и в стене!
Выдвижные ящики стола,
Всю бумагу до последнего клочка
Контролируют два дула — два зрачка.

Никогда ты в мою дверь не стучал,
Никогда я на твой стук не отвечал.
Только скрыться от тебя не могу,
И от взглядов мне твоих не спастись —
Наблюдаешь, как я ногти стригу,
И заглядываешь в рот, как дантист.

Я беседую с приятелем вдвоем,
Но... в невидимом присутствии твоём.
Я губами шевелю, я творю, —
Злит тебя, что про себя говорю.
Я письмо моей любимой писал,
На листок ты алчно взгляды бросал,
Ибо так соблазн был велик:
Столько обличающих улики!
Я устал,
Я от тебя так устал,
От стыда и от усталости устал,
И на стол в изнеможении унал, —
И два глаза, плотноядно блестя,
В плоть вонзились, как два черных гвоздя.

1945 г., июль

У МОГИЛЫ ЛУ СИНЯ

Со скорбью, слезы едва скрывая,
приходят люди к твоей могиле...
С усилием ноги передвигая,
приходят люди к твоей могиле.

Сияньем мыслей твоих согреты,
приходят люди к твоей могиле...
Стремясь услышать твои советы,
приходят люди к твоей могиле.

Знамена алые подымая,
приходят люди к твоей могиле...
Зимой и летом сыны Китая
стекаться будут к твоей могиле.

1947

ЭТО НЕ ЖИЗНЬ

Хочу я есть — но нечего мне есть.
Хочу одеться — не во что одеться.
Хочу уехать — в поезд мне не сесть,
Ищу жилья — но некуда мне деться.

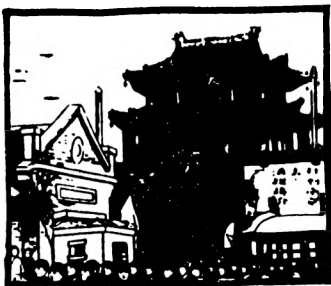
Ребенка я не в силах прокормить.
Отец погиб. Иду в раздумье странном —
В Шанхае даже гроба не купить...
И жить нельзя и умереть нельзя нам.

1947

ЖЭНЬ ЦЗЮНЬ

(рог. в 1909 г.)

Жэнь Цзюнь — поэт, переводчик, теоретик литературы, один из лидеров «Китайского поэтического общества».

Вместе со своими единомышленниками он считал объективной потребностью времени консолидацию сил революционных поэтов, которые могли бы противопоставить свое творчество служителям «чистого искусства», символистам, декадентам и бороться за боевое, наступательное искусство.

Восторгаясь свободными ритмами Уитмена, ценя «оптимизм» поэзии Безыменского, называя Маяковского «неистовым певцом революции», Жэнь Цзюнь писал стихи, которые «нужно декламировать перед массами голосом взволнованным и сильным».

ЖЭ

ГОРЕЧЬ НЕКОЕГО ЧЕЛОВЕКА

В дар уважаемому профессору

Любимой я хотел бы написать
Прекрасную, возвышенную оду;
Но вот беда, там, где она живет,
Лютуют оккупанты больше года.

Хочу создать величественный труд,
Хранить его в горах, пока бушуют грозы;
Но вот беда, исчезли две горы
И остальные под угрозой.

Хочу я в сладкий погрузиться сон,
Забыв па время муки и страданья;
Но вот беда, мне не дают уснуть
Почти прямые попаданья!

Мне был бы сан отшельника к лицу,
Исчезнуть бы в горах Наньяна;
Но вот беда, врывается война
В отшельничество Чжугэ Ляна!

Профессор, с просьбой к вам явился я,
Не откажите в мудром наставленьи, —
Какие грани бытия
Не связаны с войной Сопротивленья?

Я верю вам, не голосу молвы,
А за настойчивость мою не обессудьте;
Я убежден, профессор, только вы
Сегодня добрались до сути!

Весна 1939, Чэнду

ТУМАН

Туман —
белый бескрайний туман.

Туман
укутал деревья, дома,
гребень холма...

Туман
солнечный луч сломал,
мечутся зря глаза;
дорогу найти нельзя.

Туман —
бледная дьявольская рука,
дурман...

В эти часы
многие потеряли покой
и были по горло сыты
невыразимой тоской...

Словно рыбам, ушедшим на дно,
им не видно, что впереди
и что сзади;

Ожидает их хищник в засаде,
но об этом им знать не дано,

Но
Я,

оптимист и певец бытия,
Даже в этом тумане, где нечем дышать,
песнь надежды пою,

мне не сможет ничто помешать!

Так ветра леденят,
по деревья храпят
вечный свой изумрудный наряд!

Потому что пропзил
покрывало тумана мой взгляд,
мир иной

торжествует на землях страны.

Знаю я —
за тоскливой густой пеленой
лучезарная прелесть весны!

23 января 1941, туманный горный городок

НОВЫЕ ПЕСНИ МЫ ПЕТЬ ХОТИМ!

*(Первое «Вступление» к сборнику
«Поэм во имя победы»)*

Навсегда забудьте, бросьте
башню из слоновой кости!
Запах пороха —
Не аромат услад,
романтический и тонкий аромат.
Пусть пока
цветы и травы
в битвах наших дней
засыхают под копытами коней!
Новые песни мы петь хотим,
написанные слезами и кровью утраты,
потому что мы новой эпохи солдаты.

Пусть стихи «изящные и милые»
мумии декламируют!
Классики вычурность и манерность
пусть смакует окаменелость!

Мы хотим на боевого коня,
мы с винтовкою хотим наперевес,
с новой песнею, летящей до небес!

Новые песни мы петь хотим —
пусть орут десятки тысяч глоток,
пусть орут, пока не победим!
Горы и реки от скверны очистим,
и азиатская ночь обернется рассветом
лучистым!

ПЕВЦАМ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

*(Второе «Вступление» к сборнику
«Поэм во имя победы»)*

О певцы великой эпохи,
во весь голос сегодня пойте!
Как весенние громы, пойте!
Как великий океан, пойте!

Может быть, кое-кто скривит губы:
неотесанны, мол, песни и грубы;
даже уши затыкают гурманы,
Но, друзья, не обращайтесь вниманья!
В их попробуйте войдите положенье:
Эти слабые тепличные растения,
эти хрупкие и бледные нервы,
словно тонкий фитилек лампы,
разве совладают с громами?!
Вероятно, кое-кто в сильном раже
как весомый аргумент нам покажет
пылью времени покрытые густо
«драгоценные творенья искусства»
И, как песни твои, Уолт Уитмен,
к смерти он приговорит наши ритмы!
Но, друзья, тревоги ваши мне странны:
вспомним строки из Бедного Демьяна.
Наших судей болтовня-враки,
завывания бешеной собаки!
О певцы великой эпохи,
громче свои песни пойте!
Ведь само великое время —
это величавая поэма!
Мужество, отвага и слава
в этой величавой эпопее,
Самые волнующие ритмы,
Самые могучие напевы...

ЦЗОУ ДИФАНЬ

(рог. в 1917 г.)

Цзоу Дифань — поэт эпик, воспевавший в своих произведениях человека труда. В поэмах «Бескрылые люди» и «Плотничья мастерская» раскрыл трагизм обыденной жизни рабочего человека в старом Китае.

Цзоу Дифань начал как эпический поэт, а потом обратился к коротким экспрессивным стихотворениям, пронизанным мечтой о «вершине времени», куда мчится «скакун-идеал». Следуя за Лу Синем, призывал «победить в себе А-кью» — отрешиться от рабской психологии, философии «моральных побед», когда любое оскорбление человеческого достоинства силою рабского же воображения как бы трансформируется в победу оскорбленного.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

КОЛЕСНИЦА

День наступит — сгинет тьма ночная,
Тентом станет голубое небо,
Солнце — быстро-звонким колесом,
Идеал высокий —
Скакуном;
И помчимся в нашей колеснице
К крайней точке неба,
На вершину
Времени.

КОЛОКОЛЬЧИК

Колокольчик, синий, красный,
Ты карабкаешься властно
По стволу с надеждой страстной,
И тебе преграды нет;
Как горнист с вершины горной,
И бестрепетно, и гордо
Возвещаешь ты рассвет.

ВЕСНА

Пусть хлопают деревья зелеными ладонями,
Пусть кроваво-красные цветы поднимут факелы,
Пусть плещется пустыня, как море бирюзовое,
Пусть импровизируют кукушки предвесеннее,
Пусть по небу несется
Наш гордый гимн сражения.

БУТОН

Смех юности, которой все дано,
Любовь, в груди созревшая давно,
В бутылке запечатанной вино,
Большая цель — достигнуть мудрено! —
И сердце, что еще не зажжено.

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Разве это преступленье —
Ночью лампу зажигать?
Голубого неба марта
Нет у ласточек давно.
А у пчел медоносящих
Все отобраны сады.

Весна 1942

ПОБЕДИМ А-КЬЮ В СЕБЕ

Памяти Лу Синя

Взгляните на А-кью,
В повозке арестантской

По городу
Его везут на казнь.

Что он за человек?
Нет, не землевладелец.
Батрачил день и ночь
Он за любую плату
И не считал часов.
Когда был нужен людям,
Терзали плоть А-кью;
А после в нем нужда,
Как в скорлупе яичной,
В которой нет желтка
И вытек весь белок.

Храм Земледелия — пристанище твое,
Лил дождь, выл ветер как шальной,
Людей влекло к домашнему теплу,
И только ты, голодный и больной,
Всю ночь лежал в сыром углу
И корчился и вскакивал со стоном,
Как от укуса скорпиона.

Не избежать тебе голодных мук,
Коль во владенье только пара рук.
Упорен и упрям, ты можешь взять веревку
И ночью удавиться ловко,
А можешь «сдаться»
Или вдруг
Вообразить себе такое:
Кровь
Всех сосуших кровь
С твоей смешалась кровью!
Столетия прошли,
Идеи рабства,
Как тяжкое ярмо на шее у быка,
Живьем людей закапывали в землю,
Пытали, вешали, секли, —
Идеи рабства, —
Клеймили кожу,
О добродетелях не забывали тоже,
О вежливости, о стыде, о чувстве долга,
Впиваясь в жертву взглядом волка,
Веля А-кью идти без понуканий
Дорогой «истинных деяний».

О, ржавый меч,
Для горла сбереженный!
Упал А-кью,
Тем лезвием сраженный.
Как рыба на песке горячем,
Он трепыхнется раз и два,
И с выпученными глазами
Его застынет голова.
Неужто ясным днем
 и в час полночный
Течет не кровь
 под кожей худосочной?
Вставай, А-кью,
Еду,
Любовь,
Работу
Ты вправе требовать,
А-кью!

Проснись и выходи из храма,
Освободись от всяческого хлама
Иллюзий,
Ведь они самообман,
Самовнушенье,
Самовозвышенье
И умиротворяющий туман...

В конце концов
Трусливое решение
Вселило в душу торжество:
Ты по-крысиному
Пошел на воровство
И ради жалкой горсти риса
Сквозь щели лез,
В чужих амбарах рылся.
О, жалкий, одинокий человек,
К безумию идущий человек!
Покинь свой храм без промедленья,
Отбрось и ужас, и оцепененье,
Встань, как гора и как сосна,
Великолепный человек!
Ты обретешь когда-нибудь
Свой светлый путь,
Единой воли грозный вал
Тебя позвал!

Те, кто «не разрешают революцию»,
«Осуществляют контрреволюцию».

Чудак и фантазер
В неравной пал борьбе.

.

Мы победим
А-кью
В себе.

Октябрь 1948

ША ОУ

(рог. в 1922 г.)

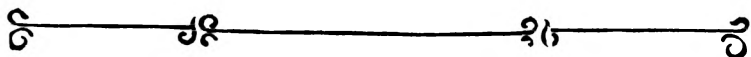

Ша Оу — поэт-реалист, целиком посвятивший свою музу крестьянской теме.

Ша Оу показал китайскую деревню без идиллических прикрас: правдиво и сурово. Книги поэта о деревне — талантливая летопись эпохи, обвинительный документ против старой феодальной деревни, агонизирующего класса помещиков.

Знарок и собиратель народных песен, Ша Оу писал произведения просто, понятно на слух, на языке «самих крестьян».

ТРИ ГОДА

Я похож на старого больного вола,
Вот какие дела.

В позапрошлом году господин был строг,
Увеличил крестьянам налог,

И арендную плату на беду
Увеличил он в минувшем году,

Да и нынешний — опять нам не впрок:
Стал задаток через меру высок!

Как набить, не приложу я ума,
Бездонные господские закрома?

Не могу я полю дать наказ:
Принеси, мол, урожай второй раз.

Грудь сдавило, я бреду и молчу
И три года за собой волочу.

Август 1944

СТАРУХА

Старухе восемьдесят лет,
Усталости ее и меры нет!

Морщины — нет им счета и числа —
Дороги жизни, по которым шла.

Глаза слабеют, старости итог:
«В деревню бы сюда электроток!»

Бьет гонг на площади, его тревожен бой,
Старуха в такт качает головой:

«Побьем японцев, — говорит она, —
И воцарятся мир и тишина».

Август 1944

ГАДАЛЬЩИК

В руках хуцинь, сам слеп и строг,
Несчастен, как несчастный рок!

Гадапье — вот его товар,
Вокруг него и млад и стар,
И каждый откровенья ждет.
Сбежался, скучился народ,
Как мухи, что летят па мед.
Быть урожаю или нет?
Помрем от голода и бед?
А как с арендою земли?
Гадать мы только и могли.

Февраль 1945

КУРИЛЬНЯ ОПИУМА

Чужой курильню не найдет,
мы это знаем сами,
Но завсегда в дверь войдет
с закрытыми глазами.

Сверкает лампа, дым идет, —
сперва одну затяжку,
Потом еще, чайку хлебнет
и отодвинет чашку.

А после, скрючившись, лежит,
недвижим, на циновке.
Речами волость ублажит
всегда хозяин ловкий.

Пришлет чиновника уезд —
не обойтись без взятки;
Уедет он из наших мест,
и снова все в порядке.

Февраль 1945

ЗЕМЛЯ

Как хворь не расстается с нами —
Не расстаемся мы с землей...

Дед помер от нужды и бед,
С почтеньем обращаемся к тебе.

В голодный год, покорные судьбе,
Мы, плача, обращаемся к тебе.

Кидаясь в воду, духом ослабев,
Мы тоже обращаемся к тебе...

Июль 1944

ХРАМ ЗЕМЛИ

У извилистой горной дороги
Храм стоит, обветшалый и строгий.

Беспреданно печальные люди,
Хмурия брови, плетутся, как тени,

И несут ритуальные деньги,
И несут ароматные свечи,
И с мольбой бьют земные поклоны.

О, болезни! О, горькие стоны!
Не надейтесь, о люди, не надо:
Храм бессилён спасти нас от гнета
Восемнадцати ярусов ада!

Июль 1944

СЛЕПАЯ

Не говорите ей про лепестки,
Про высоту деревьев, про кусты:
Слова такие для нее пусты.

Надежды жизни — в нищенской суме.
Пятнадцать лет она бредет во мгле,
Постукивая палкой по земле.

Однажды мальчик встретился в пути,
Она сказала людям: это сын, —
Семь лет они вдвоем среди равнин.

В пути мальчишка отгонял собак,
Делили рис и голодом терзались,
Они казались близкими людьми
И незнакомыми казались.

1947

НОЧЬ

Прикладом в ворота — сподручней оно и верней;
Веревками вяжут, выводят злодеи парней.

Иной коромыслом бьет насмерть начальника цзя,
Иные с ножами: иначе отбиться нельзя!

Такое бывало, и снова в деревне темно.
У нас и собаки покой потеряли давно.

Январь 1947

ЛИ ЦЗИ

(1922-1980)

Ли Цзи — поэт, прозаик, общественный деятель.

В 1944 году Ли Цзи создает лироэпическую поэму «Ван Гуй и Ли Сянсян» — одно из лучших произведений китайской поэзии новейшего времени. Пропитанная духом народных песен, их образами, мелодией и ритмом, поэма неоднократно переиздавалась после Освобождения. В этой поэме, повествующей о революционной борьбе крестьянских масс, о становлении нового человека — строителя и борца, Ли Цзи развил лучшие традиции китайской реалистической литературы.

ВАН ГУЙ И ЛИ СЯНСЯН

(Из поэмы)

ЦУЙ ЭРЪЕ СОБИРАЕТ НАЛОГИ

В тридцатом году на Саньбянь
тяжкое горе легло...
Но, говорят, в Саньбяне
не только печаль и зло.
Слышал, в Саньбяне не счесть
золота и серебра.
Да только не к беднякам
бывает земля добра.
Необозримый край —
лёссовые поля.
Но что опи им, беднякам!
Это не их земля.
Прошлым летом сюда
злая пришла судьба.
Были подобны углю
высохшие хлеба.
Тяжко слепцу в темноте,
дорога его нелегка —
Неурожайный год
страшен для бедняка.
Начало года — терпи,
а как дожить до конца?
Весной тридцатого года
печаль сковала сердца.
Люди варили травы,
ели все, что могли.
Не видно зеленых всходов
на многие сотни ли...

В марте в гробах хоронили
детей, матерей, отцов,
А в июне некому было
оплакивать мертвецов.
В амбарах зерно гнивало
(у Цуя зерна не счесть),
А беднякам бездомным
нечего было есть.
Голодными псами бродили,
от голода еле дыша...
Но Цуй не поможет.
Волчья
у Цуя была душа.
Ветер деревья ломит.
Тоскливо скрипят они.
Деньги сделали Цуя
старостой в эти дни.
На счетах до сотни костяшек.
До сотни! Но вот беда:
Как сосчитать у Цуя
бесчисленные стада?
Пастбищ — на тридцать ли,
Пахотной — двадцать ли
Плодородной земли!
Все Цую Эръе дано:
И земли, и скот, и зерно.
В небе дым очагов,
весь небосклон закрыт,
А половина неба
Цую принадлежит.
Чем холодней погода,
тем ветер крепче и злей, —
Чем больше в кармане денег,
тем человек лютей!
Двадцать девятый год —
неурожайный год —
Скорбно насупил брови
весь деревенский парод.
Погибнут твои хлеба,
Голод — твоя судьба.
Не соберешь зерна —
Налог не отдашь сполна.
Голод еще не беда,

Налог не отдашь — беда!
Три дня у Рябого Вана
ничего есть и пить.
А тут холуи явились
с налогом поторопить.
И холуям без страха
так отвечает Ван
(Этот старик крестьянин
за словом не лез в карман):
«Если палог не впесу я,
значит, на свете том
Буду помещику быллом,
буду ему быком».
Как тигры, как злые волки,
набросились холуи...
Разве вынесут это
старые кости твои?
Исполосовано тело,
льется кровь, как река,
И только слышатся стоны
несчастливого старика.
Как гусь, потерявший стаю,
бессильно метался он,
В сердцах деревенского люда
его отозвался стоп.
«Я должен только зерно.
За что ж умереть суждено?
Скарб мой унес из дому,
все отобрал злодей.
Налог заплатить не в силах,
хоть до смерти Вана бей».
Осел понимает мало,
нет ума у осла, —
У холуя душонка
злобою заросла!
Палку одну сломал,
Палку другую взял.
Страшно было смотреть,
Как в Вана вселялась смерть.
Солнце на запад шло —
Не покидало тепло.
Когда же взошла луна —
Мертвая тишина.

Зимою деревья и травы
ростков не дают никогда, —
Крестьяне в старом Китае
жили хуже скота.

ВАН ГУИ ТРУДИТСЯ

Хитрый у Цуя план:
Сына оставил Ван,
Ван у Цуя в долгу —
Выплатит сын Ван Гуй.
Ягненок блеет, когда
Настигает его беда.
Ван Гую тринадцать лет,
Но он не ягненок, нет.
Хоть был он летами мал —
В работе толк понимал.
Корм скоту задавал,
А сам всегда голодал.
И даже под Новый год
Пуст у него живот.
В котлах варилась еда.
Ему — объедки всегда.
Бараньей шкурой одной
Закутан в холод и зной.
Осень. Спешит народ.
Серп и Ван Гуй берет.
Зимой овец сторожил.
Вечно в холоде жил.
Руки и поги жгло.
Где же возьмешь тепло?
В морозы его еда,
Как камень, была тверда.
Сам промерзал до костей.
Огонь развести б скорей.
«Но как же я разожгу
Сырые дрова в снегу?»
Ириса пять лепестков
раскрылись, жизнью полны.
В труде прошли у Ван Гуя
полных четыре весны.
Много зимою снега —
осенью урожай.
Как побег пшеницы,
рос Ван Гуй и мужал.

Метут в декабре метели,
деревья в снежном кольце.
Думает думу сын
о дорогом отце.
Вол заменит вола,
старого — молодой.
Сын отомстит за отца,
гнев не зальешь водой!

КЭ ЧЖУНПИН

(1902-1964)

Кэ Чжунпин — признанный мастер эпического жанра, теоретик поэзии. Впервые масштабно изобразил борьбу китайского пролетариата против агрессоров. Пламенный энтузиаст движения за «массовую поэзию», Кэ Чжунпин призывал братьев по перу учиться писать на языке народа, во имя которого и творит поэт.

СКОРБЛЮ О ПОЭТЕ ВЭНЬ ИДО

Не видно ни тропинок, ни дорог, —
Ты «Красную свечу» во тьме зажгел,
И скорбно пел о страшной силе зла,
И все искал сияние луча.
С тобою вместе красная свеча
Потоки слез кровавых пролила.
И только позже ты нашел пути,
Которыми идти за тем лучом, —
Не со зверьем помещичьим идти
И не с американским богачом,
А с авангардом родины своей,
С рабочими, с крестьянами страны,
Во имя
Будущей весны,
Демократических идей!

Перо поэта стало с давних пор
Как острый меч,
Как боевой топор.
Бандит народу путь не преградит,
И зря тиран задумал хитрый план:
Сверкнет топор —
И падает бандит,
Взлетает меч —
И падает тиран!
Тебя позвал бушующий Ухань,
Ты шел пешком в провинцию Юньнань,
В мой край родной.
Тебя благодарю,
Ты нам принес прекрасную зарю!

Наш город славен «Золотым конем»,
Гарцуй на нем,
Вперед скачи на нем.

«Лазоревый петух» крылом взмахнет —
Он за лучом
С тобой готов в полет.

Отважные в Юньнани сыновья.
Веди их
Против черного зверья.

Ты раньше только книгу
В руки брал.
Сегодня ты народный генерал.

Отважный, славный генерал-поэт,
Врагам достойный ты давал ответ,
Вступить в открытый рукопашный бой
Охранка не осмелилась с тобой,
Но тайно, скрытно, заметая след,
Шел за тобой бесшумный пистолет.

На родине моей ты был убит!
Но почему решился вдруг бандит
Злодейское убийство совершить?
В Куньмине стало много чанкайши!
(Хочу излить всю боль мою и гнев:
Чего-то ждал юньнанец, присмирив,
Но, к ужасу «доверчивой» души,
Всех обманул предатель Чан Кайши!)

Нам всем пойдет наука эта впрок,
Прости недальновидных земляков!
Кровавый, поучительный урок
Для всех глупцов на тысячи веков.
Ведь некогда поднялся отчий край,
И свергнут был тиран Юань Шикай.

Наш генерал, поэт и демократ,
В Юньнани света больше во сто крат!
Отцы и братья, слово к вам,
Непокоренным землякам:
Поэт убит. Достоин он
Величественных похорон.

Похороните Вэнь Идо
С Не Эром рядом,
Не Эр поэмы Вэнь Идо
Хотел, наверно,
На музыку переложить,
Но нет Не Эра.
Согласен был бы наш Не Эр
С таким решением:
Отлейте статую, друзья,
Поэта Вэня!

Она мне видится такой:
Поэт летит на «золотом коне»,
Сжимая свиток левою рукой,
Сжимая пику правою рукой,
А сзади феникс, гордый и живой,
И задними копытами коня
Ты топчешь зло, бесстрашие храня.
И, фениксу покорен,
Брызжет свет!
И сбросила Юньнань всю тяжесть прошлых лет,
И тысячи людей вокруг тебя, поэт.
И на высоком берегу Дяньчи
Поэта статуя
И яркие лучи.
Часы победы радостно звучат,
Победы стяг на каждом рубеже,
Шагает демократии солдат —
И будет мир!
Он к нам пришел уже!

И, силою повергнув силу зла,
Народ Китая свой опустит меч,
Прикосновеньем света и тепла
Зажжет мильоны красных свеч,
И жертвоприношения обряд
Здесь совершит отечества солдат,
Поэт убитый,
В память о тебе
И обо всех,
Кто в грозной пал борьбе.

1946, Яньань

ПЕРЕДАЙ ЕМУ ЭТОТ ЦВЕТОК

Провожая товарища Сяо Саня
(Эми Сяо), уезжающего в СССР для
участия в торжествах в связи со
150-летием со дня рождения Пушкина.

Цветок гвоздики я сорвал
Среди высоких скал,

Чтобы ты Пушкину его
В России передал.

Чтобы от наших мест вдали —
За десять тысяч ли —

Он взял «гусиное перо» —
Привет моей земли.

Май 1949

ПОЮ ГЕНИЙ НАРОДА ПУШКИНА

Прочитано на юбилейном заседании в
Пекине в честь 150-летия со дня рож-
дения А. С. Пушкина

Цветок России, русский гений,
Он гибель предпочел придворному служенью,
Он драгоценный меч, хвала его деяньям,
Тускнеют звезды пред его сияньем,
Стремительнее молний небосвода, —
В нем образ русского народа!

О, Пушкин, гордый русский гений,
Народа глас — его творенья,
И льется стих, как между гор родник,
Что вдруг возник
И стал рекою вмиг,
А после в море обратится...
О, Пушкина нетленные страницы!
Вершинам горным равные величьем
И родникам российским чистотой,

Российским рекам голубым обличьем,
Морям российским силой налитой.
Он песни пел от имени народа,
Он был как ветер раннею весной,
Он славил в песне небо, горы, воды,
Поля и целый шар земной.
И люди, люди всей земли
На встречу с Пушкиным пришли.
Как пушкинский отметят юбилей
Народы нового Китая?
Сто солнц любви над миром поднимая
Руками миллионов сыновей!

6 июля 1949

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 18. *Сиванму* — «владычица Запада», в древнекитайской мифологии — женское божество, хозяйка Запада, обладательница снадобья бессмертия.

Стр. 23. *Цыгуй* — разповидность кукушки, символизирует скорбь и одиночество. Существовало поверье, что, провожая весну, цыгуй в скорби кричит до тех пор, пока не хлынет кровь из горла.

Стр. 24. «*Царство Чу стало жертвой обмана...*» — Букв.: «Со всех сторон пели песни и в конце концов порвались в Чу...» Автор использует предание, согласно которому воины царства Чу, услышав у себя в тылу песни противника, решили, что они окружены со всех сторон, и прекратили сопротивление.

Чжэцзян — родная провинция поэтессы; находится на юго-востоке Китая.

Стр. 26. *Се Даюнь* — девушка из знатной семьи, жила в IV в., отличалась эрудицией и талантом стихотворца, а также независимым характером и храбростью.

Стр. 35. *Шарик*. — Цвет шарика (стеклянного, фарфорового, золотого и т. д.) на шляпе чиновника указывал на ранг его владельца.

Стр. 51. *Не это ли чудом зовется?* — К строке дано примечание автора: «Эту спену я наблюдал в городе Ханчжоу и под впечатлением увиденного написал стихи».

Стр. 58. *Чаогао* — китайские сладости.

Цзяо — монета, равная одной десятой юаня.

Янчжоу — город в провинции Цзянсу.

Стр. 59. *Фэнь* — мелкая разменная монета.

Чи — мера длины, равная 0,32 м.

Стр. 62. *Вспоминаю расстояние меж небом и землею...* — Строки из стихотворения поэта Чэнь Цзыана (661—702).

Стр. 65. *Ли Шанчунь* (812—858) — поэт эпохи Тан (618—907).

Стр. 69. *Хуайсу* (725—785) — буддийский монах и знаменитый каллиграф, автор сочинений по каллиграфии.

Не ею ли себя во сне увидел философ древний? — Намек на притчу Чжуан-цзы (IV—III вв. до н. э.), мыслителя Древнего Китая. Однажды во сне мудрец увидел себя бабочкой, порхающей по цветам; проснувшись, он подумал: ему ли приснилось, что он бабочка, или бабочке снится, что она — Чжун-цзы.

Стр. 70. *Орнаментами ханьскими украшен.* — Ханьский — т. е. китайский.

Цинь (цисяньцинь — семиструнный цинь) — старинный струнный щипковый инструмент.

Стр. 71. *Как чудодейственный меч из Бинчжоу.* — Мечи, изготовлявшиеся в старинной области Бинчжоу (нынешняя провинция Шаньси), издавна считались лучшими в Китае.

Лу Ю (1125—1210) — известный поэт.

Стр. 72. *Хуанпу* — приток реки Янцзы, служащий гаванью для судов, заходящих в шанхайский порт.

Стр. 73. *Запретный город, Императорский город* — комплекс дворцовых сооружений в центре Пекина, построенный в начале XV в.; резиденция китайских императоров.

Fra Angelico (Фра-Джованни Анжелико, 1387—1455) — итальянский художник эпохи Возрождения.

Ткачиха на небе (Небесная Ткачиха) — название созвездия; согласно народным легендам, — дочь небесного императора, которая живет на небе, недалеко от Млечного Пути, и тклет драгоценные небесные ткани неземной красоты.

Стр. 75. *Тао Цянь* (Тао Юаньмин, 365—427) — великий китайский поэт. Хризантема как символ душевной прямоты, стойкости и благородства неоднократно воспета в его стихах.

Ты на Празднике осени с нами ликуешь... — Праздник осени, или день «двойной девятки», отмечался в Китае в девятый день девятого месяца по лунному календарю. Любованье цветущими хризантемами было одним из его ритуалов.

Стр. 76. *Красный боб* — южное растение, издавна слышущее в китайской поэзии символом тоски в разлуке.

Ван Вэй (701—761) — известный китайский поэт.

Стр. 83. Стихотворение навеяно трагическими событиями 18 марта 1926 года, когда, по приказу милитариста Дуань Цижун, в центре Пекина — на площади Тяньаньмынь и в переулке Тешицзы — была расстреляна студенческая демонстрация; 47 человек были убиты, более 200 ранены.

Стр. 84. *Янлюцин* — город неподалеку от Тяньцзиня (Северный Китай).

Янь-ван — в китайской народной мифологии владыка загробного мира.

Стр. 108. Этот фантастический гимн зарплате, полученной из рук капиталиста, звучит как злая ирония, присущая и другим

сочинениям Кан Байцина. Между изображенной поэтом картиной и действительным положением трудящихся на заводах и фабриках старого Китая, где широко применялся женский и детский труд, контраст был поразителен. Кан Байцин выдумал некое царство гармонии труда и капитала, надеясь, что даже самые непроницательные поймут истинный смысл стихотворения.

Су Ши (Су Дунпо, 1036—1101) — великий китайский поэт.

Стр. 109. *Чэнь Бо* (Чэнь Цзыап, 661—702) — китайский поэт.

Осенний ветер гулко завывает... — строки из стихотворения Цюй Юаня «Владычица реки Сян».

Цюй Юань (340—278 гг. до н. э.) — великий китайский поэт.

Стр. 133. *Чжан* — мера длины, равная 3,2 м.

Стр. 136. *Край Обетованный* — Советская Россия. Стихи из «Путевых заметок о новой России».

Стр. 151. «*Уса юньдун*» — движение «30 мая». Исходным событием национальной революции 1925—1927 гг. в Китае явилась демонстрация шанхайских студентов, расстрелянная 30 мая английской полицией.

Стр. 160. *Суинберн* Алджернон Чарлз (1837—1909) — английский поэт, драматург, критик.

Сапфо (Сафо) — древнегреческая поэтесса 1-й половины VI в. до н. э.

Стр. 179. *Мао* — мелкая монета, гривенник.

Стр. 181. 29 января 1932 г. японские агрессоры осадили город Шанхай, и началась героическая шанхайская оборона. В ней принимало участие все население города, проявившее истинное мужество и отвагу.

Стр. 190. *Есть провинция Цзянси//Там живут Советы...* — В начале 30-х гг. в провинции Цзянси под руководством коммунистической партии была установлена народная власть.

Стр. 191. «*Нэмбер-уан*» — «номер первый» (англ.). Так на английских и американских фабриках в Китае называли надзирателей.

Стр. 195. *Ты должен перо приравнять к штыку!* — Переключка с известными стихами Маяковского.

Стр. 201. *Я увидел восход в городе...* — Поэт описывает Шанхай.

Стр. 230. *Тайюань* — город в провинции Шаньси.

Стр. 239. Драматическая поэма в стихах «*Богини*», по словам самого автора, «символизирует войну северных и южных милитаристов Китая». Используя мотивы старинной легенды о единоборстве исполинов Гун-гуна и Чжуань-сюя, Го Можо говорит о реальной действительности; его богини олицетворяют грядущую революцию.

Гун-гун — в древнекитайской мифологии — божество воды.

Чжуань-сью — в древнекитайской мифологии — божество-первопредок.

Трещина в небосводе. — Поэт намекает на легенду об архаическом женском божестве Нюйва, которая расплавила разноцветные камни и зачинила разверзнувшееся небо.

Стр. 244. *Небесный волк* — китайское название звезды Сириус.

Стр. 248. *«Шицзин»* («Книга песен») — древнейший китайский литературный памятник устного народного творчества. Содержит триста пять различных поэтических произведений, входящих в четыре раздела: «Нравы царств», «Малые оды», «Великие оды», «Гимны». Песенно-поэтические произведения «Шицзина» охватывают период примерно от XII в. до н. э. до VIII—V вв. до н. э. «Книга песен» была сожжена на костре в 213 г. до н. э., восстановлена приблизительно в середине II в. до н. э.

Творца «Лисао» чуского зову... — Го Можо имеет в виду поэта Цюй Юаня.

Создателей юаньской драмы кличу... — Речь идет о классической драме XIII—XIV вв. (эпоха династии Юань).

Стр. 249. *Паньгу* — в древнекитайской мифологии первопредок, первый человек на земле.

Стр. 251. *Озеро Сицзы* — одно из названий озера Сиху в городе Ханчжоу (провинция Чжэцзян). Дано в честь знаменитой красавицы Си Цзы, жившей в царстве Юэ в эпоху Чуньцю (722—481 гг. до н. э.).

Стр. 258. *Где Яо и Шуня мир...* — В древнекитайской мифологии Яо и Шунь — мудрые идеальные правители.

Своих шестерых птенцов... — Автор имеет в виду своих детей.

Стр. 259. Тайшань — священная гора в провинции Шаньдун.

Стр. 260. *«Цзинцзюй»* — пекипская музыкальная драма.

Стр. 261. *День поминовения* (Цин-мин). — В этот день, который приходится на начало апреля, могилы приводятся в порядок, на них возжигают ритуальные свечи, приносят жертвы.

Стр. 269. *Ли Бо* (Ли Тайбо, 701—762) — великий китайский поэт.

Холодный очаг неутешной верной супруги. — Намек на китайскую легенду о верной жене, которая предпочла умереть, чем выйти замуж за убийцу мужа.

Бацяо — мост вблизи Чапъани. В древности на нем расставлялись с уезжающими, даря им на память, согласно обычаю, ветку ивы.

Стр. 276. *«Дикие травы»* (1927) — известный сборник стихотворений в прозе Лу Синя.

Стр. 283. *«Их бог, их цель...»* — строки из поэмы «Бронзовый век» Байрона в переводе Владимира Луговского.

Жерар де Нерваль (1808—1855) — французский поэт.

Стр. 287. *На Хайнани и на Богае//Революция полыхает.* — Здесь Хайнань (остров в Южнокитайском море) и Бохай (залив в Желтом море) олицетворяют юг и север Китая.

Ван Цзинвэй — один из идеологов гоминьдана, глава прояпонского марионеточного «центрального правительства» в Нанкине (1940).

Чунцин — город в провинции Сычуань.

Стр. 297. *Тяньцзяо* — Небесный мост; историческое место в Пекине. Храмы, базары, лавки, магазины, театры были сосредоточены в одном квартале города.

Стр. 302. *Как строки Уитмена...* — намек на «Песню большой дороги» Уолта Уитмена.

Вмешаться сумеют ли карандаши... — Речь идет о реакционной цензуре тех лет (*примеч. ред. китайского сборника*).

Стр. 306. *Отшельничество Чжугэ Ляна...* — Жэнь Цзюнь вспоминает знаменитого полководца эпохи Троецарствия (220—280), который долгое время жил отшельником в горах Наньяна.

Стр. 309. *И, как песни твои, Уолт Уитмен...* — Американский поэт подвергался нападкам со стороны поборников «чистого искусства», которые заявляли: «Если Уитмен понимает в искусстве, то и парнокопытные могут быть сведущи в математике» (*примеч. Жэнь Цзюня*).

Вспомним строки из Бедного Демьяна... — «У советского поэта Демьяна Бедного есть строки: «Я не служитель муз://Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.//Родной народ, страдалец трудовой,//Мне важен суд лишь твой...» (*примеч. Жэнь Цзюня*).

Стр. 312. *А-кью* — герой повести Лу Синя «Подлинная история А-кью» (1921).

Стр. 318. *Хуцинь* — китайская скрипка.

Стр. 321. *Начальник цзя* — в Китае при гоминьдановском режиме существовала система группировки дворов деревни на единицы бао (100 дворов) и цзя (10 дворов) с введением круговой поруки.

Стр. 329. «Красная свеча» (1923) — первый сборник Вэнь Идо

Стр. 330. *«Золотой конь», «Лазоревый петух»* — названия мест в городе Куньмин. Легенда рассказывает, что «золотой конь» и «лазоревый петух» (как обычно называют фениксов) парят над озером Дяньчи и горами Сишань (*примеч. Кэ Чжунпина*).

Тиран Юань Шикай. — Юань Шикай (1859—1916) с 1912 г.

(после свержения династии Цин) — президент Китая, установивший режим военной диктатуры. Кэ Чжунпин имеет в виду антимонархическое движение в южных и юго-западных провинциях Китая в 1915—1916 гг., начатое в провинции Юньнань.

Стр. 331. *Не Эр* (1911—1935) — композитор, один из основоположников новой китайской музыки. Родился в провинции Юньнань.

Л. Черкасский

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Черкасский. Вставай, поэт! 5

ХУАН ЦЗУНЬСЯНЬ

Первое утро 1900 года. *Перевод А. Чивилихина* 18

Дикий гусь. *Перевод А. Чивилихина* 18

* *Предаюсь размышлениям. Перевод Г. Ярославцева* 19

ЦЮ ЦЗИНЬ

«Себе в смятенье места не найду я...» *Перевод М. Басманова* 22

Осенней ночью. *Перевод М. Басманова* 22

«Я негодую...» *Перевод М. Басманова* 23

«В пору юности я обитала...» *Перевод М. Басманова* 23

«Думы одолевают...» *Перевод М. Басманова* 24

«В пустынной комнате, от дел отрешена...» *Перевод М. Басманова* 26

* *Читаю прочувствованную оду набатному колоколу. Перевод Г. Ярославцева* 27

* *Горе соотечественников. Перевод Г. Ярославцева* 28

* *Песнь о драгоценном кинжале. Перевод Г. Ярославцева* 30

СУ МАНЬШУ

Перевод Г. Ярославцева

* *Утренние цветы* 33

* *Проезжаю Камата* 33

Покупка должности 34

ЛЮ БАЬНУН

Между ними лишь слой бумаги. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	39
Продавец редиса. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	39
Коврик. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	40
Кузнец. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	41
Падающие листья. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	41
Коричные деревья. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	42
Голод. <i>Перевод В. Туркина</i>	42
Ты научишь меня, как не думать о пей... <i>Перевод Л. Черкасского</i>	46
Слово человека с деревянной погой. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	46
Осенняя ночь в Париже. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	47
«Вот и дождался...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	47
«О слезы...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	48
Берлин. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	48

ЛЮ ДАБАЙ

Перевод Л. Черкасского

Деньги	50
Чудо	51
Пахота	51
Снег	52
Глядя на луну	52
«Кузнечик от холода...»	54
«О, это Прошлое!..»	54
«За окном опавших листьев тьма...»	54
«Жизнь в тюремной неволе...»	55
«Ты ведь, радуга, кругла...»	55

ЧЖУ ЦЫЦИН

Перевод Л. Черкасского

Свет	57
Уличный фонарь у Бэйхэ	57
Современность в миниатюре	58
Уничтожение (Из поэмы)	60

ВЭНЬ ИДО

Перевод Г. Ярославцева

Красная свеча	65
Песня прачки	67
Первые строфы о весне	68

Последние строфы о весне	70
Загадка времени	70
Осенние краски	71
Палитра жизни	74
Думы о хризантеме	74
Из цикла «Красные бобы»	76
Сумрак	81
Тихая ночь	81
Открытие	82
Площадь Тяньаньмынь	83

СЮЙ ЮЙНО

Перевод Л. Черкасского

Спрашиваю сапожника	86
Письмо матери	87
Декларация	87
Новая песня	87
Ночные звуки	88
«Вошел я в жизни черную пещеру...»	88
«Не будь в душе воспоминаний...»	89

ВАН ЦЗИНЧЖИ

Перевод Л. Черкасского

Юный монах	91
Я хочу	91
Превращенья	92
Рука	92
Жизнь	93

СЕ БИНСИНЬ

Звезды (Фрагменты)

«Безграничную тайну...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	96
«Все мы...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	96
«Для будущих воспоминаний...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	96
«Литератор бесчувственной всех...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	96
«Правда — вся!..» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	96
«Побольше гордости...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	96
«Сновидения поэта...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	96
«Не завидуйте ребенку...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	97
«Необычайной тишины...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	97
«Ребенок...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	97
«На воду ложатся тени...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	97

«В полночный час...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	97
«Те, что жили до нас...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	97
«Сердце!..» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	97
* «О смерть!..» <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	97
* «Поэт...» <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	98
* «Шипы на розах...» <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	98
* «О ветер!..» <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	98
«На мириады звезд взгляни...» <i>Перевод Ю. Александрова</i>	98
«Первой зелени побегги...» <i>Перевод Ю. Александрова</i>	98
«Как рдеют розы...» <i>Перевод Ю. Александрова</i>	98
«О необъятный океан вселенной!..» <i>Перевод Ю. Александрова</i>	99
Вешние воды (Фрагменты)	
«Природа зовет...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	99
«Сердце!..» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	99
«Одинокий парус на краю заката...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	99
«Одинокая в небе звезда...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	99
«В этом смутном туманном мире...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	100
«Мир покидая...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	100
«Создатель...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	100
«Цветок опыта...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	100
«Прощайте...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	100
«Чтобы жизнью сгубить миллионы...» <i>Перевод Ю. Александрова</i>	100
«Вы, юности, пишите обо всем...» <i>Перевод Ю. Александрова</i>	101
* «Мудрец!..» <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	101
* «Тогда к землянащу приходит радость...» <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	101
* Большой поэт. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	101
* Будь я писателем. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	103
* Бумажный кораблик. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	104
* После дождя. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	104

КАН БАЙЦИН

Трава впереди... <i>Перевод Л. Черкасского</i>	107
Песня работницы. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	108
Прощай, Китай моей юности! <i>Перевод А. Тер-Григоряна</i>	108
Сомнения. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	110
Мирной весной. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	110

СЮИ ЧЖИМО

Перевод Л. Черкасского

В поисках звезды заветной	113
Человеческая серая жизнь	113
Трусливый мир	114
Прочь!	115
Последний день	116
Яд	116
Странствие	118
Я не знаю, куда ветер дует	118

ЧЖУ СЯИ

Перевод Л. Черкасского

Дитя	121
Четверостишие	121
Слова	122
Мое сердце	122

ИН СЮЖЭНЬ

Перевод Л. Черкасского

Просьба мальчика	124
Сон	125
Море у Владивостока	125
В Москве	125

ПАНЬ МОХУА

Перевод Л. Черкасского

Травка	128
Возвращение домой	128
Покидаю дом	128

ЦЮИ ЦЮБО

Перевод Л. Черкасского

Моей матери	131
Стихи о белой хризантеме	131
Голос сердца	132
Красный прибой	132
Море	133
Осень	134

Луна	135
Безграничность	135

ЦЗЯН ГУАНЦЫ

<i>Перевод Л. Черкасского</i>	
Стихи о Москве	138
Моя душа	140
Трехстишия	141

ИНЬ ФУ

<i>Перевод Г. Ярославцева</i>	
Посвящая...	144
Слезы одиночества	145
Перед изверженьем	146
Вернись!	147
Воспоминание в конце весны	147
Детская башня	148
В безмолвии почвы	150
Слова, омытые кровью. <i>Поэма</i>	151

ШАО СЮНЬМЭЙ

<i>Перевод Л. Черкасского</i>	
В дар поэту	160
Суинберну	160
Мертвая лютия	161
Женщина	161

ЧЭНЬ МЭНЦЗЯ

<i>Перевод Л. Черкасского</i>	
Дикая гусь	163
Март	163
Звезда	164
Кавалерийский сигнал	164
По улицам провозят орудия	164
Эпитафия на могиле солдата	165

ФЭН ЧЖИ

Человек в зеленой одежде. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	167
Мост. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	167
Намек слепого. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	168
Горечь. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	168
Не торопясь... <i>Перевод Л. Черкасского</i>	168
«Я часто вижу, как в пустынном поле...» <i>Перевод Ю. Александрова</i>	169
«В покинутой деревне голодал...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	169
«Я слушал тихий монолог...» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	170

ДАЙ ВАНШУ

<i>Перевод Л. Черкасского</i>	
Ночная песня скитальца	172
Мои воспоминания	172
Дождливая аллея	173
Осень	174

ПУ ФЭН

<i>Перевод Л. Черкасского</i>	
Рассказ ворона	177
Надежда	178
Песенка шанхайского рикши	178
Песенка продавщицы билетов	179

ВАН ЯПИН

<i>Перевод Л. Черкасского</i>	
Великий канун	181
Ангел мира	182
Продавец чая	182
Сухое дерево	183
Из цикла «Огненная мгла»	183

СЯО САНЬ

Три шанхайские колыбельные. <i>Перевод А. Ромма</i>	187
Тревога. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	194
Цветы сливы мэйхуа. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	195
Вставай, поэт! <i>Перевод Л. Черкасского</i>	195
Мой манифест. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	195

АЙ ЦИН

К солнцу. Главы из поэмы. <i>Перевод Г. Ярославцева</i> . . .	198
Весна. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	205
Разговор с углем. <i>Перевод А. Гитовича</i>	206
Снег падает на землю Китая. <i>Перевод Л. Черкасского</i> . .	206
Улыбка. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	208
Женщина чинит одежду... <i>Перевод Л. Черкасского</i> . . .	210
Он умер во второй раз. Из поэмы. <i>Перевод А. Гитовича</i> .	211
Мосты. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	214
Деревья. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	214
Ноша. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	214
Осел. <i>Перевод А. Гитовича</i>	216
Верблюд. <i>Перевод А. Гитовича</i>	216
Костер. <i>Перевод А. Гитовича</i>	217
Хочу, чтобы раньше пришла весна. <i>Перевод А. Гитовича</i> .	218
Маяковский. <i>Перевод А. Гитовича</i>	219

ТЯНЬ ЦЗЯНЬ

Этот день. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	221
Тем, кто сражается. Поэма. <i>Перевод А. Гитовича</i>	221
«Если мы не пойдем воевать...» <i>Перевод Л. Черкасского</i> . .	227
«Кто меня в беде предает...» <i>Перевод Л. Черкасского</i> . . .	228
Танцы народа. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	228
Непреклонные. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	229
«Вставай на защиту! В бой иди!..» <i>Перевод Л. Черкасского</i>	229
Над Тайюанем... <i>Перевод Л. Черкасского</i>	230
Для декламации на детском празднике. <i>Перевод А. Гитовича</i>	230
Из цикла «Перемены». <i>Перевод Л. Черкасского</i>	232
Возница (Из поэмы). <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	233

ГО МОЖО

Из сборника «Богини»	
Предисловие к сборнику «Богини». <i>Перевод А. Адалис</i> .	238
Богини. <i>Перевод А. Адалис</i>	238
Ясное утро. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	245
Из сборника «Звездное пространство»	
Посвящение. <i>Перевод А. Адалис</i>	246
Сфинкс, освещенный луной. <i>Перевод А. Адалис</i>	246
Речная заводь. <i>Перевод В. Сергеева</i>	247
Темная ночь. <i>Перевод В. Сергеева</i>	247

Из не вошедшего в сборники	
Месяц и море. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	248
Творец. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	248
Природа. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	250
Скорблю об увядших орхидеях. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	250

Из сборника «Ваза»	
Посвящение. <i>Перевод А. Арго</i>	251
«Как сердце трепещет, как бьется тревожно!..» <i>Перевод А. Арго</i>	252
«Осыпался цветок, и хлопья лепестков...» <i>Перевод А. Арго</i>	252

Из сборника «Знак авангарда»	
Искатель силы. <i>Перевод А. Гитовича</i>	253

Из сборника «Возвращение к жизни»	
Возвращение. <i>Перевод А. Эфрон</i>	253
Декларация поэзии. <i>Перевод А. Гитовича</i>	255

Из сборника «Голос войны»	
Ода к бешеной собаке. <i>Перевод А. Тер-Григоряна</i>	255
Прелюдия. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	257
Строфы о возвращении на родину (I—VI). <i>Перевод И. Голубева</i>	258

Из сборника «Цикады»	
Семья демократии. <i>Перевод А. Тер-Григоряна</i>	261
Слава советской Красной Армии. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	262
Октябрьские впечатления. <i>Перевод А. Гитовича</i>	264

ЦЗАН КЭЦЗЯ

Клеймо. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	267
Зарницы. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	267
Песчипка. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	268
Прощаюсь с Чапьяшью. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	269
Плеть. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	270
Три поколения. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	270
Неведомая звезда. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	271
«Нулевой градус жизни». <i>Перевод Л. Черкасского</i>	272
Намятчик. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	274
Человек. <i>Перевод А. Гитовича</i>	276

БЯНЬ ЧЖИЛИНЬ

Длинное — это... <i>Перевод Л. Черкасского</i>	278
Тишина. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	278
Мальчик. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	279
Кредиторы. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	279
Пахари Северо-Запада. <i>Перевод В. Адубевского</i>	279

ХЭ ЦИФАН

Во время болезни. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	282
Венок на могиле. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	283
В последний путь. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	283
Революция — наступление на старый мир. <i>Перевод А. Тер-Григоряна</i>	284
Пусть яростным будет наш клич! <i>Перевод А. Тер-Григоряна</i>	288
Рассвет. <i>Перевод А. Тер-Григоряна</i>	293

ЛИ ГУАНТЯНЬ

Перевод Л. Черкасского

Тоска по родине	296
Сын Земли	296
Поездка на Тяньцзяо	297

ЮАНЬ ШУЙПО

Я надел чистую, выстиранную рубашу. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	302
Ночь. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	302
Гвозди. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	303
У могилы Лу Сня. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	304
Это не жизнь. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	304

ЖЭНЬ ЦЗЮПЬ

Перевод Л. Черкасского

Горечь некоего человека	306
Туман	307
Новые песни мы петь хотим!	308
Певцам великой эпохи	308

ЦЗОУ ДИФАНЬ

Перевод Л. Черкасского

Пять стихотворений

Колесница	311
Колокольчик	311
Весна	312
Бутон	312
Темная ночь	312
Победим А-кью в себе	312

ША ОУ

Перевод Л. Черкасского

Три года	317
Старуха	317
Гадальщик	318
Курильня опиума	318
Земля	319
Храм земли	320
Слепая	320
Ночь	321

ЛИ ЦЗИ

Ван Гуй и Ли Сяпсян. Из поэмы. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	323
--	-----

КЭ ЧЖУИПИН

Скорблю о поэте Вэнь Идо. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	329
Передай ему этот цветок. <i>Перевод А. Гитовича</i>	332
Пою гений народа Пушкина. <i>Перевод Л. Черкасского</i>	332
Примечания	334

В11 В поисках звезды заветной. Китайская поэзия первой половины XX в. Пер. с кит./Редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; Сост., вступ. статья, заметки об авторах и примеч. Л. Черкасского. — М.: Худож. лит., 1988. — 350 с. (Б-ка китайской лит-ры).

ISBN 5-280-00370-0

Сборник объединяет произведения тридцати девяти наиболее известных китайских поэтов первой половины XX века — от Хуан Цзуньсяня, Цю Цзинь и Су Маньшу, писавших на старом литературном языке, до создателей подлинно новой поэзии на современном языке: Вэнь Идо, Го Можо, Цюй Цюбо, Ай Цина и др.

Реалисты, романтики, символисты, мастера короткого лирического стихотворения и эпической поэмы — все они с достаточной полнотой представлены в сборнике. В своей совокупности стихотворения создают объемную и многокрасочную картину поэзии первой половины XX века.

В $\frac{4703000000-166}{028(01)-88}$ 187-88

ББК 84. 5 Кит.

В ПОИСКАХ
ЗВЕЗДЫ
ЗАВЕТНОЙ

(Китайская поэзия первой половины XX века)

Редактор
М. Фишбейн

Художественный редактор
А. Моисеев

Технический редактор
Е. Полонская

Корректор
Г. Ганапольская

ИБ № 5156

Сдано в набор 24.06.87. Подписано в печать 25.03.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,9. Уч.-изд. л. 15,23. Тираж 25 000 экз. Заказ № 732. Изд. № VIII-1991. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Набрано и сматрицировано на Ярославском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97. Отпечатано в типографии издательства «Калининградская правда», 236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18. Зак. 768.

